

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

"НАУКА"

МОСКВА - 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Ю. Шведова (Москва). Теоретические результаты, полученные в работе над "Русским семантическим словарем"	3
Т.М. Николаева (Москва), И. Фужерон (Париж–Лилль). Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами.....	17
В.В. Деметьев (Саратов). Фатические речевые жанры.....	37
М.И. Чернышева, Ю.Н. Филиппович (Москва). Историко-лексикологическое (тематическое) исследование: экспериментальный опыт на основе информационной технологии.....	56
С.В. Князев (Москва). О критериях слогоделения в современном русском языке: теория волны сонорности и теория оптимальности.....	84
В.С. Храковский (С.-Петербург). Универсальные уступительные конструкции ...	103
А.И. Домашнев (С.-Петербург). Новая немецкая орфография	123

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

О.В. Лукин (Ярославль). Части речи в античной науке (логика, риторика, грамматика).....	131
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Е.Ю. Протасова (Москва). Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания?.....	142
---	-----

Рецензии

Ю.С. Степанов (Москва). <i>D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive</i>	156
В.М. Аляпатов (Москва). <i>L.J. Loveday. Language contact in Japan. A socio-linguistic history</i>	158
И.А. Перельмутер (С.-Петербург). <i>M. Sabanééva. Essai sur l'évolution du subjonctif latin. Problèmes de la modalité verbale</i>	162
Е.Э. Бабаева (Москва). <i>A. Граннес. Избранные труды по русскому и славянскому языкознанию</i>	165

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	171
---------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, М.М. Маковский (отв. секретарь), Т.М. Николаева (зам. главного редактора), Ю.В. Откупщиков, В.В. Петров, В.М. Солнцев, О.Н. Трубочев (главный редактор), А.М. Щербак

Зав. отделами *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-74-42

© 1999 г. Н.Ю. ШВЕДОВА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ
В РАБОТЕ НАД "РУССКИМ СЕМАНТИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ"***

I. Основания для классификации лексики. "Русский семантический словарь" (тт. 1–6, около 300 000 словозначений) был задуман в качестве труда, который представит современную русскую общеупотребительную лексику в виде такого уровня языковой системы, который, как и уровни грамматический и словообразовательный, имеет собственную организацию и может быть представлен как такая организация. Этот постулат с необходимостью предполагал поиск обобщений определенных данностей, конструирующих такую организацию и обеспечивающих ее целостность. Путь поиска дает сам язык: он разделил слова на классы, организуемые одновременно самой общей лексической семантикой входящих в них единиц и обобщением грамматических свойств этих единиц. Такими классами являются части речи. С давних пор в русской грамматической традиции в разграничении частей речи соседствуют два принципа: строго формальный и функциональный. Если исходить от функций тех или иных классов слов, то в вершине членения (вслед за всеохватывающим началом – "Слово") оказывается членение функциональное: оно представляет все слова как распределенные по четырем множествам: слова указующие, именующие, связующие и квалифицирующие. Этому членению подчинены собственно лексико-грамматические классы (части речи): слова указующие – местоимения; слова именующие – имена существительные, прилагательные, наречия, предикативы и глаголы; слова связующие – предлоги и союзы и слова собственно квалифицирующие – частицы, модальные слова. Эти классы (части речи) как носители самой обобщенной лексической семантики, общих грамматических свойств слов и их словообразовательных потенций и были положены в основу классификации материалов, извлеченных из современных толковых словарей и специально составляющихся новых баз данных. Отступление от формального принципа, также традиционное, было сделано для обобщенного описания слов указующих, т.е. местоимений (а также для счетных слов): здесь доминирующим был признан функциональный подход, причем сам термин "указующие слова" следует считать достаточно условным, см. далее раздел V). Таким образом, вершина классификации оказывается трехступенчатой: "слово – функциональные классы слов – части речи". Такая классификация, исходящая из совокупного и нераздельного существования в слове его лексической семантики и грамматических свойств, позволила не только охватить весь материал без остатка, но и найти путь к его естественным внутренним членениям.

В результате тщательного анализа семантических свойств слов, входящих в ту или иную часть речи, каждый такой класс предстал как разветвленное лексическое древо, расходящееся на многочисленные ветви, идущие от вершины к основанию и вычленивающиеся одна из другой на основе семантического сужения. Такое древо, характеризующееся ступенчатой инкорпорированностью своих нисходящих ветвей и безостаточностью единиц, образующих такие ветви и к ним устремленных, представляет

* Настоящая статья представляет собой доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова 7 мая 1998 г.

собою лексико-семантический класс как множество, сочленяющее в себе подмножества разной степени обобщения и наполнения. В семантическом словаре такое множество и его строение показано соответствующими схемами; их задача – не искусственная схематизация словесного состава языка, а наглядное представление лексического класса как естественной системы (см. II).

Избранный путь представления лексики как одного из уровней языковой системы обеспечил строгость описания, его полноту и естественность его основания; этот путь непосредственно подвел к такому представлению языковой картины мира, которое отвечает самому существу этого понятия. Возможно было и другое словарное описание, которое шло бы не от третьего шага вершины, а от второго (см. выше): тогда рядом с местоимениями в качестве слов "указующих", оказались бы дейктические глаголы и дейктические имена существительные, рядом с предлогами и союзами – все каузативные глаголы, рядом со словами квалифицирующими – все прилагательные, называющие градуируемый признак. Однако реализация такого принципа не только сделала бы пользование словарем в высшей степени затруднительным, но и не отразила бы природы лексики как естественной системы.

II. Лексика как система. Изучение и лексикографическое представление большого массива слов, распределенного на тех основаниях, которые изложены в п. I, подтвердило тезис, согласно которому современная русская общеупотребительная лексика представляет собою такую естественную целостность, которая обладает всеми свойствами исторически сложившейся живой самообразующейся и саморегулирующейся системы. Эта система предстает как живая самодостаточная организация, характеризующаяся, как и всякая другая материальная естественно сложившаяся система, следующими свойствами.

1) Современная русская лексическая система сложилась исторически и отражает многовековой опыт народа; в ней присутствуют как отдельные единицы, так и целые их подмножества, несущие в себе следы прежних ступеней развития языка; т.о., в самой системе заложены свойства соположенности единиц, различных по своим индивидуальным генетическим (хронологическим) характеристикам, а также по стилистической окраске, по своей сути тоже принадлежащей к широкой сфере исторических характеристик слова.

2) Лексическая система живет по своим собственным законам, созданным языком и регулирующим ее существование и развитие; эти законы исключают хаос и регламентируют процессы, происходящие внутри всей словесной организации.

3) Лексическая система состоит из отдельных участков (подсистем), взаимодействующих друг с другом, но существующих под эгидой системы в целом и подчиняющихся ее законам. Эти участки сами имеют свою внутреннюю организацию – некое ядро, к которому устремлены компоненты такой подсистемы. Движения внутри системы назревают и осуществляются в пределах таких подсистем: именно здесь они наблюдаемы на сравнительно коротких временных отрезках.

4) Лексическая система является открытой системой; эта открытость различна для разных ее участков: какие-то из них легко принимают новации, другие почти строго консервативны.

5) При вхождении новаций в тот или иной участок системы в нем происходят определенные изменения; новая единица не просто вмещается в этот участок: ее присутствие влияет на соотношение и качество тех ближайших единиц, в круг которых эта новация входит как составляющее, принимаемое в границы соответствующего множества.

6) Лексическая система как естественная и живая исторически сложившаяся целостность обеспечивает возможность такого воспроизведения языковой картины мира, которая основывается на множестве иерархически организованных номинаций, в своих связях и отношениях осмысляемых средствами самой языковой системы (см. п. IX).

Очевидно, что полученные результаты, подтверждающие статус лексического уровня языка как естественной самоорганизующейся целостности, исключают пони-

мание лексической системы как конструкта – отдельного фрагмента, отвечающего тем требованиям, которые предъявляет к нему концепция исследователя: этот фрагмент обязательно должен включать в себя единицы, толкуемые единым мета-языком и связанные друг с другом возможностями взаимобращения (обязательностью объяснения одного через другое); при таком понимании исследователь волен оперировать любой избранной им совокупностью слов как "лексической системой".

III. "К а р т и н к и ж и з н и", рисуемые предконечным или конечным подмножеством лексического древа. Подножества слов, относящиеся к предконечным ветвям лексического древа, не являются простыми подборками единиц, обладающих некоей семантической общностью; такие подмножества выполняют важную собственно конструктивную и информативную роль, открывая перед нами определенный участок действительности. Это языковые "картинки жизни", через ступень подмножества естественно вписывающиеся не только в систему лексики, ей принадлежащие, но и занимающие свое место на конечных ступенях языковой картины мира. Такие "картинки жизни" рисуются прежде всего лексикой, называющей разнообразными реалии бытия – именами существительными и глаголами. В центре такого подмножества стоит слово (или несколько слов) с опорным, наиболее общим значением; к нему по-разному обращены слова, составляющие его ближайшее окружение. Существуют определенные типы таких "картинок": одни дают собственно изображение, другие его так или иначе живописуют; в большинстве случаев такие качества контаминируются в одном подмножестве. "Картинка жизни" может совпадать с традиционным понятием синонимического ряда, но это бывает только на последней ступени разбиения: предконечные подмножества, как правило, не равны синонимическому ряду словозначений. Типология "картинок жизни" требует специального изучения; здесь назовем наиболее характерные их виды.

1) Подножества собственно информирующие формируются лексикой, близкой к терминологической и не допускающей стилистических соположений; сравни, например, названия реалий, относящихся к церковному устройству, к предметам богослужения, а также все относящиеся сюда глаголы: здесь нет "живописания" соответствующей сферы жизни, но только тщательная и точная о ней информация. В ряде случаев такие собственно информирующие подмножества несут в себе косвенную информацию о том, что сопутствует именуемому, какой конкретный участок жизни за ним стоит; сравни именованья таких совокупностей предметов, которые образованы беспорядочно или только с видимым порядком: *куча, груда, ворох, нагромождение – кипа, батарея* (перен.), *пирамида* (перен.), *шеренга* (перен.) - *охапка*; вникая в строение этого ряда, мы ясно представляем действия того, кто что-нибудь беспорядочно набросал или нагромоздил, либо как-то сложил или уставил, либо беспорядочно ухватил столько, что больше уже не взять; соответствующие глаголы или фразеологизмы дорисуют начатое (*нагромоздить, навалить, накидать, наставить, обхватить* и др.).

2) Подножества живописующие, сочетающие в себе единственно возможное "безучастное" обозначение с его ментальными и ментально-эмоциональными модификациями, раскрывающие средствами языка сложившееся отношение к именуемому; ср.: *умереть* – и все его окружение, от представления смерти как ухода к Богу до самого грубого и даже циничного обозначения; еще один яркий пример такой живописующей "картинки жизни" – именованье глаголом фазы бытия как предстояния: здесь лишь глагол *предстоять* выполняет соответственно информирующую, собственно обозначающую функцию; далее вступает отношение человека как незнание или страх перед предстоящим (*надвигаться, угрожать, подкарауливать* и др.) либо – весьма ограниченно – как удовлетворенность (*улыбается, светит что-н. кому-н.*). Яркие "жизненные картинки" открываются такими подмножествами как "глаголы, называющие поведение или контакты" или "названия человека по его поведению, поступкам" и мн. др.

3) Наиболее распространенный вид рассматриваемых подмножеств – сочетание собственно информирующей и живописующей частей; при этом первая часть может

быть синонимическим рядом (например, *человек – индивид – личность – персона*) или рядом несинонимическим (например, *населенный пункт – город – село – деревня – хутор...*), а вторая часть живописует любое из таких именовании (*человек... – смертный, раб божий. ближний; город... – дыра, медвежий угол, тмутаракань*). Сравни в глаголах, называющих манеру, способ речи: *говорить, произносить и бормотать, тараторить, тарактеть, гундеть, гнусавить, шепелявить*.

"Картинка жизни" – в разных своих видах – восполняет отношение "лексическая подсистема – синонимический ряд": она оказывается необходимым членом триады, организующей лексическое пространство внутри системы в целом: 1) лексическая система и ее подсистемы как исходящие непосредственно от вершины ветви лексического древа – 2) подмножества, членившие (и одновременно собою организующие) эти подсистемы – 3) предконечные или конечные ряды, самим своим составом информирующие об устройстве того или иного "кусочка действительности" и его "живописующие".

Характерно, что слова, обращенные к квалифицирующим смыслам (см. IX), не образуют подмножеств, рассматриваемых выше; их объединения специфичны: это или ряды, градуирующие смысл (например, *какой – хороший, прекрасный, отличный* и т.д.; *весьма – очень, чрезвычайно* и т.д.), или ряды, сопологающие значения, относящиеся к сфере объективной модальности (*нужно, должно, необходимо, целесообразно, возможно* и др.).

"Картинки жизни" – необходимый компонент лексической системы, ее органические составляющие, и многозначного слова: принадлежат к общей сфере языковой номинации, они сходны по своему устройству.

IV. Обнаруживается глубинное сходство между строением лексического класса и многозначного слова: принадлежат к общей сфере языковой номинации, они сходны по своему устройству, по тенденциям развития, по своему отношению к языковым новациям и к разностилевым компонентам, тяготеющим к их составу. В многозначном слове, как в микромире, отражаются все основные свойства лексического класса – его макромира. Это объяснимо, так как и то и другое представляет собой сложившуюся целостность значимых единиц одной и той же природы: слово существует как иерархически организованная целостность словозначений, лексический класс – как многоступенчатая целостность множеств, объединяющих такие значения. Речь идет о многозначном слове, однако существование однозначных слов не противоречит сказанному: при моносемии всегда существует возможность семантических модификаций, готовность к семантическому расширению. Говоря об изоморфизме слова и лексического класса, следует помнить, что при этом сопоставляются не отдельное слово с отдельным лексическим классом, а общие для всех слов и для всех классов черты строения и закономерности развития. Эта общность не абсолютна, но характерно, что черты различия выступают на фоне сходства, и это сходство с очевидностью доминирует над различием этих двух основополагающих языковых систем – лексического класса и слова как такой микросистемы, общеязыковые свойства которой формируются внутри класса, которому эта микросистема обязана своим существованием. Выявляются несколько безусловных черт сходства в строении слова и лексического класса.

1) Как слово, так и лексический класс представляет собой многоступенчатую целостность, объединяющую в своем составе такие участки, которые сочленены в определенную систему; в составе класса – это все его подмножества и подчиненные им ветви, в слове – это все его отдельные значения и отходящие от них "оттенки", также тесно сплетенные в единое целое. И в том и в другом случае составляющие системы находятся друг с другом в отношениях взаимной зависимости: это не простое соположение компонентов, а отношения порождающего и порождаемого: и в слове, и в лексическом классе присутствует возникающая в самом ходе их развития связь между теми целостностями, которые являются компонентами их структуры.

2) И слово, и лексический класс, представляют собой ступенчатую организацию: и в том и в другом случае ступени нисходят от общего к частному, от производящего к производному. Для лексического класса такая черта является конструктивной, она обязательна и постоянна: это всегда сужение. Для семантической структуры слова эта черта характерна, но не абсолютна: модификации значений разнообразны, это может быть как сужение, так и расширение производящего значения; однако и само расширение значения, по-видимому, может рассматриваться как один из видов семантического включения. В целом же картина достаточно очевидна: лексическое древо предстает как разветвление семантически дифференцируемых, сужающихся ветвей, слово – как семантическая структура, расчленяющаяся по направлению от общего к частному; даже в тех случаях, когда вычлняющееся значение оказывается более широким по сравнению с вычлняющим, отношения порождения всегда остаются одной из ступеней, идущих от смыслового ядра к завершению. В любом случае для каждой из этих систем характерна семантическая дифференциация, направляющаяся от вершинного исхода к завершающим ступеням целостного построения.

3) Как слово, так и лексический класс являются открытой системой. Слово постоянно развивается, образует новые значения, всегда при этом сохраняя "спящие", но готовые по-разному напомнить о себе значения старые или устаревшие. Открытость слова состоит в его разнообразных взаимодействиях с другими лексическими единицами – через словопроизводство, синонимику, омонимические отталкивания; практически ни одно слово не существует вне взаимодействий с другими словами или фразеологизмами. Та же черта характерна и для лексического класса: он открыт для образования новых единиц – лексических рядов, образующихся в результате появления новых слов и значений, заимствований, интернациональных включений. Однако ни в слове, ни в лексическом классе открытость не колеблет целого, а лишь обогащает его и стимулирует его естественное развитие и разветвление.

4) Слово и лексический класс сходны по характеру происходящих в них и обусловленных развитием языка внутренних движений. И там, и там перед нами – живая, движущаяся и развивающаяся система, в самой себе заключающая потенциал расчленения и обогащения: в границах слова формируются новые семантические единицы, порождаемые самим словом как знаком, обращенным вовне – к реалиям, требующим именованья, к другим словам и к связям между ними. В границах лексического класса формируются (но гораздо постепеннее, чем в слове) новые обогащающие его компоненты – лексические ряды, в процессе развития словаря вычлняющиеся из конечных ветвей лексического древа.

5) И слово, и лексический класс обладают собственным производящим потенциалом. В слове это способность каждого из его значений к словопроизводству, способность образовать другие единицы, принадлежащие как к тому же самому, так и к другим классам и распределяющиеся по самым разнообразным множествам. В лексическом классе – это его мощный потенциал взаимодействия с другими классами, осуществляющийся по общим законам словообразования и межклассных семантических связей.

6) Слово и как совокупность внутренне связанных значений, и как однозначная лексема имеет свою грамматику – предписанную ему языком парадигму (кстати, довольно часто им к себе приспособляемую), а также диктуемые ему языком синтаксические связи. Свою грамматику имеет и лексический класс: в круг его характеристик обязательно входят те или иные правила словоизменения и синтаксической сочетаемости, а также, и в первую очередь, те грамматические черты, из которых складывается индивидуальная характеристика того или иного лексического множества. Грамматика слова – со многими условно допускаемыми ограничениями – показывается в словарной статье; грамматика лексического класса в лингвистических описаниях ограничивается сообщением о ней в терминах и категориях частей речи и в соответствующих границах; грамматика отдельных подмножеств, отдельных ветвей лексического древа обычно характеризуется очень бегло или вообще остается вне поля зрения исследователя. Между тем, наука о словесном составе языка,

претендующая на всестороннее описание лексики, обязательно должна иметь своим предметом все те общие и частные грамматические характеристики, которые вместе с семантикой слов, образующих данное множество, составляют сущностную черту этого множества.

7) Как для лексического класса и любого из образующих его множеств, так и для многозначного слова характерно то, что можно назвать "стилистической всеядностью": внутри словесной системы и ее подсистем сосуществуют единицы разной, очень часто противоположной стилистической значимости; это объясняется множественностью и разнообразием путей формирования и пополнения лексики, принципиальной открытостью ее состава. В многозначном слове свободно соседствуют значения, принадлежащие к самым разным языковым сферам: к нейтральной, книжной или высокой речи, к речи узко специальной или профессиональной, к просторечию, жаргонам, к диалектам, взаимодействующим с общенациональными нормами; слово отличается высокой семантической активностью, оно стремится действовать во всем языковом пространстве, которое для него всегда открыто. То же самое относится и к широте охвата в границах класса словесных единиц, принадлежащих к разным периодам в истории языка: лексический класс свободно охватывает словесные массивы, складывающиеся на протяжении нескольких эпох, многозначное слово включает в свою семантическую структуру как живые, активные значения, так и значения устаревающие или старые. В зависимости от задач предпринимаемого лексикографического труда, в словарной статье описывается или относительно полный исторически сложившийся состав значений слова со всеми связующими их переходами, или показывается только тот или другой его синхронический "срез".

На фоне показанного сходства отчетливо выступают черты различия, обусловленные знаковой природой слова и природой лексического класса. 1) Слово есть знак: за ним стоит, с одной стороны, понятие, с другой – сама именуемая реалья; в нем заключен потенциал неких взаимоотношений, связей как с понятием (сигнификатом), так и с конкретной жизненной данностью (денотатом). Лексический класс как целостная организация не обладает таким потенциалом: его структура – это абстракция от отношений между словесными множествами, именно благодаря этим отношениям организованными в систему. Здесь уместна аналогия между лексическим классом и грамматической категорией. В обоих случаях языком представлена высокая ступень обобщения: в грамматической категории это абстракция от значений словоформ, в лексическом классе – от семантических характеристик его подмножеств. Как грамматическая категория, отличившись в языковую абстракцию, существует уже над породившими ее и подчиняющимися ей единицами, так и лексический класс, сложившись в систему связей и отношений между словесными группировками, существует уже сам по себе и независимо от наличия или отсутствия какой-то отдельной единицы в составе той или иной такой группировки. 2) Слово обращено к речи: речь – устная и письменная, социально нормированная или индивидуальная, отклоняющаяся от нормы – сфера его существования. Именно поэтому слово, непосредственно взаимодействуя с говорящим или пишущим, открыто для индивидуальных осмыслений и переосмыслений, для неожиданных столкновений; сама знаковая природа слова позволяет ему расширять круг именуемого, делает его предметом творчества, художественного мастерства. Лексический класс обращен непосредственно к тем связям и отношениям, которые формируют языковую систему. Никакая индивидуальная деятельность в границах класса или входящего в него множества невозможна – так же, как невозможна такая деятельность в сфере грамматики, ее категорий и форм: редкие попытки выглядят странно и никогда не принимаются языком. 3) В слове переход от одного значения к другому происходит плавно и постепенно: будь то сужение или расширение значения, преобразование его в связанный компонент фразеологизма, – здесь всегда существуют промежуточные ступени, связующие звенья между семантическими наращениями или утратами. Между множествами и подмножествами лексического класса таких переходов нет. Связь между лексическими множествами –

это сложившаяся вычлененность нисходящей ветви из той, которая ей непосредственно предшествует и, следовательно, обязательное вхождение нисходящей ветви в вышестоящую. Эти отношения между подмножествами закреплены структурно: ими создается лексическая целостность, принадлежащая самой языковой системе. В слове заложена постоянная и высокая семантическая продуктивность, обеспечивающая появление новых значимых единиц. Продуктивность класса, т.е. способность порождать и вычленять новые ветви, не идет ни в какое сравнение с продуктивностью слова: если в слове ее можно наблюдать "невооруженным глазом", то в лексическом классе соответствующие процессы обнаруживаются лишь в результате специальных исторических разысканий.

Показанное выше сопоставление может быть продолжено: третьим его членом окажется лексическое значение как такая организация семантических составляющих, которая имеет ядро и устремленные к нему (и от него отходящие) компоненты, все вместе образующие семантическую целостность. Этот вопрос требует специальных углубленных изучений.

V. Работа над "Русским семантическим словарем" позволила по-новому осмыслить строение многих классов слов, в частности – местоимений и глаголов. Анализ класса *местоимений* как особой системы, противостоящей другим классам слов по своей основной функции и по своему строению, привел к следующим важным выводам.

1) Местоимения как слова, лишенные номинативных (денотативных) значений, образуют систему слов *о з н а ч а ю щ и х* и в этом качестве противопоставлены всем другим словам – именующим, связующим и квалифицирующим. Во главе класса местоимений стоит закрытый ряд исходных (первичных, начальных) слов, означающих глобальные понятия материального и духовного мира: это понятия о живом существе (*кто*), предмете (*что*), признаке (*какой, каков, каково*), принадлежности (*чей*), количестве (*сколько, который*), мере (*насколько*), времени (*когда*), месте (*где*), пределе в пространстве или во времени (*докуда, откуда*), об элементарных связях и зависимостях (*почему, зачем*). Каждое из таких местоимений возглавляет собственную микросистему, средствами местоименных слов представляющую означаемое как определенное, неопределенное или несуществующее (отсутствующее или непознанное), например: *где – тут, там – где-то – нигде; какой – такой – какой-то – никакой; кто – я, ты, он, мы, вы, они – кто-то – никто* и т.д. Такое сегментарное трехступенчатое членение отражает самые общие и основные ступени человеческого познания.

2) Класс местоимений является смыслопорождающей категорией: его исходный ряд включает в себе те центральные понятия, которые, будучи поименованы семантическим инвариантом языковых средств, к этому понятию обращенных, формируют языковые смыслы и смысловые категории языка (см. п. VIII). Языковой смысл (например, "*где – место*", "*кто – существо одушевленное*", "*когда – время*") притягивает к себе разноуровневые языковые средства и формирует на их основе общие и частные смысловые категории языка. Эти категории все вместе образуют то пространство, которое можно назвать смысловым строем языка. Исходное местоимение возглавляет микросистему, представляющую означаемое, во-первых, как то, что может быть определенным, неопределенным или непознанным (это – членение микросистемы "по вертикали", например, *где, где-то, нигде*), во-вторых, как то, что может быть предельным (данным, точечным) или непредельным (не данным, не точечным) (это – членение "по горизонтали", например, *где – тут и там, что – это и то, почему – поэтому и потому, который – этот и тот*), в-третьих, как неопределенно единичное и неопределенно множественное (например, *кто-то* и *кто-нибудь, кто-либо, кое-кто, куда-то* и *куда-нибудь, куда-либо, кое-куда*). Такие противопоставления в самом абстрактном виде демонстрируют заключаемые в языковых смыслах идеи (понятия) существования и несуществования, предельности и непредельности, единичности и множественности, определенности и неопределенности.

3) Местоимение как класс означающих слов представляет собою концентрацию абстрактных языковых значений: в нем заключены и им формализованы, представлены в обнаженной и строгой системе такие абстракции как бытие и небытие, пространство и время, определенность и неопределенность, предельность и непредельность, одушевленность и неодушевленность, субъектность и бессубъектность, считаемость, мера, принадлежность, ситуативное состояние, причина, цель. Все эти абстракции, связанные местоимениями в стройную и прозрачную организацию, присутствуют на разных уровнях языка – в грамматических категориях и формах, в морфемике, в лексических значениях слов; они скрепляют собою все эти уровни и обеспечивают целостность языковой системы, существование единого смыслового строя языка (см.: Н.Ю. Шведова. "Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства". М., 1998).

Смыслы, означаемые местоимениями и дифференцируемые средствами разных языковых множеств, скрепляют собою "изобразительное полотно" языковой картины мира и обеспечивают неодноплановость и глубину этой картины (см. п. IX).

VI. Новые результаты получены при фронтальном изучении и описании значений глагола.

1) Традиционной дихотомии "глаголы со значением активного действия – глаголы со значением неактивного процессуального состояния" оказалось противопоставленным разбиение "глаголы, в своих значениях не заключающие противопоставления 'активных действия либо неактивного состояния – глаголы, в своих значениях противопоставленные по этому признаку". В первый блок вошли глаголы дейктические, бытийные, модальные, фазовые, глаголы со значением связей и зависимостей; второй блок членится на "глаголы, называющие активные действия, деятельности" и "глаголы, называющие неактивные процессуальные состояния – субъектные и бессубъектные". Внутри каждого из этих блоков присутствует собственное многоступенчатое членение. При таком разбиении оказались представленными в общем блоке глаголы, по своим значениям безразличные к характеру субъекта (или к отсутствию субъекта), наиболее отвлеченные по своим значениям, а также глаголы, способные означать действие или состояние вообще либо ситуацию в целом (дейктические).

2) Бытийные глаголы в русском языке составляют обширную группу слов, способных не только именовать те или иные фазы бытия, но и обозначать их различные характеристики. Этот класс состоит из десяти множеств, в которых объединяются глаголы со значениями: предстояния, близости; возникновения; становления, осуществления; существования; мгновенности бытия; достижения предела бытия; перерыва в течении бытия; склонения к концу бытия; конца; несуществования. Внутри каждого из этих множеств присутствует внутреннее членение (например, существование: собственно существование, существование характеризуемое с точки зрения интенсивности или неинтенсивности, существование-самовыявление; предстояние: собственно предстояние, предстояние отдаленного и предстояние близкого и др.). Бытийные глаголы своим составом показывают все реально существующие фазы бытия, сложность и многогранность этих фаз; своей организацией они наглядно демонстрируют один из фрагментов языковой картины мира (см. п. IX).

3) Русские дейктические глаголы образуют сложный и многофункциональный класс, первично организующийся в четыре большие группы.

а) Глаголы, способные называть самые разнообразные действия или состояния, по охвату означаемого наиболее близкие к местоимениям (см. п. V): это глаголы *делать*, *делаться*, *происходить* и *быть* ('иметь место', 'наличествовать'), сочетание *иметь место*. Глагол *делать* способен означать любое действие, поступок, поведение, исходящие от определенного субъекта (при негации – отсутствие такого действия, поступка): *Что он делает? – Работает/ Спит/ Гуляет/ Пишет статью/ Сдает экзамены/ Уехал отдыхать.../ Ничего не делает*. Глаголы *делаться* и *происходить* означают любую ситуацию, собственно событие, в котором явно или неявно присутствует субъект действующий, тот, от кого ситуация исходит, кем она конструируется (– *Что*

там делается? – Драка! Ссора! Приехали гости! Поймали воришку! В доме происходит что-то непонятное). Глагол *быть*, сочетание *иметь место* означают ситуацию с устраненным субъектом, собственно бытийную, либо ситуацию, в которой субъект пассивен, испытывает то или иное состояние (см. вопросы: – *Что там? Что сейчас? Что с ним? Что с тобой было?* и ответы: – *На дворе мороз; Сегодня праздник; Он одинок, всеми покинут; Я болен/ болел/ Мне необходимо ехать*). Дейктическая функция принадлежит также предикативу *сделано*, означающему результативное состояние, продолжающийся и актуальный результат действия, поступка (см. предикативы: *Сказано – сделано; Сколько дел переделано!; Послано в погоню*).

б) Глаголы связанные, способные означать действия или состояния в сочетаниях с определенными словами; такая сочетаемость может быть относительно широкой или узкой, но эти связи всегда оказываются закрытыми; ср.: *вести* (*разговор, беседу, дело, речь* и некот. др.), *держат* (*речь, экзамен, ответ, свою линию* и некот. др.), *нести* (*ответственность, наказание* и некот. др.), *выполнять* (*работу, заказы, обещание* и некот. др.), *войти* (*в азарт, в раж, в роль, в суть дела* и некот. др.), *проводить* (*время, жизнь* и некот. др.) и мн. др. Таких глаголов в русском языке около 300; в словарях они подаются с пометой "в некоторых сочетаниях" со случайными иллюстрациями; однако их полное описание – применительно к современному русскому общему словоупотреблению – удалось осуществить только при фронтальном изучении глагольных значений.

в) В русском языке есть около 30 глаголов, соотносительных с так называемыми "глагольными междометиями", такие, как *бахнуть, бухнуть, грохнуть, шарахнуть, хлопнуть, хрястнуть* и под. Такие глаголы первично означают звук и его произведение, а далее – различные энергичные одноразовые действия: удар, бросок, рывок, быструю речь, быстрое направленное движение. В словарях семантическая структура таких слов представляется по-разному. Между тем, эти глаголы в действительности являются дейктическими словами, способными означать любое разовое и резкое, сильное физическое действие; характерна общая тенденция семантического развития соответствующих глагольных междометий – от воспроизведения звука до формирования внутритекстовой частицы, означающей неожиданное действие или событие (*Сижу без денег и вдруг – хлоп! – посылка; То нет никого, то – вдруг – бах! – целая куча гостей!*).

г) К дейктическим глаголам примыкает также небольшая группа глаголов, способных экспрессивно означать собственно энергичное действие или движение (*валять, дуть, жать, чесать, плясать* и некот. др. См. у Пушкина в "Сказке о попе...": "До светла все у него *пляшет*, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, все заготовит, закупит, Яичко испечет да сам и облупит). Таким образом, работа над "Русским семантическим словарем" показала наличие в русском языке особого класса дейктических глаголов, имеющего собственную организацию и собственное внутреннее членение.

Дейктические глаголы первой группы (а), способные обозначать разные виды сообщений, создают основу для типологии таких сообщений (языковых ситуаций) и для рассмотрения их системы в целом. Внутри языкового пространства, создаваемого той или иной языковой ситуацией, размещаются те языковые смыслы, которые заданы исходными местоимениями; эти смыслы, сопологаясь, контаминируясь и осложняясь в строе текста, отливаются в нем в материальную форму и организуют его как единицу сообщения.

4) Фронтальное изучение глагольных значений наглядно продемонстрировало действующие в языке тенденции порождения одних классов значений другими: устанавливаются живые связи между глаголами дейктическими и глаголами со значением физических действий и состояний, движения и перемещения; между глаголами со значением бытия и глаголами со значением движения или эмоциональных состояний и др. Изучение таких тенденций подводит к важному теоретическому положению о

возможности воссоздания некоего идеального конструкта, показывающего многозначный глагол как структуру с открытыми или закрытыми участками, обладающую специфическим потенциалом семантического развития (см. об этом в статье Е.С. Копорской "Архетип глаголов движения" в книге: "Словарь. Грамматика. Текст". М., 1996).

Важным результатом является также то, что мы получили твердое представление о природе тех участков, которые составляют лексическую систему глагола: здесь выявляются участки закрытые, почти не принимающие новаций, участки, допускающие такие новации, но относящиеся к ним с большой осторожностью, и участки, свободно принимающие новации – прежде всего, в связи с развитием тех или иных сфер жизни, появлением здесь новых реалий и действий, связанных с этими реалиями.

VII. Существует очевидный параллелизм в строении местоимения и глагола. Этот параллелизм обнаруживается в следующем.

1) Местоимение – это означающее слово: в ряду его исходов четко распределены функции означения самых общих понятий материального и духовного мира и конструирования смысловых категорий языка, обращенных к этим понятиям. В классе глаголов присутствует ряд дейктических слов, означающих самые общие понятия о процессе и процессуальном состоянии (см. VI, п. 3); дейктические глаголы и сочетания, означающие ситуативное состояние (*быть, наличествовать, иметь место*) смыкаются с классом местоимений через ступень местоимения *каково*, означающего бес- субъектную ситуацию или ситуацию, в которой присутствует неактивный субъект состояния.

2) Парадигма глагола по своему существу совпадает со строением микросистемы местоимения: местоимение имеет собственные средства (слова) для обозначения определенности, неопределенности и несуществования (отсутствия, непредставленности, незнания); те же самые возможности – но уже формальные, грамматические – имеет глагол; он реализует их в своей парадигме: определенность заключена в формах времени – настоящего, прошедшего и будущего, неопределенность – во всех формах ирреального времени (сослагательность, повелительность, желательность, долженствование), отсутствие, непредставленность, несуществование – в сочетаниях с негацией (*не*), образующихся с регулярностью формы; ср.: формообразование дейктического глагола: *делаю, делал, буду делать – делал бы – не делаю* и местоимения *кто* (или любого другого местоименного исхода): *я, ты, он, мы, вы, они – кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто – никто*.

3) В системе местоимений заключена способность противопоставления предельности и неопределенности, сосредоточенности, точечности и несосредоточенности, неточечности, ср.: *тут – там, сюда – туда, досюда – дотуда, это – то, поэтому – потому, этот – тот, я (ты, он) – сам, себя*; отсутствие такого непосредственного сопоставления у отдельных местоимений компенсируется сочетаниями с *вот* или *самый* (*вот зачем, за этим самым*). В глаголе такое противопоставление представлено видовым соотношением (совершенный и несовершенный вид); здесь этот смысл дифференцируется так называемыми "способами глагольного действия".

4) Открывающее собою весь ряд исходов местоимение *кто*, своим своим местом в этом ряду, своим строением и своими позиционными возможностями утверждающее тезис о господствующем в языке "человекоцентризме", своей сегментацией способно означать как субъект определенный (*я, ты, он, мы, вы, они, сам, себя*), так и неопределенный (*кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто*), либо отсутствующий, непредставленный (*никто, некого*), а также все множество существующих субъектов (*все*). Те же способности присутствуют в формах глагола: он способен обозначать субъект определенный (личные формы), неопределенный (так называемые неопределенно-личные предложения), все возможное множество субъектов [те же формы, ср.: *Уж сколько раз твердили миру, Что лесть густа, вредна*. (Крылов); *Нас уверяют,*

что красота спасет мир}], либо субъект неизвестный или отсутствующий (глагольные безличные предложения).

Таким образом, обнаруживается безусловный параллелизм тех основополагающих абстракций, которые принадлежат местоимению и глаголу и составляют сущностные характеристики как того, так и другого класса слов.

VIII. Работа над словарем позволила сформулировать основное различие между языковым смыслом и языковым значением и предложить такое определение языкового смысла, которое представляется достаточно строгим.

1) Языковой смысл – это языковая категория, стоящая на высшей ступени абстракции; по отношению к любому языковому значению смысл является его инвариантом.

Языковой смысл – это самое общее понятие, означенное исходным местоимением и в границах создаваемого этим исходом понятийного пространства материализуемое посредством таких языковых множеств, которые по самой своей природе (по семантической общности) входящих в них единиц обращены к такому пространству, входят в это пространство и в нем располагаются. Языковой смысл есть глубокая структура, сочетающая в себе два конструирующих начала: 1) одно из основных понятий материального мира и духовного мира человека, этот мир познающего; 2) обобщенно представленную семантику разноуровневых языковых средств, к этому понятию обращенных и его собою материализующих.

Каждый языковой смысл членится, во-первых, в соответствии с теми ступенями познания, которые отражены в строении местоименной микросистемы (определенность, познанность, данность – неопределенность, неполная познанность – непознанность, непредставленность и, следовательно, утверждение несуществования); во-вторых, по охвату обращенных к этому смыслу языковых семантических общностей, по их сужающемуся членению.

2) В недрах языкового смысла структурируются языковые смысловые категории. Эти категории – общие и частные – отвлекаются от языковой материи и обнаруживают себя в совокупностях материальных единиц и в самих таких единицах. Так, например, языковой смысл "*сколько – количество*", представляющий общую смысловую категорию, и самим строением местоименной микросистемы членящийся по названным выше основаниям (*сколько: столько – сколько-то, -нибудь, -либо – нисколько*), порождает смысловое пространство, которое первично членится на частные смысловые категории (*сколько кого, сколько чего, сколько раз, сколько времени и сколько лет кому-чему*) и далее – внутри этих первых – на следующие, более частные смысловые категории, определяемые семантической общностью единиц, входящих в каждое из ступенчато сужающихся подмножеств. Языковой смысл "*чей – принадлежность*" представляет общую смысловую категорию, членящуюся по ступеням определенности – неопределенности – непредставленности (*чей: мой, твой, ваш, его, их, свой – чей-то, чей-нибудь, чей-либо – ничей*) и порождающую смысловое пространство, которое объединяет внутри себя частные смысловые категории: "*лично свой – общий – чужой*", далее членящиеся на основе семантической общности тех единиц, которые распределены в границах такого смыслового пространства по ступенчато сужающимся подмножествам.

3) Языковое значение – это содержательная целостность, неотделимая от языкового смысла, образуемая слиянием семантических составляющих (главной и конечной или конечными семами) и представляющая собой номинативный аспект языкового знака: в двуликвой природе такого знака значение открывает тот его "лик", в котором заключено знание об именуемом.

Коренное различие языкового значения и языкового смысла состоит в том, что смысл стабилен, консервативен, а значение нестабильно, подвижно. Строй смыслов, понятийно скрепляющий собою всю языковую систему, существует исконно и не меняется ни под влиянием социальных перемен, ни в результате изменений в

значениях слов; значение подвижно и изменчиво: оно обращено к другим таким же единицам, их к себе притягивает и от них отталкивается; центробежный потенциал (стремление взаимодействовать с другими подобными единицами и формировать новые такие единицы) и центростремительный потенциал (стремление притягивать к себе другие подобные единицы, вобрать их в себя) существуют в значении одновременно и вместе являются движителем в развитии как самого значения, так и других значений, к нему устремленных и от него отталкивающихся. Лексическое значение не существует само по себе, одно: оно входит в лексико-семантическое множество и активно взаимодействует с другими единицами такого множества.

В составе лексико-семантического множества значение может быть опорным или неопорным. Опорное значение организует группу – подмножество или конечный лексико-семантический ряд; в той "картинке жизни", о которой говорилось в п. III, оно именуется эту "картинку", составляет ее информативный центр. К опорному значению устремлены все другие члены подмножества: они или дополняют собою его информативное ядро или "расцветивают" его познавательно, оценочно либо стилистически.

Любое значение включает в себя смысл как свой понятийный инвариант; смысл облекается множественными значениями и скрепляет их в пределах порождаемого им словесного пространства (см. выше п. 2).

IX. Признав существование лексики как естественной самодостаточной и самоорганизующейся системы, живущей по своим законам, независимо от концепции исследователя, приступающего к описанию системы с заранее предъявляемыми к ней требованиями, мы неизбежно подходим к вопросу о том, что же такое создаваемая самим языком *я з ы к о в а я к а р т и н а м и р а*. Прежде всего встает вопрос: что же понятийно стоит во главе этой картины, к чему обращены основные массивы слов, как лексическая система своим составом изображает окружающий нас мир и все в нем существующее? Ответ на этот вопрос дает тот "человекоцентризм" (антропоцентризм, эгоцентризм), о котором с разных позиций пишут многие исследователи: в центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия; наиболее полные и развитые ветви лексического древа, представляющего систему, относятся к человеку – к нему самому, к его жизнедеятельности, к продуктам его труда и занятий: человек незримо присутствует в любом именовании как тот, кто об именуемой реалии может сказать "мое", наконец, во всей системе именовании человек присутствует как тот, кто специально для этого предназначенными языковыми средствами может сопоставить и сочленить такие именовании, квалифицировать и оценить именуемое. Наверное, о человеке, воспринимающем себя как центр мироздания, никто не сказал лучше Г.Р. Державина; см. в его знаменитой оде "Бог":

Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта конечна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, – я раб, – я червь, – я Бог!

Так мы подходим к пониманию языковой картины мира не как отдельного, удобного для анализа фрагмента лексики, а как картины в целом, как целостного изображения языком всего того, что существует в нас и вокруг нас. К такому пониманию обязывает

сам термин, за которым стоит мысль о способности языка своими собственными средствами представить все сущее как нечто целостное, вмещаемое в единое изобразительное пространство и этим пространством объединяемое. Исходя из всего сказанного можно сформулировать следующее определение языковой картины мира:

Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум. Такая картина мира предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит человек; к этой вершине обращены две главенствующие ветви: "сам человек, его жизнедеятельность и ее плоды" и "его окружение, сфера его существования"; именно такое первичное членение соответствует восприятию человеком самого себя и того, что существует вокруг него и "для него". В первой ветви это само бытие человека, его тело и его дух, его виды (существующие генетически или образованные в процессе его жизнедеятельности), его действия и поступки и разнообразные плоды и результаты его трудов и занятий; во второй ветви это пространство и время, вся живая и неживая природа, мир созданных человеком мифов и социум – общество, созданное человеком и его окружающее. Каждый из названных участков далее членится на множество отдельных фрагментов, предсказанных строением соответствующей лексической ветви (ветвей): в этих участках оказываются объединенными слова, принадлежащие к разным частям речи, но относящиеся к одному и тому же фрагменту языковой картины мира (например, "бытие, существование человека": имена, называющие фазы этого существования, глаголы, называющие соответствующее протекание процессов бытия; "время": соответствующие имена и глаголы, называющие течение времени и т.п.). Внутри каждого из таких участков присутствуют собственные группировки и собственные отношения между входящими в них единицами и их совокупностями.

Сущность и строение языковой картины мира не ограничиваются только его словесным изображением: это изображение осмысливается языком, им связывается и окрашивается. На словесное "изобразительное полотно" накладывается сеть языковых смыслов, придающих такому изображению качество неоднородности и глубины. С точки зрения роли и характера соответствующих функций языковые смыслы, накладывающиеся на "изобразительное полотно", группируются следующим образом: 1) смыслы, охватывающие всю картину, понятийно ее организующие; 2) смыслы связующие и 3) смыслы квалифицирующие. В первой группе выделяются смыслы широкого охвата (*кто, что, быть, делать, происходить*) и смыслы сосредоточивающие, локализирующие именуемое во времени и в пространстве (*где, откуда_{loc.}, докуда_{loc.}, когда, откуда_{temp.}, докуда_{temp.}*); ко второй группе относятся смыслы *чей, зачем, почему*; к третьей – смыслы собственно квалифицирующие (*какой, каков, как, каково*) и количественно характеризующие (*сколько, насколько, который*). Смыслы второй и третьей групп свободно обращаются к самым разным участкам языковой картины мира; не случайно исследователи, с разных позиций к ней обращающиеся, исключают такие смыслы из поля своего рассмотрения: эти смыслы – не конструктивные, не организующие; для них открыто все пространство этой картины, и они свободно перемещаются в границах этого пространства.

Так открывается трехмерность языковой картины мира, троичность ее аспектов: а) ее собственно "изобразительное полотно", представляемое классами именуемых единиц; б) сеть языковых смыслов, охватывающих это полотно и понятийно связующих его участки, и в) сеть смыслов квалифицирующих, свободно передвигающихся по всему такому пространству и способных устремляться к разным его единицам и их множествам.

Х. Практические выходы. "Русский семантический словарь" открывает перед нами следующие возможности:

- 1) создание монографии "Современная русская лексика и фразеология";
- 2) создание "Русской грамматики смыслов", построенной "от исходных смыслов" к порождаемым ими смысловым категориям и к их смысловым пространствам;
- 3) построение идеографического словаря на собственно языковых основаниях;
- 4) создание полного фразеологического словаря, охватывающего как современную идиоматику, так и разные виды фразеологических единств, строящихся с участием действительных глаголов;
- 5) представление полной языковой картины мира на основаниях, диктуемых самим языком, и с учетом неоднородности и глубины этой картины;
- 6) построение тематических словарей разного объема и назначения;
- 7) построение разных типов учебных словарей;
- 8) возможность осуществления разумной унификации построения словарных статей и словарных дефиниций в современных толковых словарях.

© 1999 г. Т.М. НИКОЛАЕВА, И. ФУЖЕРОН

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЕМАНТИКОЙ И СТАТУСОМ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С УСТУПИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ*

1. Неизбежность исследовательской логики привела к включению в круг проблем, связанных с сочинительностью, предложений со значением «уступительности». Наибольший интерес в этом смысле представил союз *хотя*, который (как будет показано далее) включается в высказывания, находящиеся в синтаксическом пространии где-то между сочинением и подчинением¹.

Существующие работы по сложному предложению в русском языке непременно (и, как мы постараемся показать, несколько по-разному) связывают *хотя* с *хоть*. Поэтому, естественно, встал вопрос о функциональной тождественности этих двух лексем, о том, является ли их различие семантическим или стилистическим, или и тем и другим одновременно. В свою очередь, решение этого вопроса требовало обращения к фактам истории языка, к попытке определить смысловые схождения и расхождения этих двух союзов (как и многие союзы, часто трудно таксономически отделяемых от так называемых «частиц»). Таким образом, композиционно статья состоит из следующих разделов:

- некоторой исходной теоретической преамбулы;
- обсуждения вопроса о сочинительной или подчинительной сущности сложных предложений с *хотя* и *хоть*, то есть обсуждения вопроса об их лингвистическом статусе;
- обсуждения проблемы наличия или отсутствия противительного союза *но* в предложениях с *хотя* и *хоть*;
- попытки сформулировать основные функционально-семантические различия употребления *хотя* и *хоть* в синхронии и диахронии²;
- обсуждения проблемы функционально-семантического статуса «расширителей» этих лексем, вроде *и*, *бы*, *будет* и т.д.;
- обсуждения возможных гипотез о генезисе *хоть* как отдельной лексемы;

1.1. Изучение функционирования в славянских языках некоторого особого коммуникативного фонда, который мы условно называем «партикульным набором», привело к выводам, которые нужно предварительно эксплицировать (подробно об этом

* Эта статья возникла как результат совместного изучения соавторами структуры и семантики русских сложных предложений с сочинительными союзами *и*, *но*, *а*.

Работа выполнена в рамках программы сотрудничества CNRS (Франция) и РАН, № проекта 2650, тема «Взаимодействие лексико-синтаксических и просодических структур и роль этого в восприятии единиц во французском и русском языках». В соответствии с этим проектом см. сборник «Славянские сочинительные союзы» (М., 1997, издание Ин-та славяноведения и балканистики РАН), где опубликованы статьи Т.М. Николаевой и И. Фужерон и работа Р.Ф. и Л.Л. Касаткиных (тоже участвующих в указанном проекте) о диалектной специфике использования сочинительных союзов, а также статьи Е.В. Падучевой и В.С. Ефимовой по той же проблематике.

¹ Некоторые предварительные наблюдения авторов статьи по данной теме представлены в их публикациях и выступлениях: [Фужерон 1997, 1998; Николаева (в печати)].

² На самом деле, как будет показано далее, в игру оказались вовлеченными не две лексемы, а три: *хотя*, *хоти* и *хоть*.

см. [Николаева 1985]). А именно: на определенном этапе развития языка все лексемы коммуникативного фонда (частицы, союзы, междометия, местоимения, местоименные наречия и под.) в отличие от знаменательных слов-апеллятивов, могут быть описаны через порождающую комбинаторную грамматику, где исходными компонентами являются либо моновокальные единицы (*a, o, y, u, e*), либо комбинации вокалов с прикрывающим их инициальным консонантом: *ли, бо, да, къ, ть* и многие другие.

Получаются комбинации типа *и + бо, ли + бо, и + ли, e[je] + же + ли, у + же, у + бо, къ + то, та + къ* и под., даже протяженные типа *не + у + же + ли*. К таким комбинациям восходят и наречия типа *здесь, там, тут* и под. Условно эти порождающие возможности были названы «конструктором». Как правило, фонетика этих партикулярных единиц довольно проста: *V, VC, V/c/* (необъяснимым пока моментом является отсутствие в них звука *P*, напротив, характерного для индоевропейских предлогов, которые ориентированы не на коммуникативную, а на денотативную сторону высказывания). На уровне кодификации такие комбинации партикул могут представлять в одном языке как контактно и графически слитно, а в других как дистантные и графически раздельные компоненты, см., например, болгарское *дали (да + ли)* и русское *Да идешь ли ты?*, где *да* и *ли* дистантны. Одни и те же генетически партикулы и партикулярные комплексы могут по-разному функционировать в родственных языках: либо как междометия, либо как частицы, либо как союзы. Это относится и к корреляции между литературным языком и диалектными употреблениями. Так, например, Р.Ф. и Л.Л. Касаткиным принадлежит важное наблюдение о том, что в русских диалектах *ну* (междометие в литературном языке) функционирует в качестве противительного союза, то есть как литературное *но* [Касаткин, Касаткина 1997], которое в свою очередь в диалектах мало употребительно. Простые по составу партикулы могут быть функционально синонимичны составным, например, русское *да* и чешское *a + no*. Возможна синонимия комплексов, например, литературное *даже (да + же)* и нелитературное *ажно (a + ж/e/ + no)*, где *a* и *no* соотносятся с *да*, а *же = ж*. Важна, таким образом, идея, что даже в одном языке и одном стиле отделить союз от частицы, а частицу от междометия бывает не всегда возможно. Так, В.В. Виноградов, говоря о союзе *хотя*, пишет, что круг значений этого союза и его дублета *хоть* суживается тем, что они «являются одновременно и союзами, и уступительно-ограничительными частицами» [Виноградов 1972: 537]. А.М. Пешковский, анализируя союз *хотя*, приводит пример *Да откуда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь*, где, по общей классификации, *хоть* является частицей [Пешковский 1956: 489].

Все эти комбинаторные порождения можно уподобить и калейдоскопу, где разнообразные «картинки» создаются небольшим числом исходных простых фигур. Интересно при этом следующее. Находящаяся в распоряжении Т.М. Николаевой программа порождения всех возможных комбинаций из 10 инициальных компонентов от 2 до 4 составляющих дает общее число около 5000 вариантов. Однако реальные языки используют небольшое количество таких комбинаций. При этом важно, что порождение по этому «конструктору», как видно, далеко не исчерпавшее себя, вдруг прекращается, и языки начинают использовать для коммуникативных целей «застывшие» формы знаменательных слов типа *пусть, пускай, буде, несмотря* и под. Явление это отмечено для всех славянских языков (вероятно, и не только для них). Стимулирующим для будущих исследований является выяснение причин этого процесса.

Однако, по нашему мнению, интересно и то, что процесс порождения «партикулярных» комбинаций при этом не останавливается, и новые квази-партикулы начинают вовлекаться в этот процесс комбинаций и ре-комбинаций.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам. Так, неясно, например, как трактовать в этом свете *хоть + и, хотя + бы* – как единый комплекс или как сочетание лексем? Далее, в частности, мы остановимся на параллелизме в древнерусском *хоти... ино* (теперь не употребляющееся). Имеем ли мы дело здесь с перераспределением *хоти + и + но*, и – тем самым – все с тем же известным сочетанием *хоть + и*, или здесь необходима другая трактовка?

1.2. Второй, необходимой для прамбулы, исходной установкой является мысль о том, что сложные предложения (как сложносочиненные, так и сложноподчиненные) не раскладываются по отдельным функциональным «полочкам»: условные, уступительные, временные, определительные и под., а располагаются в сфере синтаксиса по полевому принципу, создавая крупные семантические «узлы», где смысловые и синонимические связи оказываются очень сильными. Так оказываются связанными отношения причинности, условности, противительности и интересующей нас уступительности. Недаром уступительность именуется «обратной обусловленностью» и совершаемые действия противоречат этой обусловленности. Поэтому так же в таксономическом плане затруднительно сказать, имеем ли мы дело в высказываниях типа *Хоть Вы и умный человек, но в данном случае я с Вами не согласен с комбинацией* двух синтаксических смыслов: 1) А – но – В + 2) *Хоть А – В* или же с единой уступительно-противительной моделью. О подобной связанности по полевому принципу категории уступительности говорится во всех «фундаментальных» грамматиках русского языка [АГ-1954; АГ-70; АГ-80], но наиболее подробно это разработано и сформулировано В.Б. Евтюхиным в разделе «Обусловленность» в подразделе «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996], где аргументированно доказывается, что все эти синтаксические категории «являются членами одного языкового класса – обусловленности».

Кроме того, при анализе функций союза необходимо помнить, что внутренняя семантика соединяемых союзом предложений безразлична для интерпретации общего смысла высказывания (но может быть и безразлична!). Так в бессоюзном *Чин следовал ему – он службу вдруг оставил!* семантика уступительности обеспечивается и без союза, в сочетании же двух предложений: *Папа болеет, мама уезжает в командировку*, только союз может обеспечить верную интерпретацию соотношения этих событий. В монографии [Николаева 1969] выводятся правила иерархического доминирования для союзных и бессоюзных сложных предложений у трех показателей: союза (С), лексического состава (Л) и знака препинания (ЗП)³.

1.3. Важно подчеркнуть далее, что собственно уступительные отношения и союзы *хотя* и *хоть* в этом значении возникли довольно поздно⁴, но на более раннем этапе в древнерусском языке использовался союз *аще*, имевший условно-уступительное значение (подробно об этом см. [Лавров 1941]). В некоторых текстах, как пишет Лавров, союз *аще* имеет почти всегда уступительное значение, а условные функции выполняет *буде* [Лавров 1941: 118]. (О происхождении современных *хотя*, *хоть* и древнерусского *хоти* будет подробно говориться в нашей статье далее.) Известно, однако, что союз *хотя* использовался еще в «Русской правде» [Кухаревич 1955].

2. Являются ли уступительные союзы *хотя* (хоть) союзами подчинительными или сочинительными – вопрос, поднимавшийся многократно на страницах грамматических описаний, хотя сам термин «придаточное предложение» впервые встречается у русских грамматистов первой половины XIX века: А.Х. Востокова в «Русской грамматике» (1831 г.) и Н.И. Греча в «Практической русской грамматике» (1834 г.)⁵. В.В. Виноградов [Виноградов 1972: 555] возводит возникновение этой таксономической неразрешенности в описании к трудам Д.Н. Овсяннико-Куликовского [Овсяннико-Куликовский 1912], который относил уступительные союзы к сочинительным. Перечень основных

³ С.А. Шувалова в статье «Сложное предложение» вводит удачное понятие «фразеологизированных схем» для сложного предложения, когда в одной из его частей выступает «полностью или частично опустошенный лексический элемент» типа *Не успел..., Стоило...* и под., практически стоящий на грани лексических единиц и союзов [Шувалова 1998: 513].

⁴ В настоящей работе мы пользуемся терминами *уступительность* и *уступительные союзы*. Однако, изучение литературы по этому вопросу неожиданно продемонстрировало, что в петербургских (ленинградских) исследованиях используется термин *уступка* (аналогично-условию), в других же российских трудах этот термин не применяется.

⁵ Используются данные из монографии: [Валгина, 1971: 289 и далее], где автором подробно излагается история вопроса.

точек зрения по этому поводу приводится в широко известной работе С. Ильенко [Ильенко 1966]. Однако тенденция относить уступительные предложения к сложноподчиненным все же является более общепринятой⁶. Попытку выйти из этой таксономической затрудненности делает Н.Е. Кухаревич [Кухаревич 1955]. Единственный выход из многочисленных тупиковых вариантов квалификации уступительных предложений автор видит в расчлененном описании каждой из конструкций со значением уступительности, когда дается «дифференцированный подход» с модификациями метаописания. Своеобразный подход предлагается в кандидатской диссертации Н.П. Перфильевой [Перфильева 1984]. Н.П. Перфильева предлагает ввести в синтаксический обиход особый вид синтаксических структур – УПК (уступительно-противительные конструкции) и рассматривать их в виде особого класса, поскольку «семантика УПК гораздо сложнее смысловой структуры как уступительных, так и противительных конструкций, и отношения, которые складываются в УПК, являются собой результат взаимодействия уступительных и противительных отношений» [Перфильева 1984: 12]. Таким образом, подходы Кухаревич и Перфильевой как бы противоположны. В некотором смысле идеи Н.П. Перфильевой и Н.Е. Кухаревич оказываются объединенными в подходе Р.М. Теремовой, монография которой является в настоящее время основной специальной работой, посвященной проблеме уступительных корреляций [Теремова 1986]. По идее Р.М. Теремовой, «структура уступительной конструкции очень сложна». Она формируется четырьмя семантическими компонентами, комбинации которых определяют каждый подвид уступительного высказывания. Эти компоненты следующие: 1) У (П 1) – уступительный компонент, событие-уступка, недействительное основание, 2) С 1 – ожидаемое на основании П 1 следствие, 3) П 2 – превосходящая причина, 4) С (С2) – следственный компонент, фактическое следствие. По мнению Р.М. Теремовой: «Уступительная ситуация в полной мере иллюстрирует тезис о том, что значение сложного предложения – это не сумма смыслов, а качественно новый смысл, возникающий в результате взаимодействия семантических компонентов» [Теремова 1986: 5]. Ранее А.В. Богомоловой [Богомолова 1955] также высказывалась мысль о полном представлении отношения уступительности как триады: препятствие в придаточном – действие в главном – некая причина, превосходящая препятствие в придаточном: *И хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца* ([Горький] пример А.В. Богомоловой⁷). Разумеется, в настоящее время наиболее значительной работой по семантике, анализу категориального статуса, и интерпретации текстовой нагруженности сложных предложений является монография М.В. Ляпон [Ляпон 1986], где уступительность и ее проблематика вписываются в рамки общей концепции автора.

Согласно точке зрения М.В. Ляпон, в «чистом виде» уступительный принцип эксплицирован союзом *несмотря на то, что* и его семантическими эквивалентами. Интересующие нас «союзы» *хотя* и *хоть* она называет «релятивами неаналитической структуры» [Ляпон 1986: 139] и считает, что они используются как модификаторы собственно-уступительных отношений. В большой степени, по мнению М.В. Ляпон, при этих релятивах играет роль контекст (см. выше ссылки на работу [Николаева 1969]), а там, где смысл не подтверждается контекстом, релятив не дает оснований для квалификации сообщения как уступительного, то есть содержащего «отвергнутое основание»: например, *Хороши такие летние туманные дни, хотя охотники их не любят* (И. Тургенев) [Ляпон 1986: 139].

Однако, несмотря на то, что в 1986 году вышли такие фундаментальные работы, как книги М.В. Ляпон и Р.В. Теремовой, статус уступительных предложений по-прежнему остается неопределенным.

⁶ К сожалению, нам не удалось ознакомиться со статьей В. Павловского [Павловский 1911].

⁷ Небезынтересно отметить, что именно этот пример проходит практически через все работы, посвященные категории уступительности, однако часто он представляется бинарно, хотя именно его эксплицитная трехчленность является более интересной для синтаксиста.

Так, если обратиться к энциклопедическим статьям самого последнего времени, мы видим, что С.А. Шувалова в статье «Сложное предложение» в Энциклопедии «Русский язык» пишет: «В некоторых случаях провести разграничение между сложносочиненным и сложноподчиненным предложением не удастся, поскольку в сфере сложного предложения отсутствует резкая граница между сочинительной и подчинительной связью» [Шувалова 1997: 513]. Пример С.А. Шуваловой – именно уступительное предложение: *Хотя уже стемнело, но люди не расходились*. Разумеется, осторожная формулировка С.А. Шуваловой диктуется именно проблемами самих уступительных предложений.

2.1. Существуют в литературе и формальные способы различения конструкций сочинения и подчинения. Так, А.М. Пешковский, обращаясь к разработанному им и ставшему широко известным критерию обратимости для сочинения и необратимости для подчинения, пишет о том, что, при перестановке соединяемых противительным союзом членов, «обратимости» мешает наличие семантики уступительного характера. Один из его примеров:

*Грядущие годы таятся во мгле,
Но вижу твой жребий на светлом челе,
где оказывается невозможным:
Вижу твой жребий на светлом челе,
Но грядущие годы таятся во мгле,*

в отличие от структур типа *Он строг, но справедлив* и *Он справедлив, но строг*. А.М. Пешковский пишет, что «при перестановке таких предложений необходимо противительный союз заменить уступительным» [Пешковский 1959]. Получается:

*Вижу твой жребий на светлом челе,
Хотя грядущие годы таятся во мгле.*

Однако, при этом остается неясным ряд вопросов. А именно: что мы при этом делаем? 1). Переходим от сочинения к подчинению? 2). Заменяем союзы и делаем позиционную перестановку? 3). Уловив уступительность в структуре первого предложения, эксплицируем ее в виде союза?

2.2. Возможно, имеет смысл еще раз обратиться к формальному критерию, предложенному С.И. Карцевским в его известной работе «Deux propositions dans une seule phrase» [Karcevskij 1956]. По мнению С.И. Карцевского, отношения подчинения бывают представлены формулами *t/k* и *k/t*. Показатели эти – местоименного характера. (Возвращаясь к сказанному выше, можем сказать, что они восходят к устройству, названному нами «конструктором».) Если отвлечься от уступительных структур, то неместоименного происхождения и союз *если* (он смешанного характера: из *есть* + *ли*).

Таким образом, к уступительным предложениям неприменима ни одна из формул С.И. Карцевского. А именно:

а) союз *хотя* не местоименного, а глагольного происхождения,

б) на месте указательного местоимения серии *t* оказывается союз – показатель сочинительной связи (*Хотя она была богатой невестой, но всю жизнь прожила одна*).

в) С.И. Карцевский отмечает, что, кроме предложений с условным придаточным, нормативной, немаркированной, является формула *t/k*, а формула *k/t* – это формула окрашенная, экспрессивная. И действительно, примеры типа *Ты куда собираешься?* – *Куда я собираюсь, тебя не касается* – эмоционально окрашены. Не случайно именно формула *k/t* выступает во фразах афористических, гномического характера, лозунгах и под:

*Кто не работает, тот не ест!
Кто не с нами, тот против нас!
Кого люблю, того и бью и т.д.*

Именно для уступительных структур (подробнее об этом далее) характерна препозиция части с союзом *хотя*.

г) Многие лингвисты (в том числе Карцевский и Пешковский) приравнивали характеристики подчинения к отношениям между определяющим и определяемым в простом предложении. В уступительных предложениях эти отношения констатировать труднее. Например, *Хотя ничего не решено окончательно, мы, наверное, поедим в Париж* (Б. Пастернак); *Хотя в денежном выражении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе* («Судьбы людей»). М., 1996). Такие высказывания легко превращаются в сочиненные, где отношения подчинения отсутствуют.

д) Уступительные предложения легко парцеллируются, уступительная часть выделяется в отдельное, самостоятельное предложение:

Назаров оказал медвежью услугу, предложив Володьке (роль) Рябого. А тому не надо было соглашаться. Хотя я, кажется, неправ. (В. Золотухин). В такой функции, как можно представить, не выступают придаточные «классического толка».

Таким образом, можно констатировать, что лишь неотторжимость союза *хотя* от вводимой им части свидетельствует в пользу отнесения уступительных сложных предложений к подчинительным. В этом отношении целесообразно привести высказывания В.А. Белошапковой, много занимавшейся общими вопросами сочинения и подчинения: «Таким образом, существует порочный круг: в качестве основания для установления или наличия синтаксической зависимости (сочинение/подчинение) выдвигаются определенные группы союзов, а в качестве основания для деления союзов на эти группы – отсутствие или наличие синтаксической зависимости между компонентами предложения, соединяемыми союзами» [Белошапкова 1967: 87].

Это еще раз подтверждает **гибридность** статуса предложений с уступительными союзами, наличие в синтаксисе зоны, пограничной между сочинением и подчинением. (В.А. Белошапкова квалифицирует уступительные предложения как расчлененные предложения гибкой структуры [Белошапкова 1967: 126], то есть и в ее классификации имплицитно скрывается мысль о гибридности уступительности).

3. Как объяснить, если идти далее, тот факт, что *хотя*, как будто бы само по себе достаточное для выражения уступительной семантики, иногда обязательно требует присутствия *но*, иногда *но* является факультативным, а иногда даже излишним?

Известно, что предложения с *но* в меньшей степени зависят от контекста, чем предложения подчинения, хотя внутри таких предложений именно часть, вводимая через *но*, оказывается самой важной и весомой [Санников 1989]. См.: *Она работает хорошо, но медленно. Нам такая скорость будет мешать. И – Она работает медленно, но хорошо. Мы возьмем ее на работу.*

Что касается сложного предложения с *хотя*, то чаще всего его семантика базируется на чем-то уже известном, на каком-то знании, на пресуппозиции, на обращенности к предыдущему контексту. Можно предположить, что придаточное уступительное в препозиции более значимо, более информативно, чем в постпозиции. Постпозитивное предложение семантически ослаблено, часто является заключающей прибавкой, после которой контекст уже не развивается:

Со мной было двое парней, один из них все пытался бакалавра сдать, хотя ему было, наверное, года двадцать два или двадцать три (из устного разговора);

И это на деньги отца мать торжественно делает раз в месяц пельмени – кушанье, которое я жадно люблю и которого всегда нетерпеливо ожидаю, хотя мне известно, что его можно есть только однажды в месяц, «после двадцатого» (Ф. Шаляпин);

Я совсем ошалел от «Огненного ангела», это самый совершенный русский роман, хотя, конечно, у Достоевского отдельные места ярче. (письмо С.М. Соловьева);

Путешественники были одеты по последней парижской моде, даже бороды у мужчин были подстрижены на французский манер (...) Сидели они за столиком с остатками ужина и неубранной еще посудой и попивали красное вино. Около них на полу лежал их ручной багаж (...) Мужчины были невеселы, хотя перед ними и стояли три

опорожненные бутылки из-под красного вина и на половину отпительный графинчик коньяку. Они были слишком утомлены большим переездом из Парижа в Марсель и разговаривали, пожевывая (Н. Лейкин). Видно, как в последнем примере информация, вводимая через *хотя*, является как бы «случайной». Таким образом, при постпозиции *хотя*, смысловым центром становится инициальная, то есть подчеркнутая позиция «главного», и ее нет необходимости еще раз эксплицировать через *но*.

Можно предположить в качестве гипотезы, что *но* вводится в тех случаях, когда придаточное и главное имеют одно и то же подлежащее, которое часто элиминируется и как бы «возвышается» введением *но*.

– *Ври, ври большие! Никакой даже и губернии Апельсинской нет. Апельсины только в Италии растут.*

– *Ну, тебе и книги в руки. Ведь нам в сущности все равно. Я хоть в коммерческом училище тоже два года проучился, и географию мы учили, но до южных стран не дошел, и отец взял меня оттуда* (Н. Лейкин).

Там же, где в главном и придаточном в уступительных структурах подлежащие разные, *но* часто отсутствует⁸.

Хотя подготовка реформы действительно началась до революции, последняя точка в этой дискуссии была поставлена искусственно («Русская мысль»);

И хотя уже давно мимо вагонного окна разворачивались поля (...) Франц еще ощущал, как отъезжает городишко, где он прожил двадцать лет (В. Набоков);

Хотя в денежном отношении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе («Судьбы людей»).

Отсутствие союза *но* отмечается и в тех случаях, когда синтаксические структуры придаточного и главного предложений не являются параллельными, например, стыкуются безличное придаточное и личная форма в главном предложении:

Антонина прирабатывала к его пенсии шитьем. И хотя ему было это не по душе, он никогда с ней об этом не заговаривал (В. Максимов);

В духовном хоре, где я пел, был симпатичный юноша Панкратьев. Хотя ему было уже семнадцать лет, он пел еще дискантом (Ф. Шаляпин).

В каких же случаях *но* присутствует и тогда, когда и в главном, и в придаточном подлежащие разные? Можно предположить, что оно **выделяет тему** во втором предложении, подобно тому, как это делает союз *а* в противительных конструкциях:

Отец уже ездил смотреть квартиру, а я / поеду завтра;

– *Ты отделалась?*

– *Комната убрана, а кухня / еще грязная.*

См.:

Марко должен был со временем стать правителем всего королевства, но Антонио / не хотел подчиняться своему старшему брату (В. Брюсов).

Введение *но* в таких конструкциях может влиять на порядок слов в главном предложении, а именно: тема выделяется также и позиционно:

Хотя шел дождь, мы поехали на дачу.

Ср.: *Хотя шел дождь, но на дачу / мы поехали.*

Актуализируются через *но* и тематические выделяемые обстоятельства с семантикой противопоставления:

Хотя я не люблю дождь, но иногда / именно в дождливую погоду меня тянет погулять;

⁸ Авторы отлично понимают, что в принципе можно употребить и *но* в подобных случаях, однако, как представляется, возможна уже и такая исследовательская оптика, когда о родном языке сообщается не в категории: можно/нельзя, а в категории: это скорее будет так, а не так.

У сапожника Андреева я сразу попал в тиски. Хотя я умел сучить щетину и точать, но здесь / меня заставили мыть пол, ставить и чистить самовары /.../ и вообще началась каторга (Ф. Шаляпин);

[Гамбринус]. Так называлась пивная в бойком портовом городе на юге России. Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, но найти ее / было довольно трудно, благодаря ее подземному расположению. Часто посетитель (...) умудрялся миновать ее. (А. Куприн). Возможно, что при отсутствии *но* порядок слов был бы иным: Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, ее было довольно трудно найти, благодаря ее подземному расположению.

Таким образом *но* в подобных примерах может выполнять функцию, сходную с функцией союза *а*, который, как отмечалось в ряде работ И. Фужерон [Fougeon 1987 и др.], членит второе предложение на тему и рему, тогда как первое оказывается нечленимым. Эти синтактико-интонационные наблюдения соотносятся с общей идеей И. Фужерон, которая, вслед за Ж.-Ш. Перро [Perrot 1971], не принимает существования структур: R-T | T-R, а считает первую часть цельной, а вторую – приложением к ней. Тогда противительные союзы членят вторую часть.

4. Выше говорилось о том, что авторы попытались найти (обнаружить) семанτικο-функциональные различия уступительных союзов *хотя* и *хоть*.

Квалифицируются эти союзы в литературе по-разному. Существуют следующие варианты:

1) *Хотя* (*хоть*). То есть тем самым они объявляются полностью синонимичными.

2) *Хотя* (разг. *хоть*). Здесь *хоть* объявляется стилистическим (или стилистико-функциональным?) вариантом.

3) *Хотя, хоть...* Таким способом они объявляются разными союзами, но об их различии как правило не сообщается и в дальнейшем они фигурируют именно такой сдвоенной парой.

Существует мнение, что *хоть* – феномен фольклора: пословиц, былин, поговорок. Не исключает его и трактовка *хоть* как фактора ритмического, как бы «краткого» односложного варианта *хотя*. Наконец, *хоть* считается признаком несколько простонародного употребления. И, разумеется, все эти наблюдения справедливы.

По поводу функциональных различий *хотя* и *хоть* существует публикация Н.П. Перфильевой [Перфильева 1977]. Автор ощущает отсутствие обоснований для объявления *хоть* «фонетическим» вариантом от *хотя* и обследует составленную ей картотеку из 220 примеров сплошной выборки (художественная литература XIX и XX века). Кратко ее выводы можно характеризовать так, что *хоть* чаще встречается в «нереально-уступительных» конструкциях, а *хотя* – в «реально-уступительных» и сопоставительно-противительных. Кроме того, *хоть*, по ее мнению, ближе к частице, выполняя ограничительную функцию, и потому – это таксономически гибридная лексема, а *хотя* – ближе к собственно союзу. Тем самым, «функционалы *хотя* и *хоть* не являются вариантами» [Перфильева 1977: 69].

И все же функциональные различия этих союзов, именно как союзов, ощущаются и в современном русском литературном языке⁹.

Например, скорее всего будет сказано: *Хоть Вы меня всегда и обижали, а я к Вам все равно хорошо отношусь* (но не *хотя*); *Он подолгу оставался на работе, хотя у него и дома были все условия* (не *хоть*); *Она какая-то нескладная, хоть и красавица* (скорее *хоть*, а не *хотя*); *Я продолжал бежать, хотя силы уже иссякали* (здесь вряд ли *хоть*).

Можно предположить, что *хотя* до сих пор сохраняет свою исходную функцию быть деепричастием (причастием) настоящего времени от глагола *хотеть*¹⁰. Иначе говоря, *хотя* стремится передавать параллельные акциональные процессы, состояния, поступки.

⁹ Еще раз напоминаем о том, что речь будет идти не о невозможности / возможности, а о некоторой обнаруживаемой тенденции употребления этих союзов.

¹⁰ О существующих неясностях в определении происхождения союза *хоть* будет говориться да-лее.

Тогда естественно предположить, что *хоть* связывается с иной сферой временного статуса. Действительно, *хоть* передает как правило состояние статальное, как бы извечный статус, или статус сегодняшнего дня, но **не действие в настоящем**, наконец, этот союз передает действие, совершенное в прошлом, или даже действие, предполагаемое в будущем.

См., например, прекрасно иллюстрирующий этот тезис пример из «Моцарта и Сальери» Пушкина:

И никогда на шопот искушенья

Не преклонился я,

Хоть я не трус,

Хотя обиду чувствую глубоко.

Здесь очевидно постоянство признака в первом случае – с *хоть* и одновременность состояния двух акциональных феноменов во втором – с *хотя*.

Итак, *хоть* как бы отходит от неопределенности сейчас свершающегося события, в отличие от совпадающего с ним по времени *хотя*.

Поэтому именно *хоть* гораздо чаще сопрягается с *и*, которое уводит восприятие от настоящего момента, переводя происходящий факт в сферу известности, определенности, некоторой анафоричности: *Утро было светлое, хоть и холодное*.

Подобное *и* связано с категорией определенности, известности, так что высказывалось даже предположение, что такое русское *и* можно считать (условно!) чем-то вроде «определенного артикля» при глаголе [Николаева 1985: 113]. Например,

– *А Вы бы поискали это в «Доме книги»!*

– *Я и был там. (Или – Я там и был).*

Необходимо заметить, что здесь еще раз встает проблема требования / не требования дистантности или контактности при квалификации лексемы как цельного единства. Иначе говоря, если завтра будет принято решение о слитном написании с частицей *бы*, то тут же – как естественный факт – возникнет союз-частица *хотя бы*, подобно *даже* или *неужели*. Поэтому не так просто ответить на вопрос, не существует ли как цельность союз *хоть и* (и даже *хотя и*) или это все-таки комбинация двух союзов. К этому же кругу проблем относится и вопрос (более остро он встанет ниже, при обсуждении древнерусских данных) о синонимии союзных лексем с «распространителями» и без них. В частности, очевидно, что и *хоть*, и *хотя* в сочетании с существенными конкретными значениями имеют семантику минимизации, однако они не противопоставлены друг другу «прямо», то есть, нельзя сказать: *Дайте хоть кусок хлеба vs Дайте хотя кусок хлеба*, но *хоть* в таких конструкциях противопоставит *хотя бы*, то есть *хотя* с распространителем *бы*. Семантическое противопоставление в этом случае, как представляется, следующее: *Хоть* ориентировано на ноль, на возможную опасность не получить ничего, а *хотя бы* – на некий исходный, но ожидаемый минимум с надеждой на нечто большее. То есть *Дайте хоть два рубля* имеет в пресуппозиции: если у Вас так плохо с деньгами, и Вы не хотите ничего давать, а *Дайте хотя бы два рубля* подразумевает: а если больше, то было бы еще лучше.

4.1. В свете всего вышесказанного важно отметить, что сформулированная выше функциональная дистрибуция примеров с *хоть* и *хотя* вполне отчетливо просматривается в наших «академических» грамматиках русского языка, однако, по нашим наблюдениям, на это ранее просто не обращали внимания.

Например (используем приведенные там данные):

Я обрадовался, увидев родной город, хоть и неласков он был ко мне (Ф. Шаляпин) – известное предшествующее состояние;

Иван Степанович, хоть и был инструктором по спорту на этой гимназической площадке, был все же в преподавательском персонале и ходил в учительской тужурке и фуражке (Ю. Олеша) – постоянный статус персонажа.

Вы хоть и мастер угадывать, однако же ошиблись (Ф. Достоевский) – также известный постоянный статус.

Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно.

На сей однако ж раз послушал их Зевес (И. Крылов) – известное постоянное свойство богов.

Приведем примеры на *хотя*:

Ей пробовали рассказать, что говорил доктор, но оказалось, что, хотя доктор и говорил очень складно и долго, никак нельзя было точно передать того, что он сказал (Л. Толстой) – одновременный процесс речи и непонимания.

Мой репертуар стал казаться мне заигранным, неинтересным, хотя я и продолжал работать, стараясь внести в каждую роль что-то новое (Ф. Шаляпин) – одновременность акции и внутреннего состояния.

Учился он порядочно, хотя часто ленился (И. Тургенев) – одновременность протекания акциональных процессов.

Хотя было еще рано, но ворота оказались закрытыми (В. Короленко) – одновременность двух состояний.

Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда (М. Горький) – одновременность двух процессов.

Хотя в комнате были только эти двое товарищей – друзей, начальник артиллерии со всей военной выправкой подошел, остановился и рапортовал о предварительном исполнении приказа (А. Толстой) – одновременность действия и состояния.

Можно ли, отметив подобную тенденцию, тут же фиксировать случаи контр-примеров, то есть случаев, когда эти союзы употребляются не так, как мы предположили выше? Разумеется, можно.

Прежде всего бóльшая краткость *хоть*, его неоспариваемая «разговорность», ведет к его предпочтительному использованию в кратких поэтических жанрах, особенно – в баснях, эпиграммах, частушках и под. При этом нужно учитывать и иные, чем у *хотя*, ритмические возможности *хоть*: двусложное слово vs односложное. Например, у И.А. Крылова: *Хоть видит око, да зуб неймет* – при несомненной одновременности действия, *хоть* обеспечивает ритмический рисунок.

Кроме того, *хотя* – слово более протяженное и более «книжное» – является более предпочтительным у писателей при описаниях разного типа, при рассказе о разворачивающихся событиях и т.д. Несомненно, что деловой язык предпочитает именно *хотя* (возможно, и из-за своей большей ориентированности на «презентное» состояние).

Таким образом, целесообразнее говорить не о семантической оппозиции этих двух союзов, а о тяготении каждого из них к разным полюсам некоей общей семантической шкалы.

5. В связи со всем вышесказанным было существенно понять пути эволюции *хотя* и *хоть* в диахронии, а также их схождения и расхождения на разных этапах истории русского языка. В Словаре И. Срезневского анализируется только *хотя*¹¹. Словарь русского языка XI–XVII, издаваемый Институтом русского языка РАН и Словарь русского языка XVIII века, издаваемый Институтом лингвистических исследований РАН, до этих слов в своих выпусках еще не дошли. Таким образом, основным источником явилось использование материалов Картоотеки Словаря русского языка XI–XVII веков Института русского языка РАН¹². Мы пользуемся случаем поблагодарить за эту возможность руководство Словаря и сотрудников отдела.

¹¹ *хотя* – союз со значением: **по крайней мере** и со значениями **хотя-хотя бы-если** [Срезневский 1959: 1394].

¹² Для уточнений и расшифровок использовался: Указатель источников Картоотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1984.

Собранный материал показал, что анализу подлежат **не два слова: *хотя/хоть***, а **три: *хотя*, *хоть* и *хоти***. Последний союз, в настоящее время не употребляющийся, в древнерусском языке книжного стиля представлен широко и несомненно по своему происхождению является «застывшей» формой императива от *хотети*, подобно тому, как императивами являются и другие уступительные союзы: *пускай* и *пусть*. *Хотя* же, как уже говорилось – это форма деепричастия от того же глагола, аналогичная *несмотря* от *смотреть*. О происхождении лексемы *хоть* будет говориться специально, в заключительной части статьи. Сейчас же необходимо заметить, что именно этот союз-частица *хоть* оказался представленным в Картотеке минимальным числом примеров, в отличие от *хоти* и особенно – от *хотя*. В дальнейшем используются только примеры на *хоть* из Картотеки, встреченные в **книжных** текстах, и не привлекаются данные, почерпнутые из сборников пословиц, поговорок, народных речений и проч., как плохо датируемые.

Заметим, что оппозиция *хотя/хоти* не отмечается для текстов не-книжного характера. Например, А.А. Зализняк в своей фундаментальной монографии о древне-новгородском диалекте [Зализняк 1995] не фиксирует ни *хоти*, ни *хоть*, но приводит четыре контекста с *хотя* (*хотѧ*).

1) Грамота № 605 (конец XI – нач. XII вв.):

...оже ми лихѡ мѣваше и покланю ти сѧ братъче мон то си хотѧ мѣви ты еси мон ѧа твои [Зализняк 1995: 246]. Здесь несомненно значение минимизации "хотя бы".

2) Грамота № 724 (предположительно 1161 г. – 1167 г.):

и заславѣ захарѧ въ вѣрь ѿрокѣ не даите савѣ ни одного песца хотѧ на нихъ емати и самѣ [Зализняк 1995: 295]. Здесь определить значение затруднительно. Возможны два варианта, и А.А. Зализняк это отмечает в переводе: [Зализняк 1995: 296]: "я сам хочу за это взяться", тогда деепричастие предлагает как бы "галлицизм" для этой эпохи. Второй вариант – "Сава хочет сам за это взяться". Но в любом случае эта форма представляется деепричастной.

3) Грамота № 489 (первая половина XIV века):

Ѡ попа .ко монсею.воступисѧ

...[л]ѧ хотѧ бы ти .истерати

...[л]ѧ во томо.а дома п[р]ѡ.. [Зализняк 1995: 452]. Здесь *хотя* переводится уступительно условным комплексом "если даже".

4) Грамота № 317 (вторая половина XIV века)

...а нынѣ покантеса того безаконна а не то дѣло шканѣное немного поводитъ а тыхъ бы хотѧ и не постыдѣтисѧ [Зализняк 1995: 463]. Это сложное для понимания место А.А. Зализняк переводит как: "Покайтесь же теперь в том беззаконии! А на то дело okayное немногих попускает; а [вам] бы их хотя б не стесняться (т.е. хорошо бы, чтобы вы хотя бы не боялись осуждения с их стороны)" [Там же]. Эти четыре примера приведены специально для сравнения с неидентичным по семантике и структуре материалом книжных текстов Словаря РАН.

Понимая всю сложность представления функциональной семантики древнерусского материала, после обдумывания различных способов его представления, мы пришли к выводу, что изложение целесообразно строить следующим образом.

Сначала сообщается о некотором сложно определяемом "кусте" значений, полифункционального типа, который соответствует всем анализируемым союзам. После чего представляются менее диффузные моносемантические употребления¹³.

¹³ Графический облик примера точно повторяет тот вид, в котором он представлен в Картотеке. Необходимо уточнить также, что представляются именно **примеры**, а не весь **материал** в Картотеке. Не сообщается также источник для каждого приводимого примера, так как это сильно увеличило бы объем статьи.

Вторая часть описывает семантику указанных трех союзов с распространителями (с вниманием к тем таксономическим трудностям, о которых говорилось выше).

В третьей части сообщаются факты, относящиеся только к одному из союзов – 1) уникальные семантические особенности и 2) не характерный для других распространитель.

В четвертой части делаются некоторые выводы о смысловом и функциональном различиях союзов-частиц *хотя*, *хоти* и *хоть* в древнерусском языке.

5.1. Первый семантический комплекс – "пусть – если – хотя бы".

Хотя:

прибыльнее хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать, Фрол Скобеев сказал... хотя животь свой утрачу, а от Аннушки не отстану.

Хоти – подобные примеры не встретились.

Хоть – ситуация аналогичная.

Второй семантический комплекс – "пусть – если".

Хотя:

нашъ царь приказался накрепко: кто станетъ хотя царемъ назваться, повелелъ съсечь его,

как ни ѣсть хотя нетъ согласія между ими и другъ друга укоряеть обаче всѣ согласно заповѣдь магометскую сохраняють.

Хоти:

у брата своего у царя я не живу, а хоти коли у него буду, и онъ меня таится, а в князя дѣла еще со мною не дѣлываль.

Хоть:

есть в томъ государствѣ води тепліе, в которыхъ мощно изварити яице без огня и рибу хоть без дровъ и без огня¹⁴.

Первое одиночное значение – **уступительности**: "пусть" ("хотя"):

Хотя:

дѣла еси моя милая дѣца хотя ты меня много хулиши і лаещи і без чести і соромитиши а я на тебя не могу злобы ни досады держати,

а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да молитву діавольскую говоритъ,

хотя мнѣ голова своя положити, а тебѣ послужу.

Хоти:

и бояре и дѣяки говорили: хоти государь вашъ въ то время ещо на государстве не былъ .. да въ томъ лихово нѣтъ ничего.

хоти мнѣ шаха лѣта все дожидатца, а къ шаху мнѣ безъ людей не езживать, и говоритъ де, хоти имъ всѣмъ помереть, а за Азовъ стоять крѣпко.

Хоть – примеры не обнаружены.

Второе одиночное значение – **условия**.

Хотя:

а хотя кто что вынеслъ или на поле, на огороды, или въ греблю, то все пламенемъ взялось.

а хотя коли повелимъ имати или на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жаловальныи, на монастырскихъ людехъ ни тогда никто не емли ничего по сей нашей грамотѣ.

Хоти:

хоти придет к царю и на двор, а свѣдаетъ, что у Леонтя царя Турского или Кизилбашского шаха послы или посланники и ему к царю не ходити, а ѣхати к себѣ на подворье,

¹⁴ Очевидно, что последний пример можно рассматривать как сложное предложение с большой натяжкой, то есть считать часть после *хоть* эллипсисом.

кто украдет хотя что не своих б алтынъ будет хотя дерзнул на государя своего рукою до оружія.

Хоть – примеры не обнаружены.

Третье одиночное значение – **временное** ("когда").

Хотя:

а хотя он после нѣскольکو сот годами опят в жидовскую землю пришолъ, и онъ все пусто нашелъ.

Примеров с *хоти* и *хоть* в этом значении не обнаружено.

Третье одиночное значение – **минимизации** ("хотя бы").

Хотя:

аще ли кто въ печали человѣка призритъ, хотя студеною водою напоит во узноенный ден, не лишен будет царства небеснаго, и ежели иного кого не същецца, то извольте послать хотя Федосью Грекову, довлѣтъ, чтобъ тѣ анбары, хотя не всѣ, были въ городѣ.

Хоти:

и по ся мѣста мочно было изготовити хотя два отпуска такихъ.

Хоть – примеры не обнаружены.

К этому значению примыкает более общее значение "крайности", доведения до предела: *и такъ тонцовали что и сорочки их хотя выжми отъ поту их.*

5.2. Прежде, чем перейти к семантике анализируемых союзов с "распространителями", в качестве "гибридной" конструкции приведем примеры на **разделительное** значение союза *хотя*, который, дублируясь, передает значения: "или...или; будь то...или" и под:

а за кормилица 12, тако же и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба, слыша же блаженный Андрѣй, еже вопіаху, помилуй нас, хотя, либо не хотя, нача ся смѣяти,

а на Кемчике де острог хотя ставити, хотя и нет,

и о томъ объяви Курляничкомъ, и вели збирать, хотя хотятъ, хотя нѣтъ.

Хоти в данном значении не представлено.

Хоть:

а ты де, Савка, ей, царевне, о томъ хоть извѣщай хоть нетъ, я де про то сама съ Ульяною переговорю въ Покровском у церкви, у ранней обедни,

и ты стафъ хоть 1000-чи хоть 100, хоть 10 и опъ томъ не думай, хоть многое число напередъ, хоть малое, толко чтобъ правая сторона была равна.

Несколько смешивая композицию, заметим, что в подобном значении выступает и структура *хотя... или*:

а речеть тако: хотя богатырь или не богатырь, однако если холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудеть,

я же вездѣ въ равномъ разстояніи стоятъ не смотря на то хотя прямо или криво идутъ.

5.3. Наиболее частотным распространителем для всех трех союзов безусловно является *и*.

Первое значение – комплекс **уступительности + условия**: "пусть–если–если даже"¹⁵.

Хотя:

а будетъ същецся, что жили болиши трехъ мѣсяцъ и на тѣхъ людей кабалы давать и поневолѣ, хотя они к ним итти въ холопи и непохотятъ,

¹⁵ Разумеется, *даже* – это почти синоним *и*: *Вдова должна и гробу быть верна = даже гробу*, но семантика *и* часто приближается к грамматикализованности, тогда как *даже* воспринимается более "отчетливо".

ко всемъ милой другъ заежжаетъ, онъ к одной ко мнѣ не заедет, а хотя онъ ко мнѣ и заедет, он тайны мнѣ онъ (так! – Т.Н.) не скажетъ.

Хоти:

а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти,

а хоти и цесарского или королевского или какова вельможного роду къ тому рыцарскому братству пристать хочеть, сперва должень о томъ прошение принестъ.

Хоть:

а хоть поедет басурман через мою землю, яз и его велю проводить с честью, а то ведь царевич, да мне и свой,

если якій скотъ на що наколется или стрѣлою прострѣленъ будетъ хоть и наскрозь то тимъ коренемъ исцѣлѣется.

Второе значение – одиночное – **чистой уступительности:**

Хотя:

Ляховъ въ мукахъ учили, хотя и сами холопы,

а намъ до Ржевскихъ дѣла нѣтъ, а Хима Ржевской хотя и будетъ Карповыхъ роду и Ржевским с Карповыми далеко разошлись.

Хоти:

и государь вашъ хоти нашимъ рѣчемъ съ тобою и не говоритъ и не повѣритъ, и государь вашъ повѣритъ государя нашего грамоте,

и нынѣ ты братъ мой въ мыслѣ себѣ такъ взялъ, хоти есмь отъ тебя и далече, а ты бы насъ близко себя чинилъ.

Хоть:

климатъ нашъ хоть и суровъ, однако же не всегда же ненастья да туманы, бываетъ и ведро.

Третье значение, также одиночное, – **минимизации**, близкое к современному "хотя бы". Обнаружено только с союзом *хотя*:

обо всемъ что вы нынѣ чините и где обрѣтаетесь, писать по вся недѣли, а не хуже *хотя* и по дважды въ неделю.

5.4. Вторым по частотности распространителем уступительных союзов *хотя* – *хоть* – *хоть* является отглагольная частица *бы*.

Общим семантически является компонент **условно-уступательного** значения: "пусть/если".

Хотя:

когда лошадь будетъ иметь черные мяса сухи, тогда *хотя бы* имѣла задние кости широки будетъ казатца не статна,

Хоти:

а хоти бѣ государь вашъ надъ ними что и учинилъ и государь нашъ по своей правдѣ о томъ взысканіе учинить.

Первое одиночное значение – **уступительности**: смысловой показатель "пусть":

Хотя:

и если, государь, милость ваша к нему будетъ, чтобъ ему объявить чрезъ письмо, *хотя бѣ*, государь, его малымъ потѣиеньемъ что дать,

Хоти:

что вамъ мне въ беломъ платьи положити, *хоти бы* язъ и здоровъ былъ, но мысль моя... предлежитъ в черничество.

К нему примыкает "субзначение" – "пусть даже", то есть как бы **усиленная уступительность**:

І Ильдеджерта гораздо лутче убралась, і в консилиуме о войнѣ предлагала такъ порядочно *хотя бы* самому знающему все военные обряды.

Хоти – примеров в этом значении не обнаружено.

Второе одиночное значение – условия: "если":

Хотя:

прежде всего надобно смотрѣть воздухъ и положеніе того мѣста гдѣ лошадей содержать. Ибо хотя бѣ кто Арапскихъ, Турецкихъ и Неополитанскихъ жеребцовъ имѣлъ, но ежели мѣсто и воздухъ къ тому неспособно, то никакого успѣху не будетъ

Хоти:

хоти б которая меж Келмашетем... была с Будаचेем и с Муцаломъ и ссора и чем было бити челомъ великому государю, а не им, Аллечуке и Хотаджуку... управиватца.

Третье одиночное значение – минимизации, некоего изначального, но необходимого минимального отсчета.

Хотя:

и требуетъ от вас хотя бѣ словесно благословили заочно.

Хоти:

онъ бы хоти въ Астрахань послалъ людей своихъ.

5.5. Последняя разбираемая нами конструкция является общей для трех союзов, – это их сочетания с показателями количества. Будет справедливо заметить, что многие высказывания, приведенные нами выше в качестве примеров на отдельные значения, на самом деле почти синонимичны, и проводимые семантические границы часто искусственны. Кроме того, несомненно, что в приводимых далее примерах *хотя/хоть/хоти* являются, скорее, частицами, а не союзами, недаром В.В. Виноградов (см. выше) именовал их "частицами-союзами".

5.5.1. Комбинация союза с распространителем-показателем *мало*¹⁶.

Хотя:

*а мы ныня хотя мало поболим или жена, или дѣтя то стальшие бга врага дшамъ и тѣломъ ищемъ проклятыхъ бабъ чаробѣицъ,
печаль преложить и отдохнове не хотя мало сотворить ми,
а ежели что хотя мало что в доимку упущено будетъ і оная взыскана будетъ на Колской воевоцкой канцеляриі несомненно,
надлежитъ приехать на станъ давать онымъ лошадямъ хотя мало есть отрубей моченьхъ чтоб те отруби прочистили горло.*

Хоти:

хоти маленько побѣлее золотово ся покажетъ то дешевле емли.

Хоть:

что бы, государь, спустити б дней или въ два, что было, то судить хоть мало болѣзни твоей облегчения.

5.5.2. С тем же значением минимизации выступает сочетание союза-частицы с числительным *один*:

Хотя:

*аще къ ней прикоснется хотя единымъ словомъ, то не можетъ сей день живѣ быти,
а кто утаитъ хотя одну обжу, а уличимъ его, и мы того скажемъ своимъ государемъ.*

Хоти:

*а ты молви хоти одно то: царево слово на головѣ держу,
яко ни у меня с собою нет, ни в Литве остана, такова хоти едина пищаль, еже столь далече шествие пути кажет.*

¹⁶ Примеров на эту конструкцию приводится несколько больше, чтобы показать – хотя бы иконически – степень ее распространенности и грамматикализованности.

Хоть:

я готовъ тотчас умереть, говорил Гардвин, ежели у меня хоть одна капля крове что иное думаетъ, кроме спокойствия моей милостивой принцессы,

а будетъ я ... образцовъ против сей млювной записи хоть въ единомъ въ словѣ своемъ не устою.

5.6. Итак, выше были продемонстрированы основные значения уступительности, передаваемой через союзы *хотя/хоти/хоть* и модификации этих значений при введении в высказывания "распространителей" при этих союзах. Нетрудно заметить, что выделяемые значения могут оказаться абсолютно синонимичными в высказываниях с распространителями и без них; наконец, в современном русском языке в одних случаях распространитель был бы элиминирован, а в других – введен. Все это еще раз подтверждает нашу мысль о практически непрерывно работающем "конструкторе", формирующем из партикулярных компонентов (как указывалось выше, по модели, напоминающей игрушку-калейдоскоп) разнообразные сочетания и комбинации. В языковой эволюции они могут объединяться, и разъединяться, по-разному комбинироваться – именно по указанному принципу.

Кроме того (подобные примеры не приводились из-за боязни слишком перегрузить статью) все эти распространители могут быть представлены в разных внутривидовых сочетаниях. Таким образом, возникают квази-комплексы типа *бы + и*, *бы + и + один*, *будеть + и* и т.д., сходные с теми комплексами клитик, которые известны для синтаксиса древних языков (например, хеттского), для романских языков, для южнославянских и т.д.

В заключение – остановимся на тех комбинациях, которые характерны для одного какого-либо союза из анализировавшихся трех.

5.6.1. В первую очередь это относится к сочетанию *хотя* с инфинитивом. То есть здесь *хотя* выступает в своей исконной функции деепричастия от глагола *хотети*. В современном русском языке такое *хотя* было бы передано как: *желая*.

прииде в Киев Дионисиш архиепископъ Суздальскыи... и хотѣ ити на Москву, хотя быти митрополитомъ на Руси,

король бо поведе его на великого князя, хотя разорити христианство, и прихотя он, Сумчалей, ... великую нам тесноту и изгоню чинит, хотя нас к себе в холопи взять и от твое царские милости отлучить,

бедный.. умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтиса до смерти,

имѣемъ примѣръ памятной о взятіи буржа ілі бурга. Того ради что хотя его спасті его отъ здраваго, убереженъ онъ былъ на нужду римляномъ.

Естественно, что в подобных конструкциях не выступают ни *хоти*, ни *хоть*.

5.6.2. Второй не общераспространенной конструкцией является модель, где в основном выступает *хоти*. Это: *хоти + ино*.

Если в предыдущих примерах *хотя* четко выступает в функции деепричастия, то в этой – несомненно союзная функция *хоти*. Синтаксис соответствует правилу строгого параллелизма двух сообщаемых ситуаций.

Ино можно рассматривать и как целостную лексему, и как партикулярный комплекс: *и + но*. Тогда он может анализироваться как дистанцировавшееся И, столь обычное для уступительных союзов *хотя/хоти/хоть*, в сочетании со столь же распространенным противительным *НО*, о котором также говорилось в первой части работы. Однако, эта лексема, несомненно, имела диффузную семантику. В "Этимологическом словаре славянских языков" для уровня древнерусского языка *ино* приписывается значение "но", "то", "так и так", "разве", "только" [ЭССЯ, 8: 168]. И.И. Срезневский приписывает ему значения "то", "но", однако несомненно, что ряд примеров и для него остался семантически непрозрачным:

А подале пошедъ, ино темница Господа нашего Иисуса Христа.

А въ црковь ту влезши, ино на правѣ Гурзинскія службы, Гурзи служатъ и т.д. [Срезневский 1958, 1: 1102].

Для указанной конструкции очевидно, что союз (союзная часть?) связывает синтаксически параллельные действия, где обсуждение говорящим второй ситуации обусловлено ситуацией первой:

а говорилъ де брату своему Кедяю Алей царевичъ: хоти де послать проведать про посланника своего про Чирючая ино де послать человека с 2 или с 3,

хоти низок потолок, ино огня не страх,

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вашъ въ то время ещо на государстве не былъ, ино отецъ его шахъ... о томъ ко государю нашему приказывалъ, да въ томъ лихово нѣтъ ничего.

5.6.3. Последняя конструкция является не столько не общей для союзов, сколько реликтовой, и потому рассматривается в этом же разделе. Это – сочетание союзов с распространителем *будет + и* (без *и* подобная конструкция в Картотеке не была представлена). Все высказывания с *будет* имеют значение **футуральной условности + + уступительности** (последнее не во всех случаях)¹⁷.

Хотя:

а будетъ проведаютъ или хотя будетъ и Александровых, а посадилъ его шах, к тому новому царю не ходить,

сказал: такова разряду не помню, а хотя будетъ таково разрядъ и былъ и Юманъ былъ менши чюлка,

Азовъ сталъ некрѣпокъ, мочно его взять... только безъ государева повелѣнья учинить того не смѣютъ, хотя будетъ и возьмутъ, а ему, государю, будетъ неприятно, попрежнему Азова у нихъ принять не велить.

Хоти:

и того бѣ образа просити за изборскихъ людей пятьдесятъ человекъ, да хоти будетъ къ тому и прибавити, ино прибавити Фому Мотукѣва.

6. Как видно из предшествующего изложения, *хотя*, *хоти* и *хоть* (последнее, как уже говорилось, было представлено в картотеке минимально) по смысловому заданию оказались очень близкими. Формальные различия относятся к уникальному употреблению *хотя* с инфинитивом, а *хоти* – с *ино*.

Есть ли все же какие-то различия между этими союзами на древнерусском уровне? Если есть, то искать их нужно, видимо, на каком-то особом смысловом пласте.

Обратимся к примерам с *хоти* и проанализируем их категориальную структуру:

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вашъ въ то время еще на государстве не былъ, да въ томъ лихово нѣтъ ничего,

и говоритъ де, хоти имъ всѣмъ помереть, а за Азовъ стоять крѣпко,

а нынѣ тебѣ не до тово, хоти еси добръ силенъ и крѣпкаго умыслу,

а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти.

Ср. примеры с *хотя*:

бей Яловецкой ничего не делаетъ и дѣлать не хочетъ, а хотя спаги и янычене на него кричатъ, что безъ дровъ и безъ воды быти не могутъ, сказываютъ, что дѣ дѣлаю, что мнѣ велятъ, хотя бы и пропасть довелось,

послалъ меня къ бугдыханову величеству, и хотя не вразумѣлъ царское величество, какимъ обычаемъ писалъ въ листу своемъ бугдыханово величество,

прибыльнѣе хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать,

¹⁷ Интересно отметить, что сейчас сочетание *хотя будет* воспринимается как некий не употребляемый архаизм, но в то же время *если будет* вполне укладывается в современные нормы, однако с ощущением полноточности глагола *быть*.

воеводство Поморское и подскарбство Прушское и другое надворное, хотя на многихъ стоитъ, толко указу королевского на нихъ нѣтъ,
а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да молитву діавольскую говоритъ,

себѣ ужъ хотя воняю, да иныхъ не соблазняю,
Фрол Скобеев сказал... хотя живот свои утрачу, а отъ Аннушки не отстану.

Посмотрим на примеры с распространителями.

Примеры с *хотя*:

много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и вѣдаютъ,
что на торгу за слова не продаютъ,

и сказали ему иные рабы, хотя ты и ничего не понесешь, мы нужды не имѣемъ,

лядунки не удобны... одна тягостна, а другая хотя бы и не тягостна, толко къ
даннымъ походамъ не вечна.

Примеры с *хоти*:

что хочетъ нашего царствія величества титла и печати учинити, и ты
обезумѣвъ, хоти и вселенней назовеешься государемъ, да хто тебя послушаетъ,

и того хотимъ, чтобъ тѣ наши подданные, которые ваши гнѣвъ принесли, хоти
и поучени будутъ толко бы впереди болши того об нихъ писанья не было,

что вамъ мне въ беломъ платьи положити, хоти бы язъ и здоровъ был.

Итак, как кажется, и в древнерусском языке, два союза: *хотя* и *хоти* отличаются корреляцией акциональных состояний в обоих событиях, соединяемых союзом. *Хотя* соединяет **одновременные** события. *Хоти* связывает **разные по совершаемости** ситуации: при этом могут комбинироваться настоящее и "вечное", настоящее и давно прошедшее, настоящее и будущее и т.д.

Естественно, что интерпретация этого приводит к исходной функции *хотя* как деепричастия настоящего времени, предполагающего акциональную одновременность. Это объясняет тот факт, что *хотя* почти не встречается в конструкциях с *ино*, так как здесь описывается ситуация условная, а не реальная. Это объясняет также частое тяготение контекстов с *хоти* к будущему времени: это и есть сентенциональный рефлекс на происхождение *хоти* от императива.

Таким образом, именно *хоти* оказывается наиболее близким к современному русскому *хоть*, если его рассматривать в противопоставлении *хотя*.

Логически из этого вытекает, что *хоти* было в русском языке вытеснено партикулой *хоть*¹⁸.

7. Последний, поднимаемый в настоящей статье, вопрос – это проблема происхождения союза (частицы) *хоть*.

Как уже указывалось, во многих современных работах *хоть* объявляется либо "фонетическим" вариантом *хотя*, либо его "разговорным" вариантом. Наиболее внимательно к этому вопросу подошел Б. Лавров [Лавров 1941: 118–121]. Он обращает внимание на не анализировавшийся нами вариант уступительного союза *хошь*: *Хошь черта впрягъ, инъ не тянетъ; Изловя вошь, отпусти хошь* и под. По его мнению, безусловно *хошь* здесь – вариант от *хочешь*, но семантика его стерта и не всегда можно сказать, имеем ли мы дело со сказуемым или с частицей: *Злорѣчивой хошь языкъ отрѣзать, и она перстомъ киваетъ*. Б. Лавров обращает внимание на то, что такое *хошь* часто встречается в северно-русских говорах, где наблюдается и *мошь* вместо *можешь*. В памятниках встречается и форма *хочь* как форма 2-го лица. Б. Лавров полагает, что это форма повелительного наклонения, которая функционирует в роли формы наклонения изъявительного. Что касается *хоть* и *хоти*, то обе

¹⁸ Процесс вытеснения *хоти* партикулой *хоть*, очевидно, нужно прослеживать, начиная со второй половины XVIII века. По данным Словаря русского языка XI–XVII вв. это сделать не удалось.

они, по мнению Б. Лаврова, являются формами повелительного наклонения. *Хоти*, по его данным, встречается редко, а *хоть* связано главным образом с фольклорными текстами (напоминаем, что речь идет о древнерусском языке). Далее, Б. Лавров сомневается и в общепринятом мнении (которое он, однако, принимает) о том, что *хотя* – наиболее распространенный союз современного русского языка – является изначально причастно-деепричастной формой. Дело в том, что в польском языке ему эквивалентен союз *chocia*, тогда как нормативное соответствие русским деепричастным формам должно иметь на конце носовое *a*. "Так как русск. *хотя* не вполне соответствует польск. *chocia*, то это заставляет с большой осторожностью определять исходную форму союза" [Лавров 1941: 121].

Однако, по нашему мнению, более загадочным является генезис формы *хоть*.

Возможны при этом следующие гипотезы.

1) Это форма повелительного наклонения, имеющая функционирование в диалектах, подобно *положь, глянь, становь* и под., и перешедшая в современный язык после вытеснения *хоти*, которое, как мы старались показать, в древнерусском языке было аналогичным современному *хоть*. Тогда неясно – почему *хоти* было вытеснено, во-первых, и когда именно возникла эта диалектная форма, во-вторых?

2) *Хоть* является "фонетическим вариантом". Но – какой формы: от *хотя* или от *хоти*? Скорее, вероятно второе, так как *хоти* исчезло из употребления. Тогда можно построить теорию двух *хоть* и "новое" *хоть* могло совпасть со "старым" и диалектным. Важно осознать, что существует еще чисто "металингвистическая" привычка определять диалектные формы, как некие "отражения" литературных, и тем самым им приписывать – хотя бы неявно – историческую вторичность.

3) Можно предположить иначе: на каком-то периоде развития русского языка (вероятно, это период постпетровский) произошло перераспределение функциональной парадигмы трех лексем: *хотя/хоти/хоть* (последнее из некоей параллельной "народной" формы). *Хоть* стало восприниматься и описываться как вариант от *хотя*, что фонетически было облегчено ударением на первом слоге в слове *хотя*, на самом же деле оно разделило с ним ряд функций (как мы показывали выше), а *хоти* было вытеснено как функционально избыточное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АГ-1954 – Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.
АГ-70 – Грамматика современного русского языка. М., 1970.
АГ-80 – Русская грамматика Т. II. Синтаксис. М., 1980.
Белошапкова В.А. 1967 – Сложные предложения в современном русском языке. М., 1967.
Богомолова А.В. 1955 – Уступительные конструкции с союзом *хотя* (*хоть*) в современном русском литературном языке. Автореф. ... канд. дис. Л., 1955.
Валгина Н.С. 1971 – Сложноподчиненное предложение в современном русском языке. М., 1971.
Виноградов В.В. 1972 – Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
Евтюхин В.Б. 1996 – Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.
Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
Ильенко С.Г. 1996 – О "грамматическом объеме" уступительных сложноподчиненных предложений // Ленинградский пед. ин-т. им. А.И. Герцена. Герценовские чтения 19. Программа и тезисы докладов. Филол. науки. 15 апреля – 25 мая 1996. Л., 1966.
Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. 1997 – Союзы и частицы *а, но* и *ну* в русской диалектной речи // Славянские сочинительные союзы. М., 1997.
Кухаревич Н.Е. 1955 – Сложно-подчиненные предложения с уступительной придаточной частью в современном русском литературном языке. Автореф. ... канд. дис. М., 1955.
Лавров Б.В. 1941 – Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М., 1941.
Ляон М.В. 1986 – Смысловая структура сложного предложения. текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

- Николаева Т.М. 1969 – Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
- Николаева Т.М. 1985 – Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Николаева Т.М. (в печати) – *Хотя* и *хоть* в исторической перспективе.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. 1912 – Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Павловский В. 1911 – Существуют ли в русском синтаксисе придаточные уступительные предложения // Филол. зап. Вып. 1. 1911.
- Перфильева Н.П. 1977 – Являются ли *хотя* и *хоть* вариантами? // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". Филология. Новосибирск, 1977.
- Перфильева Н.П. 1984 – Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском языке. Автореф. ... канд. дис. Томск, 1984.
- Пешковский А.М., 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Пешковский А.М. 1959 – Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // А.М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959.
- Санников В.З. 1989 – Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.
- Срезневский И.И. 1958 – Словарь древнерусского языка. Т. II. М., 1958.
- Срезневский И.И. 1959 – Словарь древнерусского языка. Т. III. М., 1959.
- Теремова Р.М. 1986 – Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.
- Фужерон И. 1977 – Между сочинением и подчинением: *хотя* в современном русском языке // Докл. на XVII Международном лингвистическом конгрессе 20–25 июня 1977 г. Париж, 1977.
- Фужерон И. 1998 – Не заблудиться бы в трех *хотя* // ИАН СЛЯ. 1998. № 3.
- Шувалова С.А. 1997 – Сложное предложение // Энциклопедия "Русский язык". М., 1997.
- ЭССЯ 1981 – Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981.
- Fougeron I. 1987 – A et no, deux conjonctions synonymes? // Les particules énonciatives en russe contemporain. P., 1987.
- Karcevskij S. 1956 – Deux propositions dans une seule phrase // Cahiers F. de Saussure. 1956. № 14.
- Perrot J.-Ch. 1971 – Problèmes de structures appliquées au messages // Mélanges offerts à Aurelien Sauvageot pour son 75 anniversaire. Budapest. 1971.

© 1999 г. В.В. ДЕМЕНТЬЕВ

ФАТИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

1. ТИПОЛОГИЯ ФАТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Интерес к различным типам, или жанрам, человеческого общения заметно возрос в 80–90-е годы XX столетия. Значительными достижениями в области жанроведения отмечены последние два года (см. работы: [Баранов 1997; Гольдин 1997; Матвеева 1996; Орлова 1997; Федосюк 1997а; 1997б; Шмелева 1997]). Очень плодотворным стало взаимодействие данного направления со смежными дисциплинами – прагмалингвистикой, стилистикой, риторикой, социолингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией, лингвистикой текста. Большую роль в развитии отечественного жанроведения сыграли также архивные, текстологические, биографические разыскания исследователей-бахтинистов¹. Можно сказать, что в России сформировалось несколько центров (Москва, Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Новгород, Омск, Саратов), где последовательно и весьма успешно осуществляется описание и систематизация речевых жанров (далее – РЖ), а также разработка специального метаязыка для описания РЖ. В Саратове вышел первый выпуск сборника "Жанры речи" (1997 г.), в котором приняли участие исследователи из всех названных центров изучения РЖ.

Было бы несправедливо говорить в связи с этим о недостаточном интересе современных жанроведов к фатическим речевым жанрам (далее – ФРЖ). Более того, именно в этой области были осуществлены такие интересные, новаторские исследования, как, например, [Гуц 1997; Жельвис 1997; Карасик 1997; Матвеева 1996; Рыт-никова 1997; Седов 1998; Щурина 1997].

И вместе с тем проблема ФРЖ остается одним из наименее изученных направлений общего исследования РЖ. До настоящего времени нет не только систематического описания ФРЖ, но и адекватной предмету модели такого описания.

Это обусловлено целым рядом причин, среди которых наиболее значимыми нам представляются следующие. С одной стороны, долгое время проблема фатических речевых жанров относилась к разряду периферийных в жанроведении. С другой стороны, исследование фатической коммуникации несколько десятилетий велось в двух параллельных, почти не пересекающихся направлениях, у истоков которых стояли Б. Малиновский и Р. Якобсон.

Б. Малиновский вводит понятие "фатическое общение" (*phatic communion*), определяя его как такую разновидность речи, которая отражает заложенное в самой природе человека стремление к созданию "уз общности" между людьми и часто выглядит как простой обмен словами [Malinowski 1972]. Нельзя сказать, что Б. Малиновский обратился к абсолютно неизвестному до него явлению. Примерно в одно время с ним об общении такого рода говорили Э. Сепир [Сепир 1993: 232–233], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 318], Б. Гавранек [Гавранек 1967: 440–441]. Но именно работы Б. Малиновского послужили отправной точкой для исследований таких аспектов

¹ Результатом этой работы стали выходящее сейчас пятитомное собрание сочинений М.М. Бахтина под редакцией С.Г. Бочарова и Л.А. Гоготшвили, серия книг "Бахтин под маской", Бахтинские сборники и другие издания московского издательства "Лабиринт" под редакцией И.В. Пешкова и В.Л. Махлина, а также журнал "Диалог. Карнавал. Хронотоп", выходящий в Витебске под редакцией Н.А. Панькова.

фатической коммуникации, как, например, синтаксис и лексика [Драздаускене 1970], тональность [Матвеева 1996].

Р. Якобсон, опираясь на термин Малиновского "фатическая функция", выделяет "сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, т.е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности" [Якобсон 1975: 201]. Фатические реплики, сигналы, с функциональной точки зрения, обеспечивают успешность "основной" – нефатической – коммуникации. Дальнейшую разработку это направление получает в исследованиях Г.Г. Почепцова ("фатическая метакоммуникация") [Почепцов 1981], К. Писарковой ("конативные реплики" и "фатические реплики") [Pisarkowa 1975: 25; 29–33] и др.

Попытки преодоления искусственного по своей природе противопоставления "линии Малиновского" и "линии Якобсона" долгое время не имели успеха (ср. [Докторевич 1979]). Главным препятствием на пути преодоления данного противопоставления, на наш взгляд, было то, что только фатические реплики являются как будто наиболее чистой, а главное – **прямой** реализацией фатической функции языка. Фатическая же речь, ФРЖ имеют по большей части **косвенный** характер. Ниже нами будет сделана попытка разрешить это противоречие.

✓ Долгие дискуссии о сущности фатической коммуникации наиболее удачно, как нам представляется, завершили работы Т.Г. Винокур (например, посмертные публикации Т.Г. Винокур "Говорящий и слушающий" и "Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего"), в которых "линия Малиновского" и "линия Якобсона" объединяются в глобальном понятии "фатики": «...термин "фатическая речь" естественным образом расширяет рамки объекта, располагая внутри него следующие типологически обособленные звенья: а) конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка); б) область речевого этикета в целом; в) бытовые диалоги и бытовое повествование; г) художественные диалоги и повествование, стилизованные под бытовые» [Винокур 1993а: 135; 1993б: 8]. К сожалению, о ФРЖ в этих работах почти ничего не говорится.

Согласно Т.Г. Винокур, "фатика" и "информатика" представляют собой два основных инварианта речевого поведения. Само вступление в коммуникацию подразумевает одно из коммуникативных намерений: сообщение чего-либо (реализуется информативной речью) или общение (реализуется фатической речью) [Винокур 1993а: 15; 1993б: 5].

Характерно, что именно противопоставление информативной и фатической речи является первым членением речи в большинстве существующих типологий речевых жанров (см. [Дементьев 1997: 116–117]). С этой точки зрения фатика, фатический речевой жанр как инвариант обладает целым рядом качеств, среди которых в современной лингвистике основными обычно считаются следующие.

✓ Под фатическим речевым поведением Т.Г. Винокур понимает "речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот акт как на предпочтительный способ вступить в общение: а) частные цели в фатическом РЖ всегда подчинены начальному контактному импульсу; б) информативная задача высказывания, следовательно, с точки зрения участников общения, вторична; в) коннотативный план коммуникативно-стилистического характера, наоборот, способен выступать как абсолютная ценность" [Винокур 1993а: 108–109; 1993б: 6]. Начальным контактным импульсом обусловлены такие качества всех разновидностей фатической речи, как десемантизация лексики, тривиальность тем, большое количество речевых наполнителей, наличие строго регламентированных и постоянно воспроизводящихся клише и формул [Драздаускене 1970: 3–7], деонтическая и эмоциональная модальность [Арутюнова 1992: 55], способность быть регулятором психического состояния людей [Арутюнова 1992: 55; Матвеева 1996: 218]. Если фатическая коммуникация сопровождается другой деятельностью, она может быть по отношению к последней первичной (разговор, сопровождающий

званный обед, первичен по отношению к еде, которая служит лишь предлогом для беседы) или вторичной (если болтовня сопровождает ручную работу) [Винокур 1993а: 140–142; 1993б: 17].

Фатическая коммуникация – коммуникация в наиболее чистом виде, ее "свобода личного содержательно-стилистического изъяснения", по мнению Т.Г. Винокур, не ограничивается "информативным объемом вербализуемой референтной ситуации", поскольку в ней "референтная ситуация является, в известном смысле, производным от коммуникативной ситуации" [Винокур 1993а: 136; 1993б: 6]. "Очевидно, именно фатическая речь выражает человека как языковую личность хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе, имеющем аксиологическую ценность", – писала Т.Г. Винокур [Винокур 1993б: 11].

Изучение отдельных ФРЖ в какой-то степени подготовлено самим Б. Малиновским, описавшим сейчас широко известный *small talk*, выделенный им в речи туземцев (их тривиальные разговоры по вечерам у костра, болтовня и сплетни во время работы). По мнению М.-Л.А. Драздаускене, разновидность фатической речи "*small talk*" впервые зафиксирована еще в 1751 г. в "Письмах" лорда Честэра [Драздаускене 1970: 18]. А. Вежбицка называет и описывает при помощи "семантических примитивов", но не выделяет в особую группу несколько ФРЖ ("разговор", "ссора", "шутка", "похвальба", "флирт") [Вежбицка 1997: 104–108].

Главная трудность, с которой сталкивается исследователь, строящий типологию ФРЖ, – поиск основания классификации. Следует отметить, что данный поиск в современном жанроведении осуществляется очень активно, несмотря на то, что до принятия удовлетворительной общепризнанной типологии ФРЖ (как и типологии РЖ в целом) дело не дошло (о некоторых из предлагавшихся возможных моделей см.: [Дементьев 1997: 115–116]). Кстати, самого М.М. Бахтина мысль о построении типологии речевых жанров не оставляла на протяжении всей его жизни. В архивных записях к "Проблеме речевых жанров" читаем: "Классификация речевых жанров: 1) диалогические и монологические, 2) первичные и вторичные (специализированные и конструктивные). (...) Несущественность деления на разговорные и книжные жанры" [Бахтин 1996: 235]. В этой области в наибольшей степени разработаны два направления: компонентный анализ и иллокутивное, или иллокутивно-перформативное, направление, и при типологизации ФРЖ, на наш взгляд, разумнее всего было бы опираться на опыт именно данных направлений.

Методика компонентного анализа, или дескриптивная модель, активно применялась в этнографии речи [Нупес 1977], но в последнее время сфера ее применения значительно сузилась. Методика компонентного анализа как будто окончательно уступила свои позиции динамическим моделям и моделям полевого типа. В работах [Шмелева 1997; Федосюк 1997а; 1997б; Гуц 1997; Щурина 1997], однако, данная методика получает новое развитие, как нам представляется, на более высоком уровне. В качестве модели описания и систематизации речевых жанров предлагается "анкета" речевого жанра. Эта анкета включает семь пунктов: "коммуникативная цель жанра", "концепция автора", "концепция адресата"; "событийное содержание"; "фактор коммуникативного прошлого"; "фактор коммуникативного будущего" и, наконец, "языковое воплощение" [Шмелева 1997]. По мнению М.Ю. Федосюка, "анкета" речевого жанра помогает типологически различать жанры, совпадающие по признаку "коммуникативная цель" (например, *признание* отличается от *сообщения* по признаку "концепция автора": отправители *сообщений* всего лишь знают о некоторой ситуации, а отправители *признаний* – имеют к этой ситуации непосредственное отношение и при этом раньше не хотели о ней говорить) [Федосюк 1997б: 68].

Иллокутивно-перформативный критерий, наиболее распространенный в прагматической лингвистике, позволяет противопоставить ФРЖ и "не-ФРЖ" (однако выявить все многообразие отношений взаимозависимости и динамических переходов, существующих между отдельными жанрами, с помощью одного критерия довольно трудно).

Иллокутивно-перформативный критерий в значительной степени пересекается с

"анкетой речевого жанра", имеющей первым пунктом "коммуникативную цель". Так, на данном основании Т.В. Шмелева выделяет четыре класса РЖ: информативные, императивные (содействуют осуществлению событий реальной действительности: *просьбы, советы* и т.д.), этикетные, или перформативные (формируют события социальной действительности: *приветствия, поздравления* и т.д.), оценочные [Шмелева 1997: 91–92]. Следует отметить, что в типологии Т.В. Шмелевой противопоставлены, в сущности, только "информативные" и "оценочные" РЖ (любой РЖ не может быть одновременно и перформативным, и императивным, поскольку любой РЖ осуществляется одновременно и в сфере социальной, и в сфере реальной действительности), что совпадает с противопоставлением информатики и фатики.

Анализируя ФРЖ с целевой точки зрения, Н.Д. Арутюнова выделяет среди них две группы жанров: фатические, или праздноречевые, жанры, не имеющие непосредственной цели ("д-5"), и жанры, имеющие целью установление или регулирование межличностных отношений ("д-4"), распределенные по шкале А.Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснений отношений) [Арутюнова 1992: 52–56; Балаян 1971].

По нашему мнению, данное противопоставление малоинформативно, поскольку жанры д-4 и д-5 обнаруживают очень большое сходство. Все истинное содержание этих жанров составляет вступление в контакт, организация ситуации общения и личности коммуникантов (остальное можно понимать как косвенность). Определение "не имеющие непосредственной цели" не вполне корректно: жанры д-5 так же, как д-4, направлены на межличностные отношения, а именно: они сохраняют достигнутую близость. Все ФРЖ можно расположить на шкале А.Р. Балаяна, при этом жанры д-5 занимают одну точку посередине шкалы:

О

– диссонанс

сохранение без изменения
достигнутой близости (д-5)

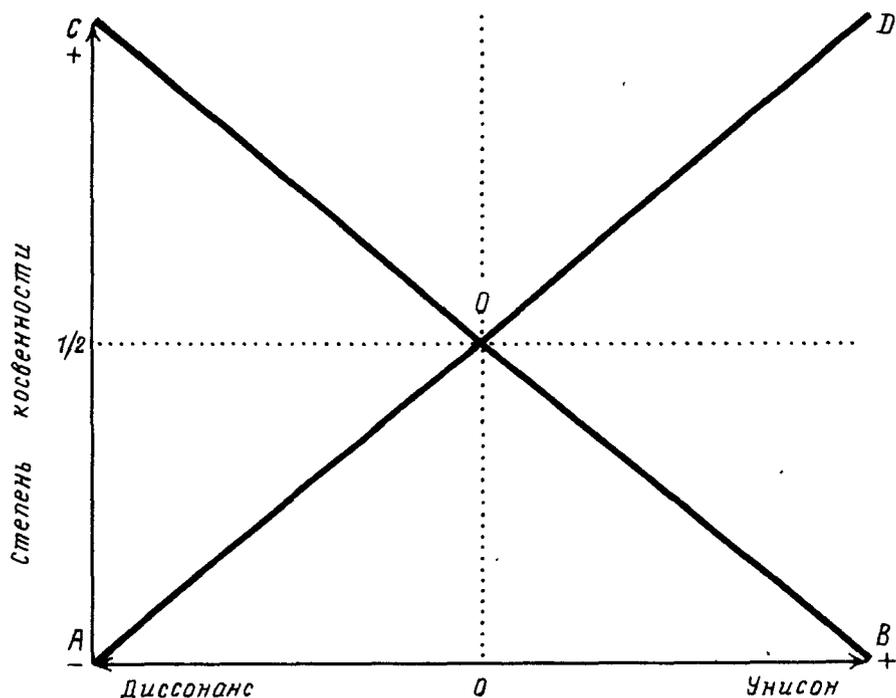
унисон +

Шкала межличностных отношений является наиболее распространенным основанием типологий ФРЖ (см. [Дементьев 1997: 116–117]).

Установив после объединения д-4 и д-5, что сущность ФРЖ связана с потребностью в наличии или в изменении ситуации общения (интегрирующий признак), примем в качестве дифференцирующего признака степень косвенности. Значение этого признака для фатических речевых жанров очевидно. Еще Бахтин писал: "речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутило-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутилой эпитафии)" [Бахтин 1996: 192]. Т.Г. Винокур вплотную подошла к пониманию типологической роли косвенности в фатической речи: "для фатической речи характерно опосредованное выражение генеральной интенции (т.е. вступления в контакт) через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания" [Винокур 1993а: 137; 1993б: 12].

Итак, мы предлагаем типологию ФРЖ с двумя основаниями: степень косвенности в виде условно градуируемой вертикальной шкалы, соединенной с горизонтальной шкалой А.Р. Балаяна. Все известные нам фатические речевые жанры располагаются на графике в виде двух прямых пересекающихся линий (см. рис. ниже).

В точке О находятся все праздноречевые жанры (д-5, согласно Н.Д. Арутюновой): они соответствуют нулю на шкале изменения отношений и условно 1/2 на шкале степени косвенности. Наличие косвенности в этих ФРЖ несомненно (иначе собеседники могли бы говорить друг другу только *у нас с тобой все хорошо*), в то же время степень косвенности в них не может быть очень большой, так как в *small talk* (в отличие от *флирта, розыгрыша*) нет особых причин что-то скрывать.

ФРЖ с нулевой косвенностью занимают позиции на краях оси отношений.
Точка А – эксплицитный разрыв:

(1) *Пять человек на скамье под фонарями, тесно друг к другу, и Генка нависает над ними.*

– До доньшка! Правдивы!.. Ты сказала – я черств. Ты – я светлячок-себялюбец. Ты – в предатели меня, нож в спину... А ты, Натка... Ты и совсем меня – даже предателем не могу, жалкий трус, тряпка! До доньшка... Но почему у вас доньшки разные? Не накладываются! Кто прав? Кому из вас верить?.. Лгали! Все лгали! Зачем?! Что я вам плохого сделал? Тебе! Тебе, Натка!.. Да просто так, воспользовались случаем – можно оболгать. И с радостью, и с радостью!.. Вот вы какие! Не знал... Раскрылись... Всех теперь, всех вас увидел! Насквозь!.. (...) Как раньше любил, так теперь ненавижу! И лицо твое, и тело твое, которое ты мне...

– За-мол-чи!!!

– Злись! Злись. Кричи. (В. Тендряков. Ночь после выпуска).

Точка В – эксплицитное объяснение в любви:

(2) *Аркадий обратился к Кате. Она сидела в том же положении, только еще ниже опустила голову.*

– Катерина Сергеевна, – проговорил он дрожащим голосом и стиснув руки, – я люблю вас навек и безвозвратно, и никого не люблю, кроме вас. Я хотел вам это сказать, узнать ваше мнение и просить вашей руки, потому что я и не богат и чувствую, что готов на все жертвы... Вы не отвечаете? Вы мне не верите? Вы думаете, что я говорю легкомысленно? Но вспомните эти последние дни! Неужели вы давно не убедились, что всё другое – поймите меня! – всё, всё другое давно исчезло без следа? Посмотрите на меня, скажите мне одно слово... Я люблю... я люблю вас... поверьте же мне!

Катя взглянула на Аркадия важным и светлым взглядом и, после долгого раздумья, едва улыгнувшись, промолвила:

– Да. (И. Тургенев. Отцы и дети).

Примеры (1) и (2) представляют собой противоположности с точки зрения шкалы А.Р. Балаяна, но тождественны с точки зрения степени косвенности. Это полное улучшение и ухудшение отношений и – одновременно – предельно эксплицитное с о о б щ е н и е об этом. Отсутствуют как смысловые лакуны (при эллипсисе синтаксической структуры, вызванном аффективным фактором), так и содержательная многомерность текста, что выражается в невозможности косвенных речевых актов. Референтная ситуация принципиально тождественна коммуникативной ситуации, а именно: динамике отношений. Все это приводит к тому, что фатическое начало как таковое в приведенных разговорах несколько ослаблено, оно конкурирует с информативным началом.

В ФРЖ, для которых характерна меньшая степень улучшения / ухудшения отношений (отрезки ОА и ОВ), это улучшение / ухудшение отношений осуществляется менее эксплицитно, т.е. выше их степень косвенности (см. далее примеры 14 и 17).

Верхнюю часть графика (отрезки ОС и ОД) составляют ФРЖ, улучшающие / ухудшающие отношения конвенциональным образом в скрытой, косвенной форме: например, при *флирте* (ОД) стремление к большей близости обязательно сопровождается большей заботой о форме речи, что необходимо при невозможности называть истинное положение дел. Максимальному сближению должна соответствовать максимальная косвенность (точка D):

(3) – Вообще что жизнь? – громко заговорил он. – Все кончится – и все! – Он глядел на женщину – ждал, что она поймет его. – Ну, сделаем мы какое-то свое дело, то есть будем стараться!.. – Художник досадливо поморщился – слова были глупые, мелкие. – Черт возьми!.. Ты понимаешь? Ну, сделаем – ну и что? А всю жизнь будем себя за горло держать! Такие уж... невозможно хорошие мы, такие уж... А посмотри – лес, степь, небо... Все истомилось! Красотища! Любить надо, и все! Любить, и все! Все остальное – муть. – Он как будто спорил с кем, доказывал – говорил запальчиво, взмахивал рукой... И смотрел на женщину. Ждал.

Она внимательно слушала. Она хотела понять. Мужчина тронул ее за руку.

– Ну, что смотришь? Не понимаешь меня? – Положил руку на ее мягкое плечо, хотел привлечь к себе. (В. Шукшин. Кукушкины слезки).

Максимальная же косвенность должна соответствовать и максимальному разрыву (точка С). Средствами осуществления этого ФРЖ часто выступают, например, широко известные фразеологические выражения "Сделай так, чтобы я тебя долго искал" и под.²:

(4) Ловлю косые взгляды Дениски, стоящего в дверях, не говоря уже об ушедшем на лестницу курить зяте Владимире и его жене Оксане, которая приходит тут же на кухню, прекрасно зная мою боль, и прямо при Тиме говорит (а сама прекрасно выглядит), говорит:

– А что, тетя Аня (это я), ходит к вам Алена? Тимочка, твоя мама тебя навещает?

– Что ты, Дунечка (это у нее детское прозвище), Дуняша, разве я тебе не говорила. Алена болеет, у нее постоянно грудница.

– Грудница??? – (И чуть было не типа того, что от кого ж это у нее грудница, от чьего такого молока?)

И я быстро, прихватив несколько еще сухарей, хорошие сливочные сухари, веду вон из кухни Тиму смотреть телевизор в большую комнату, идем-идем, скоро "Спокойной ночи", хотя по меньшей мере осталось полчаса до этого.

² Ср. выражения, записанные Е.Н. Гуц в речи подростков Омска: "...Закрой борщехлеб и не греми крышкой, а то схлопочешь!"; "Закрой свой ржавый патефон, а то крышку захлопну, до конца жизни немым, ходить будешь!"; "Засохни, сегодня твой профессиональный праздник – ты в пролете"; "Чеши пузо, канистра, паяльной лампой" и т.д. [Гуц 1997: 134–135].

Но она идет за нами и говорит, что можно заявить на работу Алены, что мать бросила ребенка на произвол судьбы. (...) Наконец-то она спрашивает, это, что ли, от того, о котором Алена когда-то ей рассказывала по телефону, что не знала, что так бывает и что так не бывает, и она плачет, проснется и плачет от счастья? От того? Когда Алена просила займы на кооператив, но у нас не было, мы меняли машину и ремонт на даче? От этого? Да? Я отвечаю, что не в курсе.

Все эти вопросы задаются с целью, чтобы мы больше к ним не ходили. (Л. Петрушевская. Время ночь).

В соответствии с предлагаемой моделью типологизации фатими выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ³:

1) праздноречевые жанры, или *small talk*: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, а **сохраняются**, степень косвенности – приблизительно 1/2 (точка О). Здесь следует отметить, что *small talk* может быть средством и небольшого улучшения отношений, охватывая отрезки ОВ и ОД вблизи точки О. Эти ФРЖ наиболее широко описаны в лингвистической и этнолингвистической литературе, литературе по речевому этикету и т.д. (см. [Дементьев 1997: 117]).

2) ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры (отрезок ОА).

3) ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди / проповеди и т.п. (отрезок ОВ). ФРЖ ОА и ОВ относительно хорошо изучены (см. [Дементьев 1997: 117]), в отличие от следующих двух групп жанров, которые мы предлагаем рассмотреть подробнее.

4) ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме – например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок ОС). Сюда относятся некоторые разновидности *иронии*, *издевка*, *розыгрыши*, например:

(5) – Дурачок... я же с тобой беседую. Чего ты осердился-то? Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни. Гляди!.. обиделся. Любишь, что ли?

С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху – вскролит вверх и оттуда разговаривает... расспрашивает с каким-то особым гадким интересом именно то, что задело за большое собеседника.

– А у тебя ничего объект. Где ты ее нашел-то? Глаза только... Что у ей с глазами-то? У ней не эта?.. болезнь такая с глазами есть... Чего она такая пучеглазая-то? (В. Шукшин. Вечно недовольный Яковлев).

Некоторые исследователи, например, К.Ф. Седов, выделяют особый жанр – *колкость*, представляющую собой как бы комплимент со знаком минус:

³ Наверное, нет необходимости добавлять, что предлагаемая схема, а также выделяемые типы речевых жанров не претендуют на звание окончательных и оптимальных. В современном жанроведении, кстати, еще далеко до полной ясности в вопросе о том, что считать, а что не считать РЖ (обсуждение данного вопроса см. в: [Гольдин 1997; Федосюк 1997а; 1997б]). Мы понимаем жанр очень широко (в отличие, например, от М.Ю. Федосюка): нам думается, что жанром является и комплимент, и угроза, и похвальба. Каждый носитель языка без труда может представить себе ситуацию, когда один собеседник хвалится, а другой завидует или хвалится сам, когда один произносит комплимент, а другой с удовольствием его принимает, когда один угрожает, а другой по этой причине уступает. Нисколько не менее естественной является ситуация флирта и произнесения косвенных комплиментов. Это типические ситуации общения, а значит речевые жанры, понимаемые не как модели инвариантно-вариантного типа, по которым строит свои речевые действия один говорящий, а как внутренняя форма коммуникативного события, жанры "языкового существования". Понимание жанров по М.М. Бахтину как относительно устойчивых в тематическом, композиционном и стилистическом планах высказываний, а высказываний – как единств, образуемых слиянием "своего" и "чужого" голосов, а также вербального и невербального контекста ситуации речевого общения, наиболее точно соответствует данному случаю.

(6) Встречаются две тридцатилетние женщины, давно не видевшие друг друга:

– Ну, как я выгляжу?

– Выглядишь эффектно, но лет на сорок! [Седов 1998: 14–15].

В последнее время предпринимаются попытки сопоставительного анализа языковых средств выражения *насмешки*, *косвенной ссоры* и т.д. [Карасик 1992: 104; Дементьев 1995].

Жанры этой группы, вообще, наименее изучены, обычно их рассматривали как (прямую) ссору или флирт, противопоставляя лишь группе ОВ.

Разграничению прямой и косвенной ссоры как разных ФРЖ в целом препятствует нерешенность в современной прагмалингвистике вопроса, считать ли оскорбление **прямым** институциональным речевым актом, ухудшающим отношения (как известно, этот вопрос восходит к противопоставлению так называемых перформативной и прагматической гипотез [Dijk van 1972: 375]; ср. [Жельвис 1997]). Данный вопрос еще ждет своего решения; отметим лишь, что разница между прямым оскорблением (*Ты – идиот*) и косвенным оскорблением (*Телесериалы смотрят одни идиоты*) достаточно очевидна.

5) ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: *шутка*, *флирт* (отрезок ОД), например:

(7) – Ну и трепач ты! – весело сказала Настя, глядя в глаза Пашке.

Пашка ухом не повел.

– Откуда ты такой?

– Из Москвы, – небрежно бросил Пашка.

– Все у вас там такие?

– Какие?

– Такие... воображалы.

– Ваша серость меня удивляет, – сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в колодезную глубину темных загадочных глаз Насти.

Настя тихонько засмеялась. (В. Шукшин. Классный водитель).

Пример из разговорной речи (девушки Б и В по сути кокетничают с юношей А, постоянно довольно грубо по форме перебивая его рассказ и тем самым привлекая внимание к себе):

(8) Б. – Слушай / что такое герменевтика / ты ведь что-то говорил?

А. – Герменевтика? Смотри в каком плане // герменевтику в традиционном плане / герменевтику средневековую или герменевтику современную / философскую?

Б. – Давай современную!

А. Нет / но современную не понять / если не пойти

В. – (СО СМЕХОМ) Давай с начала //

А. – Античная герменевтика / это

Б. – Ты рассказывай / как эта Зуева / знаешь / тетенька из сказки / открывает окошечко / садится и говорит / (а расскажу я вам...) Давай (СМЕХ)

А. – А может ты сама расскажешь? (СО СМЕХОМ)

Б. Нет //

А. – Это искусство истолкования произведения какого-нибудь // а в средневековой традиции в основном герменевтика / она функционировала на уровне толкования Священного писания / то есть адекватного понимания // а начиная где-то с 19-го / особенно с 20-го века герменевтика / она приобрела уже философский статус // это...

Б. – Что она приобрела? (СО СМЕХОМ)

А. – Философский статус // вот Гадамер определяет так / герменевтика это...

Б. – (ПЕРЕБИВАЕТ) Кто определяет?

А. – Гадамер //

Б. – А это кто?

А. – Ну я уже говорил // самый крутой герменевтик // он определяет это как искусство понимания // основная проблематика у них идет это

Б. – (ПЕРЕБИВАЕТ) Наука о счастье //

А. – Они вообще пытаются протолкнуть

Б. – Счастье / когда тебя понимают // герменевтика / наука о счастье // [ЖР: 163–164].

Основное содержание флирта – это косвенный комплимент и косвенное предложение, скрытое выражение симпатии, влечения к партнеру при фамильярности или даже грубости на поверхностном уровне. Ср. определение "глубинной структуры" флирта А. Вежбицкой:

"говорю: я хочу, чтобы ты себе представил(а), что я говорю Х.

думаю, что ты понимаешь, что, может быть, я этого совсем не думаю.

говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицу противоположного пола" [Вежбицка 1997: 108].

ФРЖ ОД практически не исследовались в данном аспекте, хотя в современной лингвистике существуют отдельные разработки, касающиеся отличий ФРЖ ОВ (прямые комплименты, или унисон) и ОД (многозначительные, косвенные комплименты во флирте). Некоторые исследователи рассматривают специфику комплимента мужчины женщине (например, противопоставление в испанском языке комплиментов *kumplido* и *piropo* – последний является специфическим средством ухаживания за женщиной и отличается меньшей стандартизацией и наличием "имплицитно выраженного сексуального содержания" [Зверева 1995: 9]). Т. Баллмер и В. Бреннштуйль выделяют среди английских глаголов, обозначающих речевые действия, особую группу *Erotically: charm* 'очаровывать, пленять'; *flirt* 'флиртовать, кокетничать, ухаживать, заигрывать'; *pay compliments* 'говорить комплименты кому-либо'; *say sweet nothings* 'говорить кому-либо милые пустяки'; *tease* 1. 'попытка раздражить'; 2. 'поддразнивать, недоедать, приставать, домогаться, выпрашивать' [Ballmer, Brennenstuhl 1981: 131].

Косвенные комплименты, вообще, относятся к наиболее распространенным речевым жанрам. В связи с этим позволим себе несколько уточнить одно положение современной русистики.

«В современном российском обществе, – пишут М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, – стереотипной женской реакцией на комплимент является не благодарность, а отрицание, извинение, объяснение причин, т.е. отход от жанра комплимента в традиционном, "светском" его понимании. Ср.: *Садись девушка // Красивая! Н. Да уж очень / да-а ну конечно // С немойтой башкой!//*» [Китайгородская, Розанова 1995: 72]. М.Ю. Федосюк соглашается с М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой и добавляет, что и сама положительно оценочная реплика в подобных ситуациях скорее всего воспринимается адресатом как высказывание, выполняющее не фатическую, а информативную функцию, т.е. как похвала, а не комплимент. Е. – *У тебя такая челка! С. – Какая челка? Худенькая!// Е. – Нет! большая!// С. – Очень худенькая!// у меня! смотри! вот так! голова светится!// Е. – Да где светится // Ничего не светится //* [Федосюк 1997б: 77; ЖР: 52].

По нашему мнению, положения М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой и М.Ю. Федосюка во многом верны (и это соответствует неприоритетности прямой эксплицитной фатки в современном российском социуме в целом – см. ниже), но нуждаются в одном уточнении: не принимаются, вызывают в ответ оправдание только **прямые** комплименты. Так, дальнейшее рассмотрение диалога, пример из которого приводит М.Ю. Федосюк, показывает, что **косвенные** комплименты информанткой (С) принимаются:

(9) Е. – *Ой/Светка! это ты тетрадок столько исписала за три года //*

С. – *Какие?*

Е. – *Вот тут лежат!//*

С. – *Это только за этот год!//*

Е. – *Да?*

С. – Ну нет! здесь еще по латыни! и по греческому! ой! мне сон такой приснился! я тебе потом расскажу!!

Е. – Ладно! потом расскажи! а там было только то! что ты мне по телефону рассказывала! или еще что-то более интересное!!

С. – Ой! там вообще!!

Е. – Опять фильм ужасов!!

С. – Ну не фильм ужасов! но мы были в пионерском лагере! потом в трамвае ездили

Е. – Ну ладно! ты потом расскажешь. Ой! какая балалайка! трень-брень !!

С. – У меня все ею так восторгаются !! [ЖР: 53].

Таким образом, типология ФРЖ, основанная на степени косвенности, выявляет общую природу таких, казалось бы, различных явлений, как *флирт* и *ирония*: если в первом случае грубость, фамильярность на поверхностном уровне соотносится с выражением симпатии на глубинном уровне, то во втором случае соблюдение норм вежливости и правил этикета на поверхностном уровне соотносится с оскорблением на глубинном уровне. Механизм антифразиса, лежащий в основе обоих коммуникативных феноменов, можно понимать как особые отношения центральной симметрии (центр в точке О на графике) антонимичных фатических речевых жанров: ОА – ОД и ОВ – ОС. Связь пар ОА – ОД и ОВ – ОС обусловлена самой сущностью явления косвенности (заключающейся в несовпадении интенционала и эксплицируемого содержания): антонимичные отношения наиболее выражают это несовпадение. Отметим появление ряда работ, в которых *шутка*, *анекдот*, *ирония* рассматриваются в категориях антифразиса, косвенности и под. [Варзони 1994; Карасик 1997; Щурина 1997].

Преимущественно косвенный характер ФРЖ обуславливает ряд других динамических переходов в фатическом общении, например, переход ОС (косвенная конфликтная фатика) → ОА (прямая конфликтная фатика):

(10) Г. – Илюш! ну принеси водички пожалста

Б. – Еще чо не хватало!

Г. – (СМЕЕТСЯ)

А. – (ЗЕВАЕТ)

Г. – Ну что с него взять (РУКОЙ УКАЗЫВАЕТ НА Б.)! Илюш! ну что с тебя взять! наглость какая! ну принеси! пожалуйста!

А. – Тебя же не за пивом посылают!

Г. – Илюш! скажи "четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж!"

Б. – (ПОВТОРЯЕТ)

Г. – "Чрезвычайно чисто!"

А. – А скажи "на дворе трава на траве дрова!"

Б. – (ПОВТОРЯЕТ, НО ПУТАЕТСЯ)

А. – Как-как?

Б. – Я не понял чо ты сказал!

А. – На дворе трава! на траве дрова!

Г. – На дровах топор!

А. – А чо не можешь? Ну Клара у Карла... Илюш! скажи "Клара у Карла украла кораллы. Карл у Клары украл кларнет!"

Б. – (ПОВТОРЯЕТ, НО ЗАПИНАЕТСЯ) (ОБЩИЙ СМЕХ) ну и чо ведь все правильно! мысль-то сказал!

А. – Ну конечно (ВСЕ СМЕЮТСЯ)

Б. – Только чуть-чуть произношение...

Г. – Произношение хромает безусловно!

А. – Илюш! так можно и на английском тоже рассказывать (МАНЕРНО ИМИТИРУЕТ АНГЛИЙСКУЮ РЕЧЬ) (...)

Г. – Илюш! ну скажи три слова!

Б. – (ОБИЖАЕТСЯ) Да не буду я ничего говорить!

Г. – Ну скажи "протокол про протокол протоколом запротоколировали"! ну скажи!

Б. – **Уберите магнитофон.**

Г. – Да уже выключили давно!

Б. – Ну конечно чо я не знаю что ли [ЖР: 155–156].

Это пример насмешки (правда, добродушной), вызвавшей эксплицитное противодействие. Примеры менее мирных трансформаций **ОС** → **ОА**:

(11) Жена. – Ой, что-то я сегодня себя так плохо чувствую...

Муж (иронически) – Бедняга! Ложись и сделай бай-бай.

Жена. – **Скотина! Это ты целыми днями дрыхнешь, а я на всю семью вкалываю!**

[Седов 1998: 13];

(12) – Чего смеешься?.. Не надо... Тебе не личит – зубы кривые.

– А ведь когда-то не замечал...

– Замечал, почему не замечал, только... Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гниальцой...

– Вот змей-то!... Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник! (В. Шукшин. Билетик на второй сеанс).

Противоположной трансформацией является трансформация **ОА** → **ОС** (чаще всего такой переход используют для увеличения силы удара по противнику):

(13) – М-да-а... Тьфу! Не нужна мне твоя баня, гори она синим огнем! – Иван поднялся. – Я только хочу тебе сказать, куркуль: вырастут твои дети, они тебе спасибо не скажут. Я проживу в бедности, но своих детей выучу, выведу в люди... Понял?

"Куркуль" не пошевелился, только кивнул головой, как бы давая понять, что он понял, принял, так сказать, к сведению.

– **Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды.**

– Как это?

– Морковка у меня в огороде хорошая – ему глянется... (В. Шукшин. Хозяин бани и огорода).

В заключении данного раздела выскажем предположение о месте ФРЖ в системе речевых жанров в целом. Для установления взаимных отношений фатических и информативных речевых жанров примем за границу фатики и информатики условную линию, образуемую на графике шкалой А.Р. Балаяна. РЖ, находящиеся в точках А и В (прямые *признание* и *разрыв отношений* – см. примеры 1 и 2), являются в равной степени фатическими и информативными (а следовательно, в каком-то смысле "наименее фатическими"). Вообще, нижняя часть типологии ФРЖ сливается с (мета-)диалогом об отношениях коммуникантов (т.е. по преимуществу информативным) и оказывается имеющей лишь к о с в е н н о е отношение к основной коммуникативной цели (удовлетворение потребности в общении).

С ФРЖ в точках А и В смыкаются (при максимальном личностном начале) личностно релевантные информативные жанры (гармоничные – *свадьба, представление, соглашение* – и дисгармоничные – *выговор, ультиматум, объявление войны*). Данные жанры являются по отношению к своей основной коммуникативной цели (информативной) косвенными: косвенные средства используются для того, чтобы смягчить тон, подчеркнуть доброжелательное отношение к собеседнику, избежать конфликтных ситуаций (либо, наоборот, создать иронический эффект)⁴. Косвенность этих информа-

⁴ Кстати, именно так определял цель косвенных речевых актов Дж. Серль [Серль 1986: 201]. Косвенность вообще рассматривалась преимущественно в информативной речи. По-видимому, существующее определение косвенности должно быть подвергнуто коррекции при анализе фатической речи. Однако данная проблема требует самостоятельного исследования.

тивных жанров заключается именно в экспликации личностного начала и, как следствие, в переводе части (информативной) имплицатуры в имплицитный план.

К личностно нейтральным информативным РЖ ("собственно информатика") относятся (личностно нейтральные) *вопросы и ответы, дискуссии, (прямые) просьбы и обещания.*

После того, как мы описали основные принципы типологии фатических речевых жанров, предлагаем рассмотреть несколько аспектов еще одной проблемы, непосредственно связанной с ФРЖ – проблемы первичных и вторичных ФРЖ.

2. ПРОБЛЕМА ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ ФАТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Одной из самых сложных проблем теории речевых жанров является проблема первичных и вторичных речевых жанров, о которой говорил еще М.М. Бахтин [Бахтин 1996: 161]. В современном жанроведении эта проблема решается в трех различных направлениях.

1. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного. Вторичный РЖ отличает от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка. Так, согласно Н.В. Орловой, одним и тем же речевым словом обозначаются *признание в суде и признание в любви; исповедь в церкви, исповедь, адресованная близкому человеку, и исповедь как жанр публицистики* (ср. "Исповедь на заданную тему" Б. Ельцина). В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. *бытовую угрозу и ультиматум, просьбу и ходатайство*, речевые действия, выражаемые глаголами *порицать и ругать*. "Очевидно, – пишет Н.В. Орлова, – что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного (в РР) и вторичного (в книжных стилях) жанров М.М. Бахтина" [Орлова 1997 : 51–52]. Аналогично Ю.В. Щурина считает *шутку*, бытующую в разговорном общении, первичным речевым жанром комического, на базе которого развиваются многочисленные вторичные книжные (*афоризм, бурлеск, велеризм* и т.д.) [Щурина 1997].

В целом же данное направление еще недостаточно разработано. Следует признать, что идея первичных и вторичных РЖ М.М. Бахтина пока не получила должного осмысления в лингвистике. Это связано с объективной сложностью изучения диахронических процессов в фатической речи, как, впрочем, и в речи вообще.

Исследователь, стремящийся получить представление о русской фатике, например, за 100 лет, может использовать лишь три письменных (а потому – принципиально не вполне доброкачественных) источника: 1) художественная литература, 2) масс-медиа, 3) лингвистическая и риторическая литература.

Здесь необходимо сделать одно замечание. Художественная литература, действительно, не может быть адекватным материалом, если в качестве материала привлекать диалоги персонажей – стилизацию разговорной речи⁵. Но литература дает абсолютно адекватный материал для диахронического изучения фатического общения, если как фатическое общение понимать само литературное произведение, то есть **литературное общение.**

На диахронические процессы в литературном общении указывал Д.С. Лихачев в статье о "Литературном этикете". По мнению Д.С. Лихачева, в древнерусской лите-

⁵ Исследователю, изучающему фатику на таком материале, необходимо, на наш взгляд, учитывать положения, высказанные в работах О.Б. Сиротининой о категории разговорности в истории русской художественной речи (например [Сиротинина 1995]).

ратуре, в отличие от литературы нового времени, информативное начало было вторично: читатель и так знал наперед, "чем кончится" произведение. Зато огромное значение имело точное соблюдение ритуала, приобщение читателя к церемонии, т.е. фатическое начало: «Средневековый читатель, читая произведение, как бы участвует в некоей церемонии, включает в себя эту церемонию, присутствует при известном "действии", своеобразном "богослужении"». Писатель средневековья не столько изображает жизнь, сколько преображает и "наряжает" ее, делает ее парадной, праздничной. Писатель – церемониймейстер. Он пользуется своими формулами как знаками, гербами. Он вывешивает флаги, придает жизни парадные формы, руководит "приличиями". Индивидуальные впечатления от литературного произведения не предусмотрены. Литературное произведение рассчитано не на индивидуального, отдельного читателя, хотя произведение не только читается вслух для многих слушателей, но и отдельными читателями» [Лихачев 1979: 93].

В отечественной риторике XIX – начала XX века фатической речи уделялось большое внимание – назовем хотя бы таких известных авторов, как Н. Абрамов, С. Волконский, Н. Кошанский. Например, Н. Абрамов писал: «разговор... есть род меновой торговли: мы даем одно и получаем за это другое, по возможности равноценное. Если из двух собеседников только один дает, а другой все получает или отделяется незначительными ценностями вроде "да" и "нет", то беседа гаснет, не будучи поддерживаема, а если не гаснет, то получается не беседа, а преподавание или допрос» [Абрамов 1902: 10]. Опираясь на положения, высказанные в этих работах, Т.Г. Винокур выделяет ряд "вечных" черт фатической речи: диалогическая форма, тематическая свобода (тема не столь важна, как ее обработка), столкновение полярных тематически-стилевых фрагментов, отражающее непереносное соединение этикетных и содержательных участков беседы; разговорность стиля [Винокур 1993а: 144–145; 1993б: 11–12].

Классическая художественная литература напоминает нам, что существовало специфическое наслаждение от русской фатики:

(14) – *Чего ты глядишь с удивлением? Отвечай: мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и Дмитрие? О заранице? О роковом положении России? Об императоре Наполеоне? Так ли, для этого ли?*

– *Нет, не для этого.*

– *Сам понимаешь, значит, для чего. Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота. Вся молодая Россия только лишь о вековых вопросах теперь и толкует. Именно теперь, как старики все полезли вдруг практическими вопросами заниматься. Ты из-за чего все три месяца глядел на меня в ожидании? Чтобы допросить меня: "Како веруеши, али вовсе не веруеши" – вот ведь к чему сводились ваши трехмесячные взгляды, Алексей Федорович, ведь так?*

– *Пожалуй, что и так, – улыбнулся Алеша. – Ты ведь не смеешься теперь надо мною, брат?*

– *Я-то смеюсь? Не захочу я огорчить моего братишку, который три месяца глядел на меня в таком ожидании. Алеша, взгляни прямо: я ведь и сам точь-в-точь такой же маленький мальчик, как и ты, разве только вот не послушник. Ведь русские мальчики как до сих пор орудут? Иные то есть? Вот, например, здешний воюющий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековых вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так? (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).*

Сравнение систем средств фатического общения в России XIX века и России конца XX века – дело будущего. Позволим себе, однако, высказать несколько соображений на эту тему. Многие ФРЖ в современном русском обществе подвергаются трансформации в сторону неестественного повышения косвенности. Например, *флирт* и *розыгрыши* косвенны естественным образом (см. выше), но *small talk*, вообще фатическая интенция отнюдь не предполагают дополнительной заботы о сокрытии цели общения. Действительность же такова, что косвенных средств требуют те фатические речевые жанры, для которых косвенные средства несвойственны. Стремление к вступлению в контакт, к получению удовлетворения от общения в речи людей прикрывается требованиями службы, бизнеса или иной необходимостью, потому что общение ради самого общения социально непрестижно. Многочисленные пособия по речевому этикету, правилам хорошего тона, светскому общению, флирту и т.д. ориентируют читателя на функциональность даже в фатических жанрах. Ср., например, названия пособий: "Как выйти замуж", "Как соблазнить девушку", "Как очаровать мужчину", "100 способов понравиться". В целом эти пособия оставляют довольно удручающее впечатление какой-то односторонности, тривиальности, например, "рекомендации психотерапевта Игоря Вагина" в газете "Аргументы и факты".

"С самого начала знакомства нужно вести себя с женщиной, как с ребенком".

"Произносите имя собеседницы так, будто она ваша дочь..."

"...слабый пол любит слушать рассказы об участии в военных действиях, драках, рискованных путешествиях и прочих авантюрах. Увы, женщины готовы терпеть хвастовство и блеф, лишь бы не было скучновато" (Д. Писаренко. Как соблазнить девушку? АиФ. 1996. № 35). Автор (который выступает как "психотерапевт", то есть авторитетно), с одной стороны, подменяет фатическое начало флирта функциональным, с другой стороны, ориентирует читателей на самый низкий уровень речевой культуры.

Тенденцией, противоположной названной, стало появление нескольких новых сфер фатического общения. Приведем без комментирования два примера – один взят из рубрики "Послания" газеты бесплатных объявлений, другой – из сети Internet. Мы полагаем, что данные тексты представляют собой вторичные РЖ, складывающиеся или уже сложившиеся на базе различных разновидностей рассмотренных ФРЖ.

(15) *Жители домов 5 и ба пр. Строителей! Неужели вы не слышали музыки 29 июля в 22 часа? Никто не вышел на балкон послушать, а я включила ее специально для вас на полную громкость, поставив колонку к окну. Я хотела сделать вам приятное. Это самая большая публичная акция, на которую я способна. Инкогнито.*

(16) *Inna B. Mezdnikova wrote:*

> А не слишком ли много ты на себя берешь "человек"?

> Лучшие вынеси на обсуждение свою "персону", я думаю много чего узнаешь!

> Инининининичка, свою "персону" я вынесу только после твоей (вынесенной ногами вперед) ... Птичка, не обижайся. Одевайся круто, выгляди ОК, танцуй хип-хоп, живи веселей!!!

2. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). М.Ю. Федосюк выделяет "элементарные" и "комплексные" жанры [Федосюк 1997: 104], Ст. Гайда и А.Г. Баранов – "простые" и "сложные" [Gajda 1991: 73–74; Баранов 1997: 8].

Это направление относительно хорошо разработано, однако в целом проблема структуры РЖ еще далеко не решена (см. [Дементьев 1997: 112]).

Как нам представляется, типология ФРЖ позволяет выявить – хотя бы предварительно – набор обязательных и факультативных структурных элементов отдельного ФРЖ (речевых актов), а также некоторые "предписания" относительно их последовательности, "задаваемые" местом ФРЖ на графике. Прежде всего это касается соотношения прямых и косвенных речевых актов.

Если представить себе, что речевой жанр – это поле (ср.: [Федосюк 1997: 108–111]), центр его составляют единицы, наиболее явно (то есть прямо) выражающие по-леобразующую содержательную категорию. Если же считать полем область фатички в целом, то центр этого поля составляют (это демонстрирует график) ФРЖ small talk (хотя, возможно, правильнее было бы говорить о поле small talk, поле отрезка ОА, отрезка ОВ и т.д.). В действительности, однако, все обстоит сложнее: точка О на графике – это степень косвенности "одна вторая", или, иначе говоря, около половины средств, используемых в small talk, должны быть косвенными. Анализ показывает, что в полном смысле прямые, т.е. перформативные высказывания в small talk невозможны. Прямые высказывания типа *заходи, поболтаем* с неизбежностью оторваны от актуальной ситуации общения (ср. невозможность **начинаем болтать*). Зато большинство РА выражают косвенное значение желания вступить в контакт и желания поддержать добрые отношения. Если говорить о факультативных РА, то их корпус представляет собой огромный конгломерат, не поддающийся исчислению.

Такой ФРЖ, как *разговор по душам* (отрезок ОВ), в гораздо большей степени предполагает использование прямых средств. Обычно конструктивен для ФРЖ прямой РА типа "поговорим по душам" (однако иногда он производит эффект "иллокутивного самоубийства"). С другой стороны, в *разговоре по душам* гораздо больше косвенных РА, чем, например, в *объяснении*. Даже такие РА, как выражение сочувствия, совет, обычно имеют косвенные фатические имплицатуры, правда (в отличие, например, от *флирта*) эти косвенные имплицатуры редко бывают сильнее, чем прямые. Одной из постоянных имплицатур в *разговоре по душам* является косвенное предложение совместной эмоциональной медитации в обстановке психологического комфорта, доброжелательности и взаимопонимания:

- (17) – *Хорошо, что ты пришел.*
– *Что с тобой, ты можешь мне сказать?*
– *Да. Мне надо, чтоб ты мне многое объяснил.*
– *Что я тебе могу объяснить?*
– *Все. Я никому так не верю, как тебе. Понимаешь, мне надо с тобой посоветоваться.*
М. сейчас очень... (ПАУЗА).
– *Ты что-то хотел сказать?*
– *Да, понимаешь, бывают моменты... Прямо голова раскалывается!..*
– *Ну, говори, я тебя слушаю.*
– *Вот у вас все было по-другому, понимаешь, все было по-другому.*
– *У всех бывает по-другому, это совершенно естественно, странный ты человек!*
– *Да нет, ты знал... что тебе нужно делать, знал. Ты знал, что надо стрелять, допустим, бежать вперед с криком "ура!", не трусить...*
– *Ты думаешь... что бежать вперед и стрелять, ты думаешь, этого мало?*
– *Нет, ну, просто я сам все это могу, понимаешь, сам. Ну, если жизнь, понимаешь, нормальная жизнь, как... ну, чего там, в общем, я не хочу говорить про нее все эти высокие слова, но бывает момент, когда... Один на один с собой, своей... совестью. Тогда...*
– *Покурим?*
– *Да, Ну, я не знаю, как тебе объяснить. Понимаешь, не все... (М. Хуциев, Г. Шпаликов. Застава Ильича).*

Помимо буквального значения пропозиций (сын просит совета у своего погибшего на войне отца и не получает его), в свое время вызвавшего гнев Н. Хрущева, в разговоре присутствует гораздо более сильный фатический смысл ("я хочу быть с тобой!"), Хрущевым не замеченный.

Понятие **динамической структуры** речевого жанра, как известно, впервые встречается у Т. Баллмера и В. Бренненштуль, предлагающих структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов [Ballmer, Brennenstuhl

1981]. Согласно Баллмеру и Бренненштуль, взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме "порождение – нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ". Очевидно, что наиболее релевантными для РЖ являются речевые акты начала коммуникации и начала спада напряжения, изменяющие направление и напряжение коммуникации. Назовем их по аналогии с механикой векторами-ускорителями. Несколько примеров векторов-ускорений:

ССОРА: (18) – Ну и дура ты! – не выдержал Витька. (В. Шукшин. Племянник главбуха);

SMALL TALK: (19) Соня. На этот раз я первая. Я всегда, когда влюблюсь, лечу как на крыльях. Прибегу, а никого еще нет. Всегда мне достается резать хлеб. Хлеборезка. (Л. Петрушевская. Сырая нога, или встреча друзей);

ФЛИРТ: (20)... Кияшко заглянул в эти глубокие пространства и неожиданно пред-
ложил:

– Давайте встретимся...

– А зачем? – удивилась я. Рукопись он мне отдал, деньги я ему выписала, платный день он знает.

– Встретимся, – со значением повторил Кияшко и посмотрел на меня пристально. Не формально.

Я поняла: он тоже отмотал время, как пленку, но не назад, а вперед и увидел меня в своих объятиях. Я смешалась... (В. Токарева. Здравствуйте).

Аналогично выделяем РА-векторы, направляющие коммуникацию в русле синтагматики РЖ (нарастание и спад), и РА-"инерцию", "заполняющие" РЖ при неизменном напряжении коммуникации.

С динамической точки зрения отдельные ФРЖ противопоставляются друг другу значимостью для них элементов динамической структуры:

ФРЖ small talk (точка О) в основном состоят из инерции и, можно сказать, ею выражаются. Как правило, есть один вектор-ускорение, векторы встречаются чрезвычайно редко. При *объяснении, флирте, прямой и косвенной ссоре* (ФРЖ отрезков ОА, ОВ, ОС и ОД) главное – векторы, они выражают сущность этих ФРЖ и сообщают обычно довольно высокое напряжение коммуникации. *Разговор по душам* занимает промежуточное положение между small talk и *объяснением*: в его структуре много векторов и инерции, но все же, как нам представляется, роль векторов более значительна. Противопоставление "вектор-ориентированных" и "инерция-ориентированных" жанров выявлено экспериментально М.Л. Макаровым (информантам предлагалось дописать три незаконченных типовых бытовых диалога – конфликтного, выраженного кооперативного и типа small talk. Для первого и второго диалогов в результате эксперимента были выявлены когнитивные модели с довольно определенной шаговой структурой; третий дал неимоверную разбросанность реакций) [Макаров 1992: 132–133]. По нашему мнению, схема М.Л. Макарова должна быть дополнена группой вектор-ускорение-ориентированных ФРЖ, в которую входят эксплицитное институциональное соглашение о близости/любви (признание) и эксплицитный институциональный разрыв отношений (ФРЖ точек А и В). Как уже отмечалось, эти жанры вообще занимают особое положение в системе речевых жанров: 1) степень косвенности равна нулю; 2) возможны перформативные высказывания; 3) это в равной мере фатические и информативные жанры.

3. Наконец, третья направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Например, А. Вежбица говорит о "речевом жанре", "речевом акте", "иллокутивном компоненте" [Вежбица 1997: 109]. На иерархию из трех сущностей ("гипержанр / жанровый тип", "жанр", "суб-жанр") опираются Я.Т. Рытникова и К.Ф. Седов [Рытникова 1997; Седов 1998]. А.Г. Баранов предлагает иерархию из пяти моделей: "текстотип", "суб-тип", "жанр", "когнио-тип", "текст" [Баранов 1997].

Уровни абстракции текстовой деятельности отчетливо выделяются в предлагаемой типологии РЖ как **этапы** реализации коммуникативного замысла. Данная проблема, активно разрабатываемая в психолингвистике, к сожалению, долгое время была на периферии жанроведения.

Связывая с этапами реализации коммуникативного замысла основы типологии РЖ, мы развиваем идею порождения речевого жанра М.М. Бахтина (см. [Дементьев 1997: 111]): (1) общая установка на коммуникацию; (2) установка на фатическую или информативную коммуникацию; (3) установка на кооперативное или конфликтное общение (это особенно актуально в случае фатической коммуникации, но часто небезразлично и в случае информативной). Все же прежде всего в фатической коммуникации шкала межличностных отношений является типологическим жанрообразующим признаком – вместе с (4) выбором формы коммуникативных средств, а именно: выбор информативных средств для реализации информативного замысла и фатических средств – для фатического (прямая коммуникация) либо выбор информативных средств для реализации фатического замысла и фатических – для информативного (косвенная коммуникация). Последний, четвертый этап – это этап конкретных речевых жанров: прямых и косвенных, информативных и фатических, кооперативных и конфликтных и т.д.

На уровне жанров два полярных замысла соприкасаются друг с другом через ряд переходных форм.

*

Итак, общая для фатической коммуникации коммуникативная цель варьирует пять типических интенционалов, лежащих в основе пяти разновидностей ФРЖ. Это позволяет говорить о существовании единого **словаря** фатики. Например, можно выделить группу регуляторов коммуникативных отношений, выражающихся устойчивыми речевыми формулами. Связь языковых единиц в данных формулах основана на одной из пяти возможных фатических модальностей, при этом регуляторы очень разнородны, структурно, территориально и социально изменчивы. Одни из них имеют более отчетливый фразеологический характер и фиксируются словарями как фразеологизмы (*Держи карман шире! Знай свое место!*), другие не фиксируются (*Я тебе это запомню! Иди гуляй! / Иди в баню*), одни отмечены в словарях как стилистически маркированные (н и з к. *Какого черта? Пропади ты пропадом!*, в ы с о к. *Честь имею, С позволения сказать, т е р р и т . - д и а л. Не балуй! Брось заливать!*), другие – не отмечены. Регулятивы "отрицательного", инвективного характера – как бы обратная сторона речевого этикета, так как положительные регулятивы, как правило, и есть этикетные формулы. Нам думается, что интересно было бы составить единый словарь, в котором данные регулятивы рассматривались вместе с формулами речевого этикета, сигналами речевого контакта и обращениями-регулятивами в составе общего поля фатики.

Вторым не менее важным выводом из сказанного нам представляется тот факт, что косвенность коммуникативных средств как знак принадлежности к фатическим речевым жанрам объединяет поле флирта, поле иронии, поле small talk и т.д. Этот факт делает возможным систематизировать существующие объяснения данного явления (от фрейдовской концепции сублимации и общей антисексуальности европейской культуры, чем обычно объясняется косвенность во флирте, до представления ФРЖ в категориях "игр", где косвенность понимается как следствие нацеленности на выигрыш у партнера и потому скрытого характера трансакций). Определение косвенности, данное Дж. Серлем, на которое мы пытались опираться, трудно назвать оптимальным. Так, ФРЖ ОА и ОВ, наименее косвенные по определению, при ближайшем рассмотрении оказываются не вполне фатическими, а значит н а и б о л е е косвенными по отношению к своей коммуникативной цели. При определении косвенности для фатической речи, возможно, следует исходить из того факта, что ФРЖ small talk являются в каком-то смысле единственной константой во всем поле фатики, будучи

с в о б о д н ы м и от наличия или отсутствия прямых речевых актов. В структуре ФРЖ ОА и ОВ обязательно должны быть прямые РА, в ФРЖ ОС и ОD прямые РА невозможны и, следовательно, эти жанры тоже некоторым образом зависят от них. Дело в том, что семантику флирта, розыгрыша и т.д. все же можно выразить прямыми РА, даже если это "иллокутивное самоубийство". И только в случае small talk в принципе не может быть речи о какой-либо эквивалентности.

С другой стороны, заманчивая идея построить общую типологию фатических и информативных речевых жанров с помощью простого зеркального копирования "андреевского флага" симметрично относительно оси А.Р. Балаяна оказывается заведомо невыполнимой – уже потому, что шкала А.Р. Балаяна релевантна далеко не для всех информативных речевых жанров. Модель также не вполне объясняет те жанры, в природе которых совмещаются фатическое и информативное начала – *упрек, сплетни, иронию*. Семантика данных существительных характеризуется внутренней глубокой неоднородностью, охватывая сложный комплекс разных коммуникативных интенций, ситуаций, тем. В современной теории также не решены вопросы 1) о статусе базовой единицы категории иронии: уровня лексемы (метафоры), высказывания (речевой акт), текста (речевой жанр)? 2) должна ли это быть единица по преимуществу коммуникативная или когнитивная (номинативная)?

Наконец, выделив трансформации ОА → ОС и ОС → ОА, мы не нашли ни одного убедительного примера трансформаций ОВ → ОD и ОD → ОВ.

Тем не менее мы полагаем, что наиболее существенные качества системы фатических речевых жанров получают адекватное представление в категориях предлагаемой модели. Как известно, современная научная парадигма в языкознании имеет в целом функциональный характер. Рассматривается функционирование языка в коллективе говорящих. Это делает особенно актуальным изучение системы средств общения ради самого общения, то есть фатического общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н. 1902 – Дар слова. СПб., 1902.
- Арутюнова Н.Д. 1992 – Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модельность, дейксис. М., 1992.
- Балаян А.Р. 1971 – Основные коммуникативные характеристики диалога. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
- Баранов А.Г. 1997 – Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Бахтин М.М. 1996 – Проблемы речевых жанров. Из архивных записей к работе "Проблема речевых жанров". Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.
- Бенвенист Э. 1974 – Общая лингвистика. М., 1974.
- Вирзонин Ю.Н. 1994 – Коммуникативные акты с установкой на иронию. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
- Вежица А. 1997 – Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Винокур Т.Г. 1993а – Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Винокур Т.Г. 1993б – Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Гавранек Б. 1967 – О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Гольдин В.Е. 1997 – Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Гуц Е.Н. 1997 – К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Дементьев В.В. 1995 – Косвенная ссора в русской и польской речевых культурах // Язык и общество. Саратов, 1995. Вып. 10.
- Дементьев В.В. 1997 – Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // ВЯ. 1997. № 1.

- Докторевич Д.Л.* 1979 – К понятию фатической функции языка (о двух видах фатической речи) // Синтаксическая структура простого предложения. Смоленск, 1979.
- Драздаускене М.-Л.А.* 1970 – Контактуюстанавливающая функция речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Жельвис В.И.* 1997 – Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- ЖР – Живая речь уральского города. Тексты.* Екатеринбург, 1995.
- Зверева Е.В.* 1995 – Коммуникативно-речевая ситуация "Комплимент". Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Карасик В.И.* 1992 – Язык социального статуса. М., 1992.
- Карасик В.И.* 1997 – Анекдот как предмет лингвистического изучения // *Жанры речи.* Саратов, 1997.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* 1995 – Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Лихачев Д.С.* 1979 – Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Микаров М.Л.* 1992 – Выбор шага в диалоге: опыт эксперимента // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992.
- Матвеева Т.В.* 1996 – Тональность разговорного текста: три способа представления // *Stylistyka.* V. Opole, 1996.
- Орлова Н.В.* 1997 – Жанры разговорной речи и их "стилистическая обработка". К вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи.* Саратов, 1997.
- Почецов Г.Г.* 1981 – Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.
- Рытникова Я.Т.* 1997 – Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // *Жанры речи.* Саратов, 1997.
- Седов К.Ф.* 1998 – Анатомия жанров бытового общения // *Вопросы стилистики.* Саратов, 1998. Вып. 27.
- Сепир Э.* 1993 – Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Серль Дж.Р.* 1986 – Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII.
- Сиротинина О.Б.* 1995 – Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // *Stylistyka.* IV. Opole, 1995.
- Федосюк М.Ю.* 1997а – Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *ВЯ.* 1997. № 5.
- Федосюк М.Ю.* 1997б – Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // *Жанры речи.* Саратов, 1997.
- Шмелева Т.В.* 1997 – Модель речевого жанра // *Жанры речи.* Саратов, 1997.
- Шурина Ю.В.* 1997 – Шутка как речевой жанр. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997.
- Якобсон Р.* 1975 – Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.
- Ballmer T., Brennenstuhl W.* 1981 – Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs. Berlin etc., 1981.
- Dijk T.A. van.* 1972 – Some aspects of text grammar: A study in theoretical linguistics and poetics. The Hague, 1972.
- Gajda St.* 1991 – Gatunki wypowiedzi potocznych // *Język potoczny jako przedmiot badań językoznawczych.* Opole, 1991.
- Hymes D.* 1977 – Foundations in sociolinguistics. An ethnographic approach. London, 1977.
- Malinowski B.* 1972 – Phatic communion // *Communication in face-to-face interaction.* Harmondsworth, 1972.
- Pisarkowa K.* 1975 – Składnia rozmowy telefonicznej. Wrocław itd., 1975.

© 1999 г.

М.И. ЧЕРНЫШЕВА, Ю.Н. ФИЛИППОВИЧ

**ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОЕ (ТЕМАТИЧЕСКОЕ) ИССЛЕДОВАНИЕ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОПЫТ
НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ**

I

Исследователю, работающему в области исторической лексикологии и лексикографии, совершенно понятна зависимость первой дисциплины от второй. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что академической исторической лексикологии русского языка до сих пор не существует – ведь исторические словари русского языка все еще до конца не изданы; это же объясняет, почему первый опыт исторической лексикологии русского языка, предпринятый П.Я. Черным, был признан его коллегами неудачным – причина та же: в его время не было «хороших и полных словарей» [Черных 1956: 3].

Ситуация, существовавшая в филологии во второй половине 50-х годов нашего столетия, к счастью, изменилась не просто к лучшему, а изменилась кардинально. Сначала были накоплены огромные запасы подготовительного материала в виде картотек, а затем у нас в стране, да и в славянских странах началась в буквальном смысле слова "эпоха словарей". Издан один словарь старославянского языка [Старосл.сл.] и близится к завершению другой [SJS], издаются два исторических словаря русского языка, концептуально отличающиеся друг от друга: наиболее продвинут в издании Словарь русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ], к сожалению, приостановилось издание другого Словаря [СДРЯ], переизданы знаменитые "Материалы" И.И. Срезневского [Срз.], активно издаются и переиздаются этимологические словари [ЭСФ, ЭССЯ, ИЭСЧ], появились разнообразные словари славянских языков, активно развивается диалектная лексикография¹, существует несколько словарей языка отдельных памятников [Виноградова 1965-1984, Дан. Зат.].

Следует указать также на еще одну существенную черту, имеющую немаловажное значение как для русской исторической лексикографии, так и для русской исторической лексикологии: речь идет об осознании роли словоуказателей при издании древних памятников письменности, что нашло воплощение в реальных публикациях последних десятилетий.

Возродилась дореволюционная традиция работы с переводными памятниками, когда, во-первых, неременным условием издания текста считалось наличие ссылки на издание (или издания) иноязычного оригинала и важнейшие его рукописи, и, во-вторых, столь же естественным считалось обращение к языку оригинала (это

¹ Здесь нет возможности и необходимости перечислять все вышедшие в последние десятилетия диалектные и региональные словари – число их множится. Наиболее значительный среди них – академический Словарь русских народных говоров.

относится и к текстам памятников, и к Указателям источников исторических словарей²).

Уже где-то через 10 лет после начала "эпохи словарей" стали подводить первые итоги [Богатова 1984; 1995], которые показали, с какой сложной материей столкнулись исследователи, если даже в самом начале, до использования письменности, была не простота и единство, а сложность на всех уровнях языка, которая затем усугублялась по нарастающей при соприкосновении с разными языками и культурами.

Одновременно с подготовкой к изданию и изданием исторических словарей лексикографы и исследователи, близко соприкасающиеся с исторической лексикографией русского языка по сфере своих интересов, стали нащупывать пути создания новой исторической лексикологии русского языка. Направление их исследовательских интересов, в основном, совпадало с известной, хотя и не всеми принимаемой, схемой П.Я. Черныха: общеславянский словарный фонд и его развитие в древнерусскую эпоху (здесь выделялись такие лексические группы: **человек/люди, животный мир, неживая природа, труд, материальная и духовная культура**); диалектные явления общеславянской эпохи; общевосточнославянская лексика; лексика древнерусского периода – речь идет о восточнославянских диалектных явлениях и об особенностях функционирования древнерусского литературного языка до принятия христианства и после этого (наиболее показательными для этого периода признавались следующие лексические группы: **общественно-политическая терминология, военная лексика, деньги, меры длины, средства передвижения, время**); общерусская (великорусская) лексика (лексические группы: **бытовая лексика, общественно-политическая лексика, военная лексика, техническая терминология, средства передвижения**) [Черных 1956].

Существует и другая типология древнерусской лексики, основанная на выделении ряда понятий, характерных, по мнению автора, для древнерусского мировоззрения: **свои – чужие, жизнь – свобода, человек – люди, дом – мир, власть – держава** [Колесов 1986].

Вопросы, входящие в сферу «ведения» русской исторической лексикологии необъятны: это и разработка проблем топонимики и ономастики,³ это и анализ семантических изменений и процессов, происходивших в области исторического словообразования⁴, это и описание "иноязычных элементов"⁵ в древнерусском языке и мн.др.

Исследования, так или иначе относящиеся к исторической лексикологии русского языка, весьма разнообразны по жанрам и подходам. Один из самых популярных – лексико-семантический (см., к примеру [Трубачев 1959; 1960; Одинцов 1980; Судаков 1985; Лукина 1990; Трубачев 1987; Романова 1975; Лукина 1990; Звездова

² В качестве примера можно привести такое сравнение. В 1975 году появился первый вариант Указателя источников, изданный вместе с первым выпуском Словаря русского языка XI–XVII вв.; дополнения к нему изданы в 5, 10, 15 и 20 выпусках Словаря. В связи с включением большого числа новых источников для внутренних нужд составителей Словаря был издан новый вариант: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. [Указатель 1984]. Сейчас в отделе исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН готовят новое издание Указателя источников, который, помимо новых источников Словаря, будет включать также ссылки на иноязычные (главным образом, греческие) оригиналы источников. См. также: [Чернышева 1995].

³ К этим вопросам неоднократно обращались в своих трудах О.Н. Трубачев, В.Н. Топоров, Г.П. Смолицкая и мн.др.

⁴ Проблемам исторического словообразования посвящены работы И.С. Улуханова.

⁵ Тюркскими заимствованиями в русском языке много занимается И.Г. Добродомов, греческим заимствованиям посвящены работы В.Ф. Дубровиной (например, [Дубровина 1974]) и одного из авторов данной статьи [Чернышева 1994а, 1994б].

1996] и мн.др.). Популярность этого направления побуждает к продолжению разработки критериев вычленения и аспектов изучения лексических совокупностей (лексических групп) в русском языке XI–XVII вв. [Лекс. групп.].

Наряду с таким, условно говоря, "системным" подходом (подразумевающим анализ слов по типу лексико-семантической группы) параллельно развивались и развиваются другие подходы, когда лексикологическое исследование посвящается словам, объединенным в совокупность либо по хронологическому признаку, либо по принадлежности языку одного уникального или важного по каким-либо признакам памятника письменности [Молдован 1994; Максимович 1996]. Существуют и другие параметры, позволяющие систематизировать лексику [Зализняк 1995 и др.⁶]. Вместе с тем, ряд исследователей предпочитает работать с отдельными словами, интересными своей историей и развитием семантики (история отдельных слов) [Виноградов 1994 и др.⁷].

Когда были отброшены идеологические оговорки и запреты говорить и писать о роли других культур в развитии русской культуры, тогда изменилось отношение к трактовке культурных контактов. Старая истина была как бы заново открыта⁸.

Интересной тенденцией следует считать такой подход, при котором историческая лексикология и лексикография невольно смыкаются друг с другом, хотя в сознании их создателей, по-видимому, побеждает представление о лексикографическом жанре, и потому такого рода жанрово пограничные работы все же именуется «словарями» – эта тенденция заметна в готовящемся к публикации «Историческом словаре современного русского языка» [Бабаева, Журавлев, Макеева 1997].

Несмотря на многочисленные опыты анализа древнерусской и старорусской лексики разными методиками и с разных точек зрения, некоторые существенные моменты, отражающие хронологические и, следовательно, мировоззренческие сдвиги в языке, остаются мало разработанными.

В настоящий момент ощущается острая необходимость нового прочтения и интерпретации древнерусского материала с целью выявления культурных напластований, поскольку в Средние века сформировался сложный симбиоз древних индоевропейских, собственно славянских и христианских представлений. Игнорирование этого факта приводило и приводит к неверному прочтению и неточному пониманию древнерусских текстов и слов как их составляющих.

Для подобного рода анализа мало пригоден (в силу особенностей жанра) самый популярный сейчас способ обработки лексики — лексикографический. Что касается традиционно понимаемого лексикологического анализа, то при всей свободе, выгодно отличающей лексикологический жанр от лексикографического, слабым местом остается по-прежнему, хотя и меньшая, по сравнению со словарями, скованность исследователя, связанная с необходимостью ограничивать объем иллюстративного материала рамками статьи или книги, поэтому читателю предлагаются только те факты, которые укладываются в концепцию исследователя или подтверждают ее — все остальные материалы остаются неизвестными читателю, поэтому каждый новый исследователь волен до бесконечности подбирать (в соответствии

⁶ См. также работы его учеников и оппонентов.

⁷ Такой подход представлен, например, в статьях И.Г. Добродомова [Герменевтика].

⁸ См., к примеру, сборники, подготовленные в отделе исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, показательные для новой тенденции: [Ист.-культ. асп. лексиколог.; Ист.-культ. асп. лексикогр.].

со своим подходом) интересные ему в данный момент факты, оставляя за строкой другие. Элементы субъективизма налицо.

Опираясь на новые технические достижения предлагается совершенно иной подход, который дает возможность не только представить полный лексический материал по выбранному вопросу, что автоматически устраняет субъективизм, но и позволяет решать самые разнообразные исследовательские задачи. Возникла идея создания специального лазерного диска, вмещающего всю лексическую и вспомогательную лексикографическую информацию на определенную лексическую тему.

В центре человеческого мирозерцания, а потому и в центре лексической системы языка стоит **Человек**. Еще в V веке до н.э. Протагор провозгласил человека «мерой всех вещей». Как сразу видно, уже в этом определении присутствует и вторая часть – то, мерой чего является человек, — ее, эту меру, можно называть по-разному, условно говоря, это **Космос**, или иначе — **Окружающий мир**. С самого начала ясно, сколь значительна связь **Человека** и **Космоса**⁹, и этот факт нужно постоянно иметь в виду. В данном случае, в качестве темы исследования была выбрана лексическая тема **Человек**¹⁰. Тема необъятная. Формулируем точнее, ориентируясь на сферу своих интересов, — «**"Человек"** в древнерусских и христианско-византийских памятниках». Сузив тему еще раз, получаем подтему **"облик человека"** (или **"названия частей человеческого тела"**)¹¹. Эту подтему, в свою очередь, можно также разбить на три части **"внешний облик"**, **"внутренний строй"**, **"чувства, душа и разум"**.

Специально оговариваем главное направление своих интересов — древнерусский и христианско-византийский семантические пласты: а) в их самостоятельном, т.е. друг от друга не зависимом (а для древнерусского пласта часто гипотетически определяемом), существовании и б) в состоянии сложного взаимодействия. Мы не просто вновь, после работ Ф. Буслаева [Буслаев 1848] и А. Попова [Попов 1883], пытаемся обратить внимание на вопрос о влиянии христианства на славянские (здесь: на старославянский и древнерусский) языки и их литературу, но настаиваем на необходимости фундаментального описания, с одной стороны, исконно славянских представлений о человеке, а с другой стороны, христианско-византийского пласта.

В силу особенностей мира христианско-византийской теологии, а затем и поэтики [Аверинцев 1977, Лихачев 1979] смысл сказанного/написанного/осмысливаемого зашифровывался в символах, образах, аллегориях, ассоциациях, намеках и т.п., что не позволяло и не позволяет непосвященным проникнуть в скрытый смысл (по Аверинцеву: «мир как загадка и разгадка»). Таким образом, современному человеку для правильного прочтения древнерусских и христианско-

⁹ См. новейшие подходы к этой проблеме [Павленко 1997].

¹⁰ На материале современного русского языка эта тема в настоящий момент интересно разрабатывается Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995], (здесь же библиография вопроса с учетом новейших американских исследований в области эмоций и эмоциональной лексики).

¹¹ П.Я. Черных также выделяет в теме **Человек**, люди подтему **"названия частей человеческого тела"** [Черных 1956: 36-38]. В модном западноевропейском учебном словаре А. Хорнби лексика разделена на семь полей: **животный мир**, **растительный мир**, **наука и техника**, **искусство** (включая религиозные культы), **быт**, **непредметная лексика**, **разное**. Каждое поле делится на тематические группы, причем группа **Человек** (части тела, трудовая деятельность, занятия, ремесла) входит наряду с млекопитающими, птицами, насекомыми, рыбами и т.п. в поле **Животный мир** [Hornby et al.1963]. Еще один подход представлен в монографии Т.В. Бахваловой [Бахвалова 1996].

византийских памятников необходимо специальное знание. Именно это знание исследователю следует получить вместе с постижением сути средневекового мировоззрения, а затем донести до современников — это и есть главная задача разрабатываемой темы **Человек** и предлагаемого ниже экспериментального исследования, посвященного одному слову данной темы, еще уже — подтемы "внешний облик" (в данном случае, выбрано слово *око*).

Исследование призвано продемонстрировать особенности нового подхода. На первом, экспериментальном, диске, будут представлены 7 слов первой подтемы: *глава, голова, лицо, око, глаз, тело, плоть*¹².

Поиск адекватного образца для создания нового типа тематического исследования, задуманного в рамках исторической лексикологии русского языка, привел нас к фундаментальному, насчитывающему десятки тысяч страниц, труду "Богословский (или — Теологический) словарь к Новому Завету" [Kittel 1966–1973]. Хотя это произведение и называется "Словарем", тем не менее оно, со сути, представляет собой классическое лексикологическое исследование, поскольку в нем развернуто представлены: этимология греческого слова и его история — употребление в ветхозаветных контекстах с учетом ближневосточных образных и понятийных коннотаций, употребление и семантика греческого слова в памятниках, предшествовавших возникновению текста Нового Завета, и, наконец, функционирование данного слова в языке Нового Завета. Словарь в зависимости от конкретного решения авторов строится то по алфавитному, то по тематическому принципу (например: *ὄφθαλμός* в одной группе с *ἐπόπτῆς* и *καθώρα*).

Мы предприняли попытку сходным образом провести анализ лексики, описывающей облик человека. С опорой на достижения этимологии проводится реконструкция древних славянских представлений, затем осуществляется анализ контекстов сначала старославянских, а затем многочисленных древнерусских памятников (в качестве базы используется Картотека ДРС) — так с некоторыми оговорками удастся выявить древнерусские представления, на которые накладывается христианско-византийский пласт (определение роли христианской и византийской литературы основано, главным образом, на привлечении литературных контекстов из переводных памятников).

Предлагаемое тематическое исследование носит экспериментальный характер. Трудно определить его жанр, или тип. Порой — в момент описания христианских представлений, когда подключаются внелингвистические параметры, — оно приближается к теологии. Условно данное исследование названо здесь тематическим, хотя оно отвечает всем современным требованиям исторической лексикологии русского языка, тем более что данная разработка тесно связана с историческими словарями и Картотекой ДРС, на базе которой создается Словарь русского языка XI–XVII вв. С тем же успехом предложенный подход можно было бы считать разновидностью лингвистической герменевтики, которая, будучи дисциплиной, занимающейся теорией смысла, предполагает не простое описание языковых фактов, а их истолкование в тесной связи с текстом и, что еще важнее, в тесной связи с языковой средой [Камчатнов 1995: 12–13 et passim].

Под новым типом историко-лексикологического исследования предлагается понимать такой тип исследования, который привлекает в ходе проведения исследования разные филологические и гуманитарные методики с использованием в ходе его создания современной информационной технологии.

¹² Слова приводятся в современном написании.

Данное исследование является логическим продолжением работ, связанных с созданием электронного дубля Картотеки ДРС, о необходимости которого давно говорит Г.А. Богатова.

Известно, что в окончательном виде Словарь¹³ использует только часть картотечного богатства: по некоторым сведениям, это примерно 25 % общего объема картотечных запасов (что касается отдельных крупных слов-понятий, то процент значительно снижается: на слово *свѣтъ* в Словаре русского языка XI–XVII вв. приводится 83 цитаты¹⁴, в то время как в Картотеке находится 1354 карточки-цитаты). По мере продвижения Словаря к концу¹⁵ обработанные для Словаря, "пройденные", картотечные запасы как бы мгновенно теряют свою актуальность, не говоря уже о том, что чернила на карточках выцветают, бумага желтеет, а некоторые карточки от времени рассыпаются. Между тем, дубль Картотеки начат с буквы "С", т.е. он создается либо вместе в написании очередных томов Словаря, либо отстает от Словаря минимум на год. Таким образом, нужно было найти способ актуализации внимания к "пройденному" материалу Картотеки. Это первая предпосылка, предшествовавшая возникновению интереса к новому типу исследования.

Второй предпосылкой можно считать попытку воссоздания исследовательского этапа, проводимого до написания словарной статьи. Предварительный этап, который с неизбежностью проходит каждый лексикограф до начала написания словарной статьи в историческом словаре, и есть собственно лексикологическое исследование, поскольку лексикограф анализирует слово с разных точек зрения, опираясь на разные лингвистические и историко-филологические методики. Это: методика этимологического анализа, когда учитываются сведения, собранные в этимологических словарях; методика сравнительно-исторического анализа, например, в ходе обращения к словарям славянских языков и словарям старославянского языка, методика грамматического анализа; методика семантического анализа; методика культурно-исторического анализа, с помощью которой проводится изучение конкретных реалий, терминологии определенной эпохи, выявляются культурные, религиозные, философские воззрения не только русского средневековья, но и глубже, назад во времени и шире в пространстве, учитывая культурные контакты Руси. Таким образом, ясно, что большая часть Картотечного богатства, вся предварительная научная работа и сопутствующие соображения исследователя остаются невостребованными и потому — неизвестными и, по мере публикации Словаря, забываются и вообще как бы теряют смысл. Конечно, на базе Картотеки пишут отдельные научные работы и диссертации, однако и в этих случаях сопровождающие их публикации используют ничтожную долю Картотечного массива, которая только в этих публикациях и доступна научному миру.

Третьей предпосылкой создания нового типа лексикологической разработки было желание подключить к традиционно-консервативным (в хорошем смысле этого слова) исследованиям по истории русского языка современные информационные технологии, которые позволяют решать сразу несколько задач: 1) хранить в новом "небумажном" виде бумажные фрагменты источников, Картотеки, словарей и другие материалы исследования; 2) макетировать (моделировать) всевозможные связи между составными частями исследования, представляя его единым целым, так что исследователю-пользователю в этой искусственно созданной мини-системе оказываются доступными практически все материалы, включенные в данную тему;

¹³ В данном случае, речь идет о Словаре русского языка XI–XVII вв., который базируется на материалах Картотеки ДРС.

¹⁴ Автор-составитель словарной статьи А.М. Молдован.

¹⁵ В настоящий момент опубликованы один за другим 23 и 22 выпуски Словаря: буквы "Р" и "С".

3) явно представлять систематизированный материал как в интерактивной визуальной форме на экранах дисплеев компьютеров, так и в традиционной бумажной форме; 4) осуществлять запросно-поисковые операции, например, по сочетаемости слов (глагольной, атрибутивной и др.), употребимости в специально оговоренных контекстах и др.; 5) создавать такие лингвистические объекты как конкордансы, глоссарии, указатели, различающиеся по поставленным задачам и др.; 6) предоставлять широкому кругу пользователей полный набор материалов исследования в удобной для ознакомления и дальнейшего применения форме.

На первое место в данном исследовании выдвинуты свидетельства письменных источников — они говорят сами за себя. Основная база — Картоотека ДРС, плюс материалы исторических словарей старославянского и древнерусского языков. Взгляды других исследователей, следуя задуманному плану, отодвигаются в сторону и, практически, не учитываются. Главный критерий — объективность. Его диктует принцип "открытых карт", существо которого состоит в доступности для исследователя в любой момент исходного материала, промежуточных результатов его обработки и самого "сценария" получения вывода.

Вниманию читателя предлагается один из первых опытов Исследования (слово око) тематической разработки «"Человек" в древнерусских и христианско-византийских памятниках» (подтема "внешний облик").

Для статейного варианта Исследования принят ряд условных обозначений. Рядом с номером ящика Картоотеки ДРС (в данном случае, это К 373) и порядковым номером карточки в этом ящике приводится сокращенное название источника в том виде, как этот источник назван в Картоотеке ДРС. Для опознания сокращенных названий источников читатель должен обратиться к Указателю источников [Указатель 1984]. Подчеркивание используется для цитат или отдельных слов из Картоотеки ДРС (с сохранением картоотечного написания, графика при этом упрощается в соответствии с правилами, принятыми в СлРЯ); курсив и разрядка вводятся для указания на семантику слова и для выделения важных в данном исследовании слов, словосочетаний и понятий. Для соотнесения ключевых слов в электронном варианте в каждом конкретном Исследовании применяется цветовая разметка, невозможная в письменном статейном варианте, поэтому здесь присутствуют специальные значки, обрамляющие отсылочное слово, оформленное по правилам современной орфографии, например: [Ср. *ЛИЦО*].

Как показывает ход дальнейшего изложения, материал с трудом членится по разделам, которые, следовательно, достаточно условны, поскольку трудно разделить, например, чисто древнерусские и византийские представления — так тесно они переплелись в ходе соприкосновения и развития, этот момент нужно учитывать в процессе чтения.

ОКО, мн. очи

Свѣтильникъ тѣлоу єсть око.
(Матф. 6,22)

1. Этимологические данные

Для нашего материала наиболее интересно, что общеславянское *oko заключало в себе — помимо главной идеи: выполнения функции органа зрения, — также идею отверстия, что подтверждается на индоевропейском уровне родством, например, с арм. *akn* "глаз, отверстие, дыра" [ЭСФ, III: 128]. Об этом же свидетельствует происхождение слова *окно* (праслав. **okъno*) из *oko* [ЭСФ, III: 128; ИЭСЧ, I: 594].

Этимологические данные указывают также на очень древнюю связь, а порой, идентификацию *ока* с лицом, например, ср. ряд родственных слов в древнегреческом языке: ὄψομαι 'увиджу', ὄμμα 'глаз', εἰς ὄψα 'в лицо' [ЭСФ, III: 128] (об этом явлении на материале древнерусских текстов речь будет вестись особо ниже).

2. Старославянские данные

Уже самые первые евангельские тексты, потом их старославянские переводы, а затем и многочисленные повторения с вариациями в древнерусских памятниках, обыгрывают такое представление об *оке*, при котором оно мыслится как бы окном, допускающим свет в некую темную "неосвещенную форму" (в данном случае речь идет о человеческом теле): свѣтъильникъ тѣлоу естъ око [цит. по Мар.] – ὁ λύχνος τοῦ σώματος ἐστὶν ὁ ὀφθαλμός – (Матф. 6,22) Zogr Mar As Sav Ostr [SJS, 23: 529], [Срз., III: 1091]. [Ср. *ТЕЛО*].

Между тем, сразу можно сделать предположение, что *око* (или *очи*) могло (могли) не только допускать свет внутрь, но и, следуя христианскому мироощущению, испускать его. В соответствии с таким предположением приведенная выше евангельская цитата понимается лучше, тем более что дальше следует: Матф.6,22-23: ἐὰν οὖν ἡ ὀφθαλμός σου ἀπλοῦς, ὅλον τὸ σῶμά σου φωτεινὸν ἔσται· ἐὰν δὲ ὁ ὀφθαλμός σου πονηρὸς ἦ, ὅλον τὸ σῶμά σου σκοτεινὸν ἔσται. εἰ οὖν τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ σκότος ἐστίν, τὸ σκότος πόσον: "Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?" Затем позже будет сделан еще один шаг в понимании того, что же есть "око": для христиан в ряде контекстов *око* идентифицировалось с "умом" или "душой". Подробнее эта ситуация будет разбираться ниже. Исторические словари старославянского и древнерусского языка, не вдаваясь в теологические тонкости, приводят только часть этой важнейшей для нас цитаты: аште ли око твое ажкаво бждеть все тѣло твое тьмно бждеть. [Старосл.сл.: 409].

3. Древнерусские материалы и данные Картотеки ДРС

Интересующее нас евангельское место, которое разбиралось в разделе Старославянские данные, очень употребительно и в древнерусских памятниках. В Словаре русского языка XI–XVII вв. отражено начало цитируемого места (Матф.6,22) из Остр.ев., 61 об. 1057 г. [СлРЯ, 12: 327], хотя в Картотеке ДРС это место повторяется в полном виде или в несколько усеченном варианте несколько раз (ср.: К3730290 – Остр.ев., 61 об. 1057 г., К3730254 – Козма Инд., 95. XVI в. ~ XIV–XV вв., К3730388 – ВМЧ, Апр.22-30, 1104-1105. XVI в. и др.). В "Материалах" И.И. Срезневского приводится реминисценция этой мысли в другом месте евангелия (Матф.20,15): аще око твоє ажкаво кєть. Остр.ев., 269. 1057 г. [Срз., II: 642–643]. Столь высокая цитируемость свидетельствует о важности данной мысли. Ниже мы вернемся к ней при разборе христианских представлений о внутренней связи между *очами* и светом.

О предметах

В Картотеке обнаруживаются примеры (их не так много по сравнению с основным массивом), где *оком* называются предметы или начертания округлой формы, это могло быть: у к р а ш е н и е (например: у того жь образа [вел.-муч. Екатерины] ... 2 креста серебряные, 2 ожерелья... десятиры очи серебряные золочены – К3730070 –

Кн.п.Уст., 42. 1683 г.; очеса на хорѣ окрѣсть вся мѣдяна – ροαί – К3730112 – (4 Цар. 25, 17) Библ.Генн. 1499 г., К3730068, К3730069, К3730071); почка, зародышевый побег растения (в позднем примере: увидѣль я... при началѣ стеблей листьевъ и тѣ възделѣнныя оки, или пупушки, которыя обыкновенно натура у всѣхъ деревь приуготовляетъ для листьевъ будущаго года – К3730310 – Болот.С.ж., ч.II, 217, л.40. 1778 г.); окружность (в позднем примере: начерти изъ онаго центра циркуль НИКЛ которой въ наукѣ архитектурной называется окомъ или глазомъ; во оноу окѣ начерти квадратъ – К3730023 – Бароций.Архит.,53. 1712 г.¹⁶); а также некий центр, в данном случае, ключ родника (едино и отъ единого очеси источникка теченик изначала примѣть дѣвоктеченик – ἐξ ἐνὸς ὀφθαλμοῦ τῆς πηγῆς – Изб.Св.1073 г., л. 2226 [Изб. 1073] – ср. [СЛРЯ, 12: 328]).

О человеческих глазах

В "Новгородских кабальных книгах" представлен разнообразный материал о цвете человеческих *очей* (они могут быть: бѣлы – К3730368 – Новг.каб.кн.II, 8. 1597 г., красносѣры – К3730368 – Новг.каб.кн.II, 8. 1597 г., темносѣры – К3730369 – Новг.каб.кн.II, 36, 38. 1597 г., кари – К3730369 – Новг.каб.кн.II, 42. 1597 г., чорны – К3730370 – Новг.каб.кн.IV, 74. 1599–1600 гг. и др.) и их отличительных признаках (тѣсноваты – К3730370 – Новг.каб.кн.IV, 74. 1599–1600 гг., косы – К3730369 – Новг.каб.кн.II, 39. 1597 г., тусклы – К3730369 – Новг.каб.кн.II, 36. 1597 г. и др.).

Важнейшей функцией *очей* является способность видеть, воспринимать внешний мир. Потеря зрения, произошедшая по той или иной причине, воспринимается как величайшее несчастье, а возвращение его – как величайшая милость (прикоснуся ослѣпленным его зѣницамъ и отпадоша яко чешуа от очию его, абие прозрѣ – К3730513 – Ж.Серг.Р.Епиф.2, 135. XVI в.~ 1418 г.).

Когда человек видит различные явления мира и природы, то испытывает разнообразные, в том числе, приятные ощущения, как например, при виде цветов (в позднем тексте: подають велие увеселение очесемъ путешественниковъ... различныя цвѣты – К3730331 – Хрисанф. Опис.Иерус.,54. 1732 г.

Роль *очей* подчеркивается сравнением с ушами (очи ушей вѣрние [так в изд.] – К3730470 – Послов.Л.Майк.= Сим.Послов., 190.XVII–XVIII вв.). [Ср. *УХО*]

Взгляд есть, как бы то самое "окно", через которое происходит взаимообмен между внешним миром, в котором человек живет, и его внутренним миром: в это самое "окно" попадают импульсы внешнего мира и из него испускается некая сила, заключенная внутри человека. Взгляд обладает способностью выражать внутреннее состояние человека, его чувства и эмоции (возрѣвъ на нь яримъ окомъ – К3730028 – Ж.Пафн.Бор., (л.22) 127. XVI-XVII вв. ~ XVI в., он же видевет отрока ярима своима очима зверинима и похватив меч свои наг и хоте отроку главу отсеци – Пов.Тим.Влад.1,120. XVII в.~ XV-XVI вв., ...смотреть милостивымъ окомъ на маршалка... – К3730030 – ДАИ XI, 11. 1684 г.).

Взгляд может выражать и вызывать желание (чадо, не давай очамъ воли, не прелца<и>ся, чадо, на добрыхъ красныхъ женѣ – К3730227 – Горе Зл., 29. XVIII в.~ XVII в.).

Зрение (*око*) не наделено способностью определять вес, т.е. "на глаз" это сделать невозможно (в позднем примере: потому... что окомъ ни рукою вѣсу познать невозможно – К3730329 – Бринк. Артил., 190. 1710 г.).

¹⁶ Издание 1709 года, представленное в Картотеке и индентифируемое Указателем, обнаружить не удалось. Цитата приводится по изданию 1712 г.

Очи = человек

По-видимому, глаза (*очи*) обладают силой воздействия на другого человека. Надо думать, именно поэтому и устраивались так называемые "очные ставки". Это позволяло, например, получить либо дополнительные доказательства вины, либо добиться ее признания. В Картолке обильно представлен материал, повествующий о ситуации "очных ставок", когда любой ставили съ очей на очи, т.е. один человек находился против другого — *лицом к лицу*. Частое повторение сочетания съ очей на очи встречается с глаголами: говорити, (по)ставити, обыскати и др., что побуждает предположить идентификацию в некоторых контекстах *очей* с человеком (например: поставя тѣхъ священниковъ... съ тѣмъ пономаремъ Игнатѣмъ съ очей на очи, и онъ, Игнатей, передъ тѣми священники... повинился – К3730197 – Суб.Мат.ІІІ, 28. 1663 г.; велѣти обыскомъ обыскати многими послухи и достовѣрными свидѣтели съ очи на очи – К3730008 – Стоглав, 139. XVII в.~ 1551 г.; ср. также: К3730005 – Наседка. Спис., 348. 1644 г., К3730006 – АЮ, 98. 1611 г., К3730009 – АИ ІІІ, 458.1621 г. и мн.др.).

Теперь понятными кажутся обороты, в которых отражается факт заочного действия, т.е. действия, когда что-то происходит в момент отсутствия человека: говорити за очи (говорит так за очи, что службы твоеи в дело не ставит – К3730294 – МДБП, 20. 1677 г.); имывати/ не имывати кабалы (...они не воровывали и кабалы за очи на тое девку, на Офимку, за очи не имывали – К3730436 – Д. холоп., 356. 1622 г.); писати/ не писати за очи (а кой человекъ болной... всхочеть духовную писати на чье имя за очи, ково воименуетъ... – К3730148 – СГГД V, 20. 1497 г., язъ, господине, брату своему собя въ кабалу писать не веливалъ, а писалъ меня за очи – К3730281 – АЮБ I, 190. 1534 г., см. также: К3730176 – АЮБ II, 199. 1669-1670 гг., К3730182 – Суб.Мат.ІІІ, 375. 1678-1679 гг.); собрати [поручную запись] за очи – К3730151 – А.Кадаш.сл., 121. 1673 г.; быть написаным подставою за очи (К3730171 – Писц.д.ІІ, 108. 1628 г.); давати/ не давати (что-либо) за очи (и подставою) (таможенному головѣ и цѣловалником давати на мягкую рухлядь и на всякие товары проѣзжие грамоты... всякому человекъ по одной грамотѣ на лицо, а по двѣ и по три грамоты одному человекъ, и за очи никому ни за кого ... не давати – К3730173 – ДАИ IV, 110. 1658 г., см. также: К3730438, К3730508, К3730522).

Подтверждением сказанному служит и повторяющееся сочетание въ очи видѣти, т.е. встречаться с кем-либо (сподобилъ мя Богъ братию въ очи видѣти – К3730134 – Девг.д., 156. XVIII в.~ XI-XII вв., см. также: К3730143 – Девг.д., 164. XVIII в.~ XI-XII вв.).

Еще один яркий пример идентификации *очей* с «людскими» очами, т.е. просто с людьми, обнаруживается в одной из древнейших новгородских грамот (№ 752 1080-е – 1100-е гг.): Аже бы ти годнь то [из] очью бы съ вытьрьго притькль «если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и пришел...» [Зализняк 1995:229].

Особенно очевидно соотношение *очей* с человеком при постановке притяжательных местоимений: от(ъ)иде, изыде от(ъ) очю его, т.е. кто-либо ушел от конкретного человека (и то рекъ ему, отиде от очю его – К3730047 – Ч.Николы, IV, 2. XIV в. ~ XI в., см. также: К3730050 – Ж.Павла Обн., 93 об. XVII в. ~ XVI в.); передъ своимъ окомъ, т.е. 'перед собой' (король ихъ тотчасъ велѣлъ заколоти... передъ своимъ окомъ – К3730045 – Ст.сп. Флетчера, 58. 1589 г.); отступихъ от(ъ) очю твоею, т.е. 'от тебя' (отступихъ от очю твоею, но не оставихъ тебе храня тя – К3730052 – Пролог (БАН²), л.67 об. XIV в.); что любо очима твоима,то сотвори, т.е. 'тебе самому' – К3730065 – Лож. и отреч.кн., 43. 1494 г.; мъно(г)о сиего видѣ око мое, т.е. 'я сам' – К3730078 – Изб.Св.1076 г., 358 (168 об.); не наше ли око вся...

обзирает, т.е. 'мы, мы сами' – К3730079 – Васс.Патр.¹, 411 (л.557 об.). XVI в. Ясно, что во всех случаях подобного рода притяжательное местоимение можно с легкостью заменить соответствующим личным. Число подобных примеров достаточно велико (см. также: К3730048 – Ж.Ал.Нев.(Бег.), 354 (л.8). XVI в., К3730049 – Моск.лет., 133. XV-XVI вв. (под 1241 г.) и мн.др.).

Следует обратить внимание на то, что эта языковая особенность встречается еще в языке Ветхого завета, например: и на врагы моя възрѣ око мое – ἐπεῖθεν ὁ ὀφθαλμὸς μου (Псал. 53, 8-9) (К3730077 – Библия. Генн. 1499 г.).

Слово *очи* с прилагательными царевы, царский (царьскыи) и государевъ, государ(ь)скыи в сочетании *очи видѣти* (см. выше) употребляется для обозначения встречи с царем (например: велит имъ видети свои црские очи, т.е. иметь встречу с ним, царем – К3730138 – Астрах.а., № 884. Наказ, сст.33. 1625 г.; см. также: К3730139 – Посольство Васильчикова, 36. 1588-1594 гг., К3730378 – Гр.Сиб.Милл.П., 203. 1607 г. и мн.др.).

Прилагательные или существительные в функции определения слова *очи* употребляются для характеристики поведения человека: око лукаво и завидливо о хлѣбѣ и скудно на трапезѣ своен – ὀφθαλμὸς πονηρὸς φθονερὸς (ср. Сирах.14,10), т.е. речь идет о лукавом и завистливом человеке (К373 – 0063 – Библия. Генн. 1499 г.; ср. тот же текст: К3730064 – Изб.Св.1076г., 351(л.165)).

Наконец, человека можно узнать, посмотрев в *очи* (и князь, слышав голос его да посмотрив в очи, и познал его – К3730121 – Ж.Мих.Клоп.¹, 91 (л.163 об.), к.XVI в. – н.XVII в.).

Очи и лице (лицо)

В той же самой ситуации — на очной ставке, — т.е. в момент, когда два человека поставлены съ очей на очи, один из них может говорить в(ь) лице смотря, а не в(ь) очи, как ожидалось бы (а двка Овдюшка Петрова... поставлена с очей же на очи, а на очной ставке ... в лице смотря на Тимошку сказала... – К3730159 – Арх.Толстого, № 150, сст.5. 1696 г.). Это позволяет, в свою очередь, предположить также, что *очи* могут идентифицироваться с *лицом* (сравни, например, в современном русском языке семантически близкие обороты *лицом к лицу* и *с глазу на глаз*, когда люди находятся наедине, подчеркнуто приближены друг к другу).

О том же свидетельствует соположение слов *лице* и *очи* (а желаем очи и лице твое в радости видети – К3730498 – Посл.Стефана, 404 (л.34). 1637 г.).

Все вместе взятое служит подтверждением нашего предположения об идентификации в некоторых контекстах очей с человеком, с одной стороны, и близости слов *очи* и *лицо* (*лице*), с другой.

[Ср. *ЛИЦО*].

4. Христианский и византийский пласт

Реальные способности, столь важные для человека: видеть (очами) и слышать (ушами) — во время проявления чудодейственной силы Христа и его последователей, с одной стороны, становятся объектом их деятельности, т.е. Он (или они) возвращают вполне конкретное зрение или слух человеку, с другой стороны, проповедуемое Им (и/или ими) учение открывает способность "видеть" и "слышать" то, что не воспринимается "телесными" органами чувств (по прорѣчеству: тогда отверзутся очеса слѣпыхъ и уши глухыхъ услышать – К3730512 – (Сл.мт.Илар.) Мус.-Пушк.сб., 55. 1414 г.).

Ключевая цитата, к которой мы уже неоднократно обращались: свѣтъильникъ тѣлоу есть око (Матф. 6,22), – наталкивает на мысль о связи *очей* со светом.

Идея близости *очей* и света, часто встречающаяся в древнерусских текстах, на самом деле, очень древняя, она хорошо представлена в византийских памятниках, но имеет, безусловно, еще более древние корни.

Око (очи) и свет

Не вызывает сомнений, что соположение света и очей начинается с возможности/невозможности этот свет видеть, т.е. зависит от наличия зрения или его отсутствия в результате слепоты (отсюда относятся сочетания, типа свѣтъ в(ъ)зяся, отъяся и т.п., свидетельствующие о наступлении слепоты – см. статью *свѣтъ* [СлРЯ, 23: 134]). Большим счастьем считается восстановление, возвращение = дарование зрения (сладкий свѣтъ очию его даровася – К3730482 – Пр.Уст.ч., 132. XVII в.; благоутробная Богородица паки дарова свѣтъ очесь его и вину ему прости – К3730321 – Дам.Афон.гора, 30. 1701–1703 гг.).

Трудно решить, что является исходной точкой при сближении очей со светом. Может быть, это солнце – главный источник света на земле, – называемое в старославянских¹⁷ и древнерусских памятниках *оком* или, в сходном смысле, *светильником* (см. словарную статью *свѣтильникъ* [СлРЯ, 23: 139]). В первом из приводимых ниже примеров речь идет о неразделимости Святого Духа, Отца и Сына, для сравнения используется образ лучей, неразрывно связанных с испускающим их солнцем: нѣ лоуча оубо прикоупена къ къ кроугоу, а кроугъ акы нѣкако око (ὀφθαλμός) посылак всамо лоуча, также нѣкакы отъ [далее должно быть: оца] лоуча (οἰονεῖ τις τοῦ πατρὸς ἀκτίνας) посълааны быша къ намъ свѣтълын же Исоусъ и Сѣын дхъ также во свѣтовныа лоуча. [Изб.1073 г.: л.222]; слнце обыше око чловѣкомъ, тако и мудрость дшамъ ихъ – К3730076 – Ис. и Варн., 13. XIV-XV вв.; и паки являся дньное око не погибая – К3730075 – Сл. и поуч. против языч., 79. XIV-XV вв.). В противоположность солнцу, луна, светящая во тьме, мыслится *темным оком* (луна ... око темно есть – К3730075 – Сл. и поуч. против языч., 79. XIV-XV вв.). Ср. [СлРЯ, 12: 328].

Представления, в которых отражено соположение *ока* и солнца, *ока* и светила, как уже было сказано, очень древние, следы их обнаруживаются еще в индоевропейской традиции, они подтверждаются также исконно славянскими свидетельствами, а христианские образы плавно накладываются на сложившуюся традицию [Буслаев 1848: 77 и далее]. В Картолке это иллюстрирует цитата, в которой сообщается, что в момент сотворения человека очи были взяты от солнца (вземъ земли горсть ото осми частей ... отъ солнца – очи, отъ облака – мысли, отъ свѣта – свѣтъ – К3730270 – (Сказ. об Адаме) Лож. и отреч.кн., 12. XVII в.). Ф.Буслаев подтвердил эти данные старинными сказаниями, одно из них – из немецкой поэмы о Четвероевангелии XII в.: ...der ougen von der sunnen [Буслаев 1848: 77].

Ср. противоположный образ в так называемой "Голубиной книге", где создателем всего космоса является в буквальном смысле слова сам Творец: мир строится из него самого, т.е. из Его "частей тела":

*у нас бѣлый свѣтъ отъ Господа
самого Христа, Царя небесного;
солнце красное отъ лица Божьяго
самого Христа, Царя небесного...
зори утренни отъ очей Господнихъ* [Буслаев 1848: 77].

¹⁷ Кстати, ни один из старославянских словарей не отражает наличие примеров такого рода, однако приводимая ниже цитата из Изборника Святослава 1073 года, памятника, возникшего в Болгарии и сохранившегося в древнерусском списке, позволяет предположить, что представление о солнце как *оке* было и в старославянском языке.

Бог – око

В христианской литературе (и в иконописи) многократно использовано представление о Боге как *оке*. Древнерусская литература его органично усвоила. Об этом свидетельствуют характеристики: Бог – всевидящее око (К3730354 – Пов. о начале Москвы¹, 233 (л.44). XVII в. ~ XVI в.), неусыпаемое око (Бѣъ есть дѣхъ невественный, око неусыпаемое – ὄφθαλμὸς ἀκοίμητος (К3730191 – Скрижаль V, 146. 1656 г.), неусыпающее око (К3730002 – Пять поуч., 99. XVII в.~ XIV-XVII вв.), недреманное око (Христе царю, недреманное око – К3730003 – Зос.С.ч., 218. 1624 г.).

Русскому национальному самосознанию свойственно ощущение особого попечения Бога=*ока* о русской земле (око, зрящее от превышних небес, дает ... немязежно земли Русей пребывание – К3730356 – Сказ.Авр.Палицына¹, 101(л.9). 1620 г.; наипаче же всевидящее око Богъ... въ российскомъ государствѣ свидѣтельствовали благочестивую вѣру непоколебимо быти – К3730506 – Сиб.Мат. IV, 311. 1682 г.).

Бог – око – свет

Существует очень тесная взаимосвязь между Богом, оком и светом. Божественная сила мыслилась как-то связанной со светом. В Библии Бог назван свѣтильником (2 Цар.22,29: ὅτι σὺ λύχνος μου, Κύριε, καὶ Κύριος ἐκλάμψει μοι τὸ σκότος μου). Картотека отражает эту традицию (люди смиренныя спсеша и очи гордых смириши яко просвѣщаещи, свѣтилникъ мой, ГИ – К3730111 – (2 Цар. 22, 27-29) Библ.Генн. 1499 г.). Бог мыслился и назывался отецъ (отць) свѣтомъ (всакъ даръ свершенъ, съвыше ксть съходан ѿт тебе, ѿца свѣтомъ – φῶτων. Служ. Варл., л.19. XII в.) [Срз., III: 296].

Очи Христа сияют, как огненное пламя (в портрете Христа: глава же Его и власи бѣли яко руна, и очи ему акы пламень огнѣнь – οἱ ὄφθαλμοὶ αὐτοῦ ὡς φλῶξ πυρός – К3730233 – Апокал., л. 11 об. XIII в.).

Божественная сила как бы прорывается через *око*, будь то способность видеть будущее (око бжтвенное, будущая видя – К3730128 – ВМЧ, Дек.6-17, 1068. XVI в.), проявлять милость (око намъ мѣстивное положи Бжие – К3730128 – ВМЧ, Дек.6-17, 1068. XVI в. – выписка 137; при часѣ же девятомъ дне призрѣ Господь милостивными очима на полкы христьяньскыя – К3730284 – Моск.лет., 204. XV-XVI вв. – под 1380 г.), благоволение (Богъ же... призрѣ на смиренныя смиренныя окомъ – К3730363 – Моск.лет.,187. XV-XVI вв. – под 1371 г.) и т.д.

Око – свет: о святителях, пророках, правителях

Божественными функциями, по христианским понятиям, наделены также святители высшего ранга и священники. Мы узнаем, например, о способности видеть невидимое, которой наделены священники (священникъ же видѣвъ дѣтища сердечными очима, яко хошетъ съсудъ избранъ быти Богу – К3730097 – Ж.Авр.Смол., 35. XVI в. ~ XIII в., сходный текст –К3730098 – Ж.Авр.Смол., 53. XVII в. ~ XIII в.), пророки (блжнии пррочи очи намъ быша прозирающе вѣрою словесьныя таины – ὄφθαλμοὶ ἡμῶν – К3730072 – Сл.Иппол. об антихр., 4. XII в.) и правители. С этим, по-видимому, связано представление о пресвѣтлых (государских, царских) очах, предстать пред которыми или видеть которые означает видеть самого государя (К3730375 – К3730378 – и др.). Государь может иметь такие же атрибутивные характеристики, как Бог (Господи, Господи, царю владыко человеколюбче, всевидящее око – К3730261 – Пересветов. Сказ.о книгах=Ив.Пересветов, 148 (л.48). XVII в.~ XVI в.).

Свет, блеск исходит от *очей* тех, кто несет в себе божественную силу света, эта личность способна управлять людьми: подавлять, смирять и т.п. (о царю ... ока твоего блистание может их [народ] сокрушити и всех супостат противных смиряти – К3730357 – Артакс.действие, 127 (л.2). 1672 г.). Это сияние едва могут стерпеть *очи* простого человека (толикое по истинѣ есть сияние твоего Величества, яко даже на концѣхъ крайняго Востока, на ня-же лучи свои непрестанно испущать, очесми возмогъ бы стерпѣти – К3730257 – Спафарий. Нов.дан., 46. 1675 г.). Сияние *очей* государя может быть и благосклонным, выражать милость (в позднем примере: как сии [милостивые очи] ко мне непрестанно сияют, так моя вам верность будет до смерти – К3730379 – Беландра, л.51-51 об. XVIII в.).

Итак, Бог и наряду с Ним святые, пророки, праведники и священники, а также люди, занимающие в обществе высшее положение (правители), мыслятся как бы некими светильниками, несущими в себе заряд особой световой силы, а *око*, или *очи*, принадлежащие им, обладают способностью не только проявлять этот свет, но и выполняящие его (света) функции.

Связь Бога со светом очевидна также в представлении о христианской вере как о свете (и рѣша ему: ... вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся ... Бѹ, иже [по вар.] створилъ нбо и землю, звѣзды, мѣць и всяко дхнѣе, а бзи ваши древо суть. Лавр.лет., 85 – под 986 г.; русская вѣра, яко солнце, сияеть от всѣхъ вѣрь, и всѣхъ християне во свѣтъ грядуть. Ав.Ж., 145. XIX в. ~ 1672 г.; в позднем примере о Законе Божиим: то есть свѣтъ очесъ стезямъ нашимъ и просвѣщение душевныхъ очесъ нашихъ – К3730259 – Татищев. Духовная, 1. 1734 г.). Последователь христианской веры именовался сынъ свѣта, чадо свѣту (см. словарную статью *свѣтъ* [СлРЯ, 23:135]).

Око – свет: о человеке

Однако, наряду с этим, чем-то подобным обладает для любящего и любимый человек. Свѣтъ очесъ – так называет жена любимого мужа (К3730302 – Крекшин, л.8-8 об. XVIII в.), свѣтъ в(ь) очью – для молодой женщины милый дружок (К3730326 – Ванька Каин, 212. 1793 г.). Потеря дорогого человека мыслится угасанием света (свѣтъ очесъ угасает – К3730302 – Крекшин, л.8-8 об. XVIII в., свѣтъ очей моихъ ннѣ померкаеть – К3730486 – Петр.Злат.Кл., 225. XVIII в.).

Теперь становится понятным, почему существа, условно говоря, "противоположного порядка" – сторожа адовныя – не несут в себе и в своих очах света (очеса ихъ яко свѣща потухли – К3730514 – Лож. и отреч.кн., 16. 1620 г.).

Характер внутреннего света в человеке, конечно же, связан с его "душевным" состоянием, настроем и помыслами. Истоки такого представления обнаруживаем еще в Евангелии (см. разбивавшуюся выше цитату из Матф.6,22-23: "Светильник для тела есть око. Итак, если око твое чисто, то все тело твое будет светло"). Таким образом, в соответствии с сутью помыслов: злые = темные они или добрые = светлые, – внутренний свет может быть то темным, то светлым. Домысливание этой евангельской идеи придет позже, когда произойдет разделение понятий *очи*=*телесные очи*, с одной стороны, и *сердечные очи*=*очи сердца* или *умное око*, *душевные очи*, с другой.

Двойная функция очей

Слово *око* играет в средневековых текстах двойную роль: то это орган внешнего восприятия, не затрагивающий или не долженствующий затрагивать внутренний мир человека (не пред очима работающе яко члѣкоугодницы, нъ съ страхомъ бжнимъ – ἡ κατ' ὀφθαλμοδοουλίαν – ср.Ефес.6,6 – К3730057 – ВМЧ, Дек. 24, 2045. XVI в.; да не удолѣеть ти похоть чюжея доброты, и во стѣдъ ока не идеть

срдце ти – К3730066 – Правила, 190. XV в.), то *око* или *очи* оказываются особой сущностью в духовном христианском мире.

Поверхностный, зримый мир воспринимается человеком с помощью *телесных очей*, которым недоступен внутренний мир человека и мир высшего порядка (А Дамаскын глаголетъ: «Святая единосущная Троица телесныма очима не зрима» – К3730408 – Посл.И.Сан.архм.Вас. о Троице, 308=Иос.Вол.Посл., 142. XVI в. ~ XV-XVI вв.; ср. также К373485; в обоих случаях употребляется глагол зрительного восприятия зрѣти/ зьрѣти с отрицанием). Прямо противоположные им понятия – *чувственное (-ые) око (очи), сердечные очи = очи сердца, око умное или умные очи*. *Телесные очи* обращены к реальному, расстилающемуся внизу, миру, в то время как *сердечные* – к миру высшему, надреальному (в церкви во время молитвы) телеснии очи долу имѣти, а срдчнии горѣ – К3730100 – Дм., 36. XVI в.). Понятие *чувственное (-ые) око (очи)* обозначает внутренний мир чувств и разума (...и умное съ чювьственным окомъ егда се требѣ на нбо прострети и чисто во истину помолитися – К3730085 – О молитве С.Н.Б., 408. XV в.; чувственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си – К3730115 – Посл.Епиф., 4. XVII в. ~ 1415 г.).

Иногда подчеркнуто активно противопоставляются *очи* как орган внешнего восприятия и *разум* и *сердце*, отвечающие за внутренний, духовный, эмоциональный мир (не съкрыи отъ мене заповѣдии [в рукоп.: заповѣдии] твоихъ, разумѣи, яко не отъ очию съкрыи, нъ отъ разума и срдца – К3730147 – Изб.Св. 1076 г., 155 (л. 2 об-3)).

Око (очи) и сердце

Сердечные очи или очи сердца – специфическое христианское понятие, связанное с божественным началом и божественной силой. Это некая внутренняя, духовная сущность человека, которая противоположна *телесным очам*, так как она осуществляет не просто процесс зрения, т.е. восприятия внешнего мира посредством органов зрения, но производит процесс познания, постижение смысла происходящего и вечно сущего, божественного. Для того, чтобы человек обрел способность "видеть" невидимое, его нужно "просветить", т.е. открыть его внутреннее зрение. Апостол Павел сформулировал идею просвещения в Послании к Ефесянам так: "Непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего – πεφωτισμένους τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς καρδίας ὑμῶν – дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его..." (Ефес.1,16-19). Отсюда появление понятия *очи веры* как обозначения христианского миропостижения (Съ<и>...показует члку силу стую, живущюя въ нем... уже его ж умъ свѣтелъ и мыслень, невидимо очима вѣры ощущает – К3730083 – Сл.Ис.Сир., 373. 1416 г.).

Использование этой внутренней сущности позволяет понимать, провидеть, предвидеть и выносить эмоциональную оценку (уязви сии гласъ очи сердца любящихъ того – К3730086 – Ж.Зос.С., 71. XVI в.; о злыя тмы, излившаяся на очеса сердцеъ нашихъ – К3730087 – Надгр.сл.Иос.Вол., 160. XVI в.; священникъ же видѣвъ дѣтища сердечныма очима, яко хошетъ съсудъ избранъ быти Богу – К3730097 – Ж.Авр.Смол., 35. XVI в. ~ XIII в.; прозвутерь ... срдчьныма очима прозря еже о немъ, яко хошетъ измлада Богу дати ся – К3730104 – (Ж.Феодос.Нест.)Усп.сб., 73. XII-XIII вв.).

Эта сущность поддается воздействию и совершенствованию, в результате чего человек обретает разум и мудрость (позналь еси Б҃га, творца всѣхъ, тои да просвѣти очи срѣдчныи и дасть ти дѣхъ премудрости и разума — К3730411 – Варлаам и Иоасаф, 4. XVII в. ~ XII-XIII в. – ср. Ефес.1,18: "и просветил очи сердца вашего..." – πεφωτισμένους τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς καρδίας ὑμῶν ...).

Внутренние желания и помыслы тоже могут быть названы *очами сердца* (на нбо очи пушаю срѣдца моего к тебѣ, Спасе – К3730106 – Требник, 151. XVI в.).

Тем не менее, ощущается существование связи между внешним и внутренним миром (миром сознания, чувств и эмоций, который как раз и заложен в слове *сердце*). Эта связь осуществляется с помощью реальных органов восприятия (иже око не виде и ухо не слыша и на сердце не възиде, яже уготова Бог любящим его – ср. 1 Кор. 2, 9 – К3730269 – Ерм.-Ер.Соч., 206 (л.276). XVI в.; аще ли чего око не видить, то и на сердце челоувѣку не възидеть – К3730271 – Беседа Вал., 12. XVII в. ~XVI в.; среди поздних примеров: гдѣ сердце лежитъ, туда и око бежитъ – К3730327 – Курганов I, 126. 1790 г. ~ 1769 г.)

[Ср. . *СЕРДЦЕ*]

Око (очи) и ум, мыслительная деятельность

Та же внутренняя сущность, которая обозначается понятием *сердечные очи* или *очи сердца* может называться также *оком умным* (к Б҃гу убо око умное простирая, бяше по вся дни в пѣснехъ упражняа себе и всяку добродѣтель содержай – К3730102 – ВМЧ, Дек.6-17, 1043. XVI в.) или *умными очами* (Иоане, знаменай сердце его, яко умныма очима узрит и да не мнит, мечтание быти видение се – К3730101 – Ерм.Ер.Соч., 202 (л.203. XVI в.); возможно соположение в одном контексте *мысли*, а также *душевных и умных очей* (и егда возлагать имаши то крестное знамение рукою, мыслию своею помышляи и душевныма очима зри на тое изображение ясно... и Самого Его, Господа Иисуса Христа, на немъ распеншагося, умныма своима очима зри – К3730258 – Посошков. Завещание, 11. 1719 г.).

В одном из первых древнерусских литературных памятников, в Изборнике 1076 г., указывается на связь "открытых" христианским учением *очей с разумом и сердцем* (открыи бо, рече, очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона твоего, очи бо глеть размыслъ срѣдчныи – К3730082 – Изб.Св.1076 г., 154 (л. 2 об.)). Развитием этих мыслей является представление об *очах* как *уме*, что есть обращение к Богу (учат бо нас гѣм, да всегда очи наши, еже есть ум наш, имѣем простерт преблагому Богу– К3730089 – Алф², 84. XVII в.), отсюда также понятие *умные очи веры* (умныма очима вѣры ... зрят промыслъ отчѣський – К3730091 – Сл.Ис.Сирина, 362. 1416 г.).

О внутреннем состоянии может быть сказано так: Просвѣти вчи мо(и), Хѣ Бѣ. Поуч.Влад.Мон. 81 [Срз.,II: 643] = Лавр.лет., 247.

Иногда определение *чувственный (чувствьный)* подчеркивает то, что речь идет о *внутреннем зрении, связанном с миром разума, чувств и эмоций* (чувственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си – К3730115 – Посл.Епиф., 4. XVII в. ~ 1415 г.).

Одним из разъяснений того, как же ум может "видеть", является привлечение образа *очей*, которые как будто бы есть у ума (умъ убо зрящъ и разумичень яко же око имать – К3730108 – И.Дамаскин, 375. XVI в.).

[Ср. *УМ*] [Ср. *РАЗУМ*]

Душевное око

Еще одно понятие, характеризующее внутреннюю суть человека – душевное око (то же во мн.числе) (обрящутся въ пришествие ГСне бодрено и непреклонно "дшевное око" имуща къ могущему спсти н<ы> от смрти – К3730404 – ВМЧ, Апр.22-30, 973. XVI в.; душевными очима зри на тое изображение ясно – К3730258 – Посошков. Завещание, 11. 1719 г.).

[Ср. *ДУША*]

Очи и внутренний мир

Внутреннее состояние для христианина привычно связывается с *очами*: они выражают, например, эмоции (он же видѣвъ его радостными очима – К3730415 – Моск.лет., 133. XV–XVI вв. – под 1241 г.).

Мысленный взор, или "внутренние очи", соотносились со скрытыми мыслями и памятью. Сочетание предѣ (прѣдѣ) очима имѣти, быти означало: а) 'помнить' (сѣмьртъ и гонение и напасть и всѣя видимая зѣлая прѣдѣ очима ти да будутъ по всѣя дѣни и чясы – К3730042 – Изб.Св.1076 г., 203 (л.27.); тѣхъ дѣлеса пред очима имѣя – К3730044 – Ж.Феод.Едес., 26. XVI в.), б) 'быть предметом помыслов и желаний' (и бѣше прсно пред очима Амнонема, яко ж имѣти ю (К3730043 – (2 Цар. XIII, 1-2) Библ.Генн.1499 г.).

Связь *очей* и скрытых помыслов давно замечена в народе, отсюда, по-видимому, представление о "сглазе", потому в молитве просят избавления от него (избави... от очию от злыхъ члкъ... – К3730026 – Мол.Алм., 473. д/я: XVI в.; прогоняем и одаляем всяку злобу... и лукаво око – К3730025 – Мол.Алм., 502. XVI в.).

5. Патрология

Христианство пришло к мысли о существовании не только невидимого, едва постижимого, а в большей части, и непостижимого, горнего мира, но и к представлению о присутствии невидимого мира, вернее, невидимых субстанций, или неких сил, внутри человека (то, что мы называем теперь то "душевными силами", то "биополем"...). Очень убедительно о бестелесных очах, противоположных телесным, свидетельствует Василий Великий (в данном случае, речь идет о познании Бога): "Из бесплотности, находящейся в тебе, души уразумевай, что и Бог бесплотен... Веруй, что Бог невидим, познав собственную свою душу, потому что и она непостижима телесными очами [разрядка наша – М.Ч.]. Она не имеет ни цвета, ни вида, не объемлется каким-либо телесным очертанием, но узнается только по действиям. Поэтому и в рассуждении Бога не домогайся наблюдения с помощью очей, но, представив веру уму, имей о Боге умственное понятие" [Флоровский 1992: 69]. И далее: "Если глаза определены на познание видимого, из этого не следует, что все видимое подведено под зрение" [Флоровский 1992: 70].

Одно из важнейших положений христианского учения включает представление о даре духовного видения, т.е. способности воспринимать вещи, недоступные чувственному восприятию; речь идет о "сердечных очах", открытых Христом, помраченных дьяволом, а также о "душевных очах". "...Господь пришел на землю преимущественно не для того, чтобы отверзать телесные очи, но душевные глаза [разрядка наша – М.Ч.], которые через евангельскую проповедь приобретают прозрение... Потому что, преклонив небеса и сошед на землю по человеколюбию, чтобы чрез евангельскую проповедь отверсти очи нашей души и даровать нам духовное прозрение, Он присовокупил к сему и исцеление чувственно-незрячих очей" [Палама: 50-51]. Среди прочих примеров – о столь тесной связи через Бога

души и ока, что душа вся становится оком: ἡ ψυχὴ ἡ βασιτάζουσα τὸν θεόν, μᾶλλον δὲ βασταζομένη ὑπὸ τοῦ θεοῦ, γίγνεται... ὅλη ὁ ὀφθαλμὸς Mac.Aeg.Hom.33.2 [Patrologia, 34: col. 741D].

Еще одно понятие, хорошо разработанное уже в ранневизантийскую эпоху, мысленные очи, в некоторых контекстах оно выступало синонимом ума, например: ἐπὶ τὸν οὐράνιον βασιλέα τοὺς τῆς διανοίας παραπέμποντας ὀφθαλμοὺς . Eus.v.C.4.19 (p.125.3; M.20.1168A) [Lampe 1965: 988]. В свою очередь, по словам Г.В. Флоровского, "ум есть высшее в душе и владычественное... «ум есть нечто прекрасное, – говорит св.Василий, – и в нем мы имеем то, что делает нас созданными по образу Творца»" [Флоровский 1992: 68].

Св. Григорий Палама, со ссылкой на Дионисия Ареопагита, указывает на связь «пресветлого начала света, Бога, наполняющего умным светом всякую разумную природу», умопостигаемого света, т.е. знания, чувственного зрения и очей души [Палама. Триады: 60-61].

Об очах веры говорит, например, Иоанн Златоуст [Lampe 1965: 988]. Под очами веры следует понимать способность непосредственного понимания истины, дарованной верой.

Очень распространен образ ока Божия: ὅλος ... ἄκοη καὶ ὅλος ὀφθαλμὸς ...ὁ θεός Clem.str.7.7 (p.29.14.; M.9.453B); πάντα πράττειν ὡς ἐν ὀφθαλμοῖς θεοῦ Or.Cels.7.51 (p.202.14; M.11.1496B) [Lampe 1965: 988]. Иоанн Дамаскин говорит об этом так: "Итак... очи Божии¹⁸... да пойдем как силу Его – созерцательницу всего, с одной стороны, и – с другой, как знание Его, от которого ничто не скроется, да пойдем вследствие того, что у нас при посредстве этого чувства происходит и более совершенное знание, и более полное убеждение" [Дамаскин: 30] (раннеславянской перевод Иоанна Экзарха см. [Sadnik 1967: 186]). Этот образ был приложен к Христу , а также к промыслу Божьему.

Дьяконов считали *очами* епископа [Lampe 1965: 988].

Очами называли также тех, кто способен просвещать, наставлять и вести за собой других людей; таков, например, Григорий Нисский и др.: ὀφθαλμὸς ἦν Σαμουὴλ ὁ βλέπων... ὀφθαλμὸς Μιχαῖος ὁ ὄρων καὶ Μωϋσῆς ὁ θεώμενος... ὀφθαλμοὶ πάντες... οἱ εἰς ὁδηγίαν τοῦ λαοῦ τεταγμένοι... καὶ νῦν οἱ ...ἐπίσκοπεῖν τεταγμένοι ὀφθαλμοὶ κυρίως κατονομάζονται Gr.Nyss.hom.7 in Cant. [Patrologia, 44: col. 920A].

В разработке положения о Церкви как теле Христове *очи* идентифицируются с выдающимися личностями, отсюда именование таких индивидуальностей *светилом*: ὁ Ἰωάννης, ὁ τῆς ἐν Βυζαντίῳ ἐκκλησίας καὶ πάσης ὀφθαλμὸς Isid.Pel.epp.1.156 [Patrologia, 78: col.288B].

Многие из этих идей, как мы видим, попали в древнерусскую письменность.

Предложенный здесь первый, экспериментальный, вариант Исследования демонстрирует возможности нового подхода. Когда все очерки, посвященные отдельным словам темы, будут собраны (в электронном варианте это легко сделать через отсылочные слова – типа: [Ср. *СЕРДЦЕ*]), тогда можно будет перейти к следующему, обобщающему этапу, но это уже предмет другого разговора.

¹⁸ Этому положению предшествуют знаменательные слова: «В божественном Писании весьма многое символически сказано о Боге очень телесным образом... нам как людям, ... облеченным ... грубою плотью, невозможно мыслить или говорить о божественных, высоких и невещественных действиях Божества, если бы мы не воспользовались подобиями и образами, и символами, соответствующими нашей природе» [Дамаскин: 30]

Итак, новый тип тематического исследования — это не только результат творческой деятельности исследователя в виде некоторого текста (традиционной статьи или какого-либо другого научного произведения), но и набор всех исходных, промежуточных и результирующих материалов, а также материализованный, зафиксированный в виде так называемого информационно-программного изделия или автоматизированной информационной системы опыт его получения, своеобразный путеводитель по мастерской исследователя, или даже вся мастерская целиком.

Новый тип тематического исследования по исторической лексикологии русского языка — это мастерская исследователя-историка языка в виде автоматизированной информационной системы.

В рамках данной работы основное понимание информационной технологии состоит в представлении ее в виде набора процедур и операций поддержки деятельности исследователя. Наиболее распространенной в настоящее время концепцией разработки и применения информационных технологий в различных предметных областях является "концепция обеспечений". Можно выделить следующие виды "обеспечений" исследователя: техническое (аппаратно-программные средства вычислительной и организационной техники), программное (системные и пользовательские программы), информационное (базы и файлы данных, классификаторы и кодификаторы), лингвистическое (формальные языки, шрифты, графический интерфейс), организационное (описание технологических процедур и операций, инструкции, help-средства). Каждой из названных ранее лингвистических и историко-филологических исследовательских методик соответствует определенный набор технических, программных и др. средств. В тоже время все эти средства должны быть объединены в систему и в таком интегрированном виде быть доступными пользователю-исследователю.

Желание подключить к исследованиям по исторической лексикологии русского языка современные информационные технологии приводит к необходимости создания персональной автоматизированной информационной системы поддержки деятельности лексикографа-лексиколога. Данная система представляет собой своеобразную мастерскую или лабораторию тематического исследования в области исторической лексикологии русского языка¹⁹, которая предназначена для решения выделенных выше пяти задач.

¹⁹ Более подробно идея создания персональных информационных систем поддержки исследовательской деятельности филологов и лингвистов представлена в [Филиппович 1987], а также во второй и третьей главах [Соломонов, Филиппович, Шульгин 1990] и в первых трех главах [Филиппович, Родионов, Черкасова 1990]

Рассматриваемая в данной статье автоматизированная информационная система тематического исследования относится к классу информационно-программных оболочек, предназначенных для хранения разнородных, в данном случае, лингвистических данных, их обработки и представления пользователям.

Первоначально оболочка пуста, но по мере проведения исследования она наполняется данными в соответствии с ранее разработанной технологией. "Пустая" оболочка и технологий проведения исследования (технология наполнения оболочки данными исследования) имеют самостоятельное значение, так как представляют собой инструментарий исследователя, который теоретически может быть применен к произвольному тематическому исследованию. В тоже время исследование, которое уже начато и находится на определенной стадии развития, может быть доступным для других исследователей. Накопленный в этом случае материал можно рассматривать тоже как некоторый дополнительный, расширенный, "приработанный" инструментальный набор, как инструментарий для продолжения начатого или для совершенно нового исследования. Таким образом получаем, что и частично заполненная обо-

При создании системы применен объектно-ориентированный подход. Объектами системы являются электронные аналоги (копии) материалов тематического исследования. В общей сложности в системе 20 объектов. Все объекты можно подразделить на два типа: тематические и вспомогательные²⁰.

Тематические объекты представляют содержание исследования (исходные, промежуточные и результирующие его материалы). Далее приведен перечень материалов исследования, включенных в автоматизированную информационную систему, в угловых скобках даны условные наименования (обозначения) объектов системы.

Исходными материалами исследования являются:

1. Тематические подборки карточек Картотеки ДРС <КАРТОТЕКА>.
 2. Словарные статьи следующих словарей:
"Этимологический словарь славянских языков" <ЭССЯ>;
Срезневский "Материалы для древнерусского словаря" <Срз>;
"Словарь русского языка XI–XVII вв." <СлРЯ>;
"Slovník jazyka staroslověnského" <SJS>;
"Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)" <СДРЯ>.
 3. Тематическая подборка расширенных контекстов картотечных цитат и дополнительный цитатный материал <ХРЕСТОМАТИЯ>.
 4. Выборка из указателя источников Картотеки ДРС <УКАЗАТЕЛЬ>.
- Данные материалы представлены в автоматизированной информационной системе тематического исследования в виде баз данных, которые являются основными. Карточки Картотеки ДРС и расширенные контексты картотечных цитат представлены в виде библиотек графических файлов.

Промежуточные материалы исследования — это производные базы данных, полученные в результате обработки основных. Обработка осуществлялась по специально разработанным методикам с применением различных программных средств, а также дополнительной справочной информации. Промежуточными материалами исследования являются:

1. Выписки из рукописных карточек Картотеки ДРС <Выписки>.
2. Словник тематического исследования, включающий заголовочные слова использованных словарей <Словник>.
3. Глоссарий цитат, содержащий все слова и словоформы, встретившиеся в цитатах словарных статей использованных словарей с соответствующей отсылочной информацией <Глоссарий>.
4. Именной указатель, содержащий все имена собственные, встретившиеся в цитатном материале и соответствующие ссылки <Имена>.
5. Запросы к базам данных тематического исследования (основным и производным) <Запросы>.
6. Список использованной и цитируемой литературы <Библиография>.

лочка, своеобразный "полуфабрикат" исследования имеет значение для пользователя. Метафора мастерской (лаборатории) исследователя истории русского языка положена также и в основу шифра наименования создаваемой информационной системы — LEXLAB.

²⁰ Далее будут рассмотрены только тематические объекты, так как вспомогательные объекты предназначены для организационной поддержки взаимодействия пользователя с системой и содержат информацию об авторах и их правах, справочные сведения о возможных операциях и процедурах обработки данных в системе, а также полное описание системы.

Результирующим материалом исследования является — систематизированное представление тематического исследования (авторское видение темы, предмета исследования) <Исследование>.

Для представления авторского исследования темы выбрана принципиально иная форма — гипертекст. Гипертекстовая форма исследования наиболее отвечает его содержанию — аргументированному представлению систематизированного описания фактов темы. Текст исследования содержит большое число ссылок на картотечный и словарный материал, а также, будучи посвященным одному слову, ссылки на другие слова. Организация текста исследования в форме гипертекста позволяет обеспечить интерактивный доступ пользователя к цитируемым материалам.

Результирующий материал исследования организован так, что самые крупные его части соотнесены с отдельными лексическими единицами — словами темы "Человек". Каждая из этих частей включена в базу данных.

Основным видом представления объектов тематического исследования является база данных. В качестве модели данных используется реляционная (табличная) модель. Она позволяет наиболее наглядно представить прежде всего лексикографические материалы тематического исследования. **Представление материалов тематического исследования в виде баз данных — это прежде всего способ решения первой задачи использования информационной технологии в разрабатываемом новом типе лексикологического исследования.**

Собранные материалы исследования, подготовленные для анализа, а затем введенные в заранее созданные в компьютерной среде информационные структуры, являются основой для решения последующих задач использования информационных технологий.

База данных тематической подборки карточек (БД КАРТОТЕКА) содержит основные сведения о карточках Картотеки ДРС. Тематическая подборка карточек произведена таким образом, что в нее включены все карточки, относящиеся к заголовочным словам выбранной для исследования лексики. В сумме по всем заголовочным словам выбранными оказались 4 666 карточек. БД КАРТОТЕКА состоит из четырех таблиц, в полях которых размещаются следующие сведения о тематической подборке карточек²¹: номер ящика, маркер карточки, алфавитная информация, слова-разделители; текст карточки; шифр источника, уточнение источника, пагинация, дата источника и уточненная дата; автор, расписавший соответствующий источник, т.е. написавший карточку; помеченные (подчеркнутые)

²¹ Более подробные описания баз данных Картотеки ДРС можно найти в материалах НИР "Электронная копия рукописной древнерусской картотеки XI–XVII вв." (рук. Ю.Н. Филиппович), проведенной в 1995 году сотрудниками отдела исторической лексикологии и лексикографии ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН в МГУ им. Н.Э. Баумана по заказу РосНИИИС. Данная НИР проводилась в рамках проекта "Новые информационные технологии для сохранения и эффективного использования рукописной картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. на CD-ROM" (как составная часть программы ЮНЕСКО "Память мира" по сохранению особо ценных объектов культуры) и программы "Историческая память России" (картотечные собрания, рукописные источники, словари и энциклопедии). Руководитель проекта и программы Г.А. Богатова. В результате работы был создан первый лазерный диск, содержащий материалы одного из уникальных картотечных собраний России: Электронная копия рукописной древнерусской картотеки XI–XVII вв. Отрезок СУДЬ–СУДНЫЙ / Научно-техническая продукция в форме CDR. Рук.: Г.А. Богатова, Ю.Н. Филиппович. Исп.: Ю.Н. Филиппович, К.А. Максимович, А.Н. Липовицкий, А.Ю. Филиппович. Конс.: Л.Ю. Астахина, М.И. Чернышева, А.Н. Шаламова и др. М.: РосНИИИС, МГУ им. Н.Э. Баумана, ИРЯ им. В.В. Виноградова, 1995. См. также [Державина, Филиппович 1997].

словоформы; различные примечания. Сами карточки представлены в системе в виде графических файлов. Они не занесены в базы данных и доступ к ним осуществляется либо посредством использования стандартных программных средств операционной системы компьютера, либо с помощью специально разработанных программ-методов пользователя.

Базы данных словарей были разработаны прежде всего исходя из потребностей тематического исследования, однако при разработке было приложено максимум усилий для того, чтобы как можно более полно отразить особенности строения словарных статей. В качестве основного руководства выступали прежде всего описания словарных статей, данные авторами-составителями во вступительных разделах соответствующих изданий. Например, очень подробно описана структура словарной статьи словаря старославянского языка (SJS), имеется подробная инструкция о составлении словарных статей Словаря русского языка XI–XVII вв., и т.д.²² Структуры словарных статей таких словарей как Срз, СлРЯ, СДРЯ и SJS оказались весьма схожими. Существенно отличается от них структура ЭССЯ.

База данных указателя источников Картотеки ДРС (БД УКАЗАТЕЛЬ), содержит сведения о шифрах источников расписанных в Картотеке, полном их наименовании, а также элементах этих наименований, например, где издания, издатель, пагинации и др.²³

Перечисленные и рассмотренные базы данных тематического исследования являются независимыми друг от друга, однако они содержат поля, которые позволяют их объединять в сложные модели данных. **Конструирование моделей данных как объединение по множеству выбранных признаков различных материалов тематического исследования — это способ решения второй задачи использования информационной технологии в разрабатываемом новом типе лексикологического исследования.**

Термин "конструирование" широко используется в программировании и других информационных технологиях для описания процессов создания экранных и печатных форм представления информации, моделей и структур данных и другой инженерной деятельности пользователей ЭВМ по созданию новых информационных объектов. Современные программные средства поддержки такой деятельности получили название "Конструкторов".²⁴

²² Базы данных всех словарей (ЭССЯ, Срз, СлРЯ, СДРЯ и SJS) имеют двухтабличную структуру. Первая таблица является главной и содержит сведения относящиеся к заголовочному слову, а также ко всей словарной статье в целом. Вторая таблица — подчиненная, она содержит сведения о различных толкованиях заголовочного слова и соответствующий цитатный материал.

²³ База данных имеет двухтабличную структуру. Первая таблица содержит сведения о "простых" изданиях, а вторая — о составных и сериальных, таких как: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Акад. наук, Великие Миней-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием и др. Основу этой базы данных составляет материал подготовленного к переизданию Указателя источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. [Указатель 1984].

²⁴ В лингвистике термин "конструирование" используется Ю.Н. Карауловым. Он определяет лингвистическое конструирование как особое направление исследовательской деятельности, целью которой является построение новых лингвистических объектов с заданными свойствами: "лингвистическое конструирование — это совокупность обобщенных способов и приемов компиляции и комбинирования «образцов решения проблем», экстраполяции уже имеющихся, готовых теоретических и практических результатов, полученных в разных областях лингвистики и их прямого или эвристического использования для преодоления трудностей и решения проблем, возникающих в тех или других областях

Что дает это конструирование исследователю?

Во-первых, интегрированные материалы исследования это не просто некоторым образом сочленённые данные – это целостное представление исследователя о теме. В этом целом каждый элемент данных доступен как для отдельного, независимого анализа, так и для совместного, системного рассмотрения. При этом важнейшее значение приобретает явное представление тех связей, которые могут быть установлены между материалами исследования. Таким образом, конструирование моделей создает предпосылки интегральной визуализации материалов исследования, например, представления на экране дисплея одновременно (или в произвольно выбираемой последовательности) и элементов словарных статей, и картотечного материала, и сведений об источнике, и расширенного контекста из источника, и парадигмы анализируемого слова на множестве всего материала и т.д.

Во-вторых, модель взаимосвязи материалов исследования может быть сконструирована с целью поиска необходимых фактов, формирования промежуточных, например, более удобно организованных, выборок данных. В этом случае интеграция материала исследования представляет собой запрошенные пользователем данные, необходимые ему для анализа или выводов.

В-третьих, само объединение по некоторому признаку (возможно и по нескольким) разнородных материалов исследования, например, картотечных, словарных и источниковых, позволяет более глубоко осознать или аргументировать исследовательскую идею. Нельзя отрицать и возможность обнаружения латентных связей или даже некоторых незафиксированных исследователями фактов в собранном материале.

Решение второй задачи, таким образом, является предпосылкой решения последующих задач использования информационных технологий.

Для визуального представления исходных, промежуточных и результирующих материалов исследования в автоматизированной информационной системе используются два метода: интерактивное представление содержимого баз данных на экране дисплея и традиционная распечатка на принтере. В первом случае — это так называемые экранные формы, а во втором — отчеты. С помощью экранных форм и отчетов информация из баз данных исследования представляется пользователям в удобном и наглядном виде. Создание экранных форм и отчетов — это способ решения третьей задачи использования информационной технологии в разрабатываемом новом типе исследования по исторической лексикологии русского языка. Эффективность решения этой задачи во многом предопределяет успех тематического исследования и как исследования вообще, и как исследования нового типа.

Любое исследование нуждается во-первых, в четкой организации, а во-вторых, в хорошем ведении документации. Экранные формы представления материалов исследования должны обеспечить как первое, так и второе. Будучи средствами организации исследования, экранные формы призваны обеспечить эффективный ввод и первичную обработку материалов исследования, в тоже время, являясь формами ведения интерактивной документации, они обеспечивают доступ к любой из баз данных системы.

при построении новых лингвистических объектов. ... Новым лингвистическим объектом будем называть такое представление фактов, языковых данных, которое генерирует новую информацию о языке. Как правило, такие объекты получаются не в результате описания некоторого материала, а возникают как результат эксперимента, причем эксперимента, понимаемого широко" [Караулов 1981: 16].

В автоматизированной информационной системе каждому объекту поставлено в соответствие до пяти основных типов различных экранных форм и один тип отчета.²⁵

Кроме основных форм в системе используются вспомогательные формы, которые предназначены для справочного просмотра одного или двух полей объектов.

Возможность работы пользователя-исследователя с различными объектами достигается путем введения специальной информационной (инструментальной) панели, которая позволяет осуществлять выбор объектов и форм их представления, управлять процессом просмотра баз данных, а также взаимодействовать с другими программными средствами при проведении исследования. Всего в системе используется более семидесяти различных форм и отчетов.

Все множество экранных форм и информационная панель образует так называемый пользовательский интерфейс, отвечающий требованиям эргономики и эстетики. Он позволяет отойти от первичных форм представления материалов исследования — необозримых многоколоночных таблиц, и текстов, удобных только для таких исследовательских операций и процедур как: контроль полноты материала, сверка с источниками, подсчет статистических показателей и др.

Как бы четко ни были поставлены цели исследования и очерчен круг исходных материалов, всегда в процессе проведения исследования возникает некоторая неопределенность текущих шагов, действий. Она связана прежде всего либо с предположением существования, либо с действительным обнаружением в исходных материалах новых фактов или взаимосвязей между ними. Устранение неопределенности в принятии тех или иных решений происходит за счет выполнения поисковых процедур и операций в исходных материалах, или, в нашем случае, в основных базах данных. Результатом этих исследовательских действий является единичный факт или группа фактов, которые следует рассматривать как промежуточные данные

²⁵ Описание типов экранных форм и отчета:

1. **Т и т у л** — данная форма предназначена для ознакомления с общими сведениями о соответствующем объекте. Форма содержит: красочную заставку; краткое описание исследовательского материала, состава и структуры таблиц баз данных; сведения об авторах-разработчиках баз данных и форм их представления. Эта информация представлена в виде гипертекста, что делает возможным уточнения приведенных в ней фактов.

2. **С т а т ь я** — данная форма предназначена для просмотра словарной статьи соответствующего словаря. В формах этого типа на экран дисплея выводится словарная статья полностью, почти так, как она выглядит в словаре. Кроме этого указывается издание и страница, т.е. полное библиографическое описание приводимой словарной статьи.

3. **С х е м а** — это форма графического представления структуры словарной статьи, она предназначена для улучшения ориентации пользователя при работе со словарными базами данных во время выполнения поисковых и запросных процедур и операций.

4. **Т а б л и ц а** — эта форма предназначена для ввода информации в базы данных. Она содержит поля с полным описанием словарной статьи (изображением карточки или расширенного контекста цитаты) и поля для фиксации выделенных сведений. В процессе ввода данных словарная статья расписывается по полям этой экранной формы, которые однозначно соответствуют полям баз данных.

5. **З а п и с ь** — эта форма является основной для просмотра баз данных, в тоже время она используется и для их заполнения. В ней представлены все поля соответствующей базы данных, а также специальные средства — управляющие кнопки, которые позволяют вызвать для просмотра другие формы. Так, например, при просмотре базы данных Словаря русского языка XI–XVII вв., созданного на основе Картопки ДРС, имеется возможность просмотреть изображение рукописной карточки, послужившей основой для соответствующей цитаты, или получить полное описание источника по его шифру.

6. **О т ч е т** — представляет собой форму распечатки на принтере материалов исследования. Отчеты специально созданы для каждого объекта.

исследования. В тех случаях, когда возникает необходимость фиксации результата поиска некоторых данных, а в общем случае преобразования исходных материалов исследования, создаются производные базы данных. Создание производных баз данных для представления промежуточных материалов исследования — это способ решения четвертой и пятой задач использования информационной технологии в разрабатываемом новом типе исследования по исторической лексикологии русского языка.

Производные базы данных исследования условно можно разделить на три типа: вспомогательные справочные материалы, многоаспектные выборки, новые лингвистические объекты.

База данных списка литературы (БД БИБЛИОГРАФИЯ) содержит вспомогательные справочные материалы, традиционно сопровождающие любое исследование — список библиографических описаний цитируемой и отсылочной литературы в основном в авторском исследовании.

База данных именного указателя исследования (БД ИМЕНА) — это список имен, упоминающихся в материалах исследования, причем как в самом авторском исследовании, так и в словарных статьях.

Базы данных запросов (БД ЗАПРОСЫ) содержат результаты многоаспектных выборок, таких как: разные типы сочетаемости ключевых слов, частотность употребления в искомом значении, список соответствующих греческих слов и др.

Новыми лингвистическими объектами, созданными на основе материалов исследования являются три базы данных: Выписки, Глоссарий и Исследование.

База данных выписок (БД ВЫПИСКИ). Наличие именно этой базы данных позволяет заниматься запросами, часть из которых упомянута выше.

База данных глоссария исследования (БД ГЛОССАРИЙ) содержит список всех словоформ, встретившихся в цитатах, иллюстрирующих заголовочные слова, соответствующего словаря. Каждой словоформе соответствует, с одной стороны, слово в основной форме — лемма, а с другой, — сведения о ее "адресе", в качестве которого рассматривается набор таких сведений о словоформе как: словарь, заголовочное слово той словарной статьи, где она встретилась и другие сведения, позволяющие однозначно указать ее местонахождение. Такое представление глоссария позволяет рассматривать его не просто как список словоформ, но и как расширенный словник, содержащий в качестве дополнительной информации список возможных словоформ, а также как словоуказатель, по которому можно обнаружить то место в Словарях где было употреблено соответствующее слово (лемма или словоформа).

База данных авторского исследования (БД ИССЛЕДОВАНИЕ) — это особенная с точки зрения способов технической реализации база данных. Знакомясь со статейным вариантом авторского исследования по слову **ОКО** (первая часть данной статьи), читатель не мог не обратить внимание на его *гипертекстовую форму*: во-первых, на нарочито подчеркнутую фрагментацию текста исследования; а во-вторых, на значительное число ссылок в тексте на карточки Картоотеки (их в приведенном фрагменте более 130), словарные статьи различных словарей, источники (общее количество отсылочных элементов к источникам — 112) и, наконец, другие слова, например, **ТЕЛО**, **УХО**, **ЛИЦЕ**, **СЕРДЦЕ** и др. В Автоматизированной информационной системе такая фрагментация текста позволяет разместить его части в различных полях базы данных, а ссылки по желанию пользователя могут активизировать экранные формы, представляющие соответствующие элементы системных объектов — отдельную карточку из БД КАРТОТЕКА, словарную статью или ее часть из базы данных некоторого словаря, полное описа-

ние источника из БД УКАЗАТЕЛЬ, фрагмент авторского исследования по другому слову и т.д.

Способ технической реализации БД ИССЛЕДОВАНИЕ позволяет пользователям системы работать с ее содержимым как с гипертекстом. Хотя это и техническое решение, но недооценивать его значение для предлагаемого типа тематического исследования не следует. Его можно рассматривать как своеобразный мостик между описательной и структурной формами представления лингвистического знания.

Любое исследование останется "вещью «для себя»", если его автором не будет найдена форма представления полученных результатов для коллег по научному цеху. Использование современной информационной технологии позволяет не только предоставить в распоряжение широкого числа потенциальных пользователей результаты исследования, но и дает возможность пройти вместе с исследователем его путь или двигаться по материалам самостоятельно. Автоматизированная информационная система, о которой идет речь в данной статье, как информационно-программное изделие размещается на лазерном диске. Запись исходных, промежуточных и результирующих материалов исследования на лазерные диски и распространение их — это способ решения шестой задачи использования информационной технологии в разрабатываемом новом типе исследования по исторической лексикологии русского языка.

Выбор лазерных дисков в качестве носителя информации исследования обусловлен несколькими причинами: во-первых, на сегодня лазерные диски, благодаря своим характеристикам (стоимости, надежности, емкости, быстродействию и др.) являются самым модным и распространенным компьютерным носителем данных; во-вторых, перспектива их лидирующей позиции среди других носителей информации на ближайшее время (время актуальности материалов и результатов исследования) выглядит весьма оптимистично; в-третьих, возможна запись не только единичных дисков — заказных CDR²⁶, но и тиражных — CD ROM.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С.* 1977 – Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. (Переизд. М., 1997).
Апресян Ю.Д. 1995 – Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ. 1995. №1.
Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. 1997 – О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // ВЯ. 1997. № 2.
Бахвалова Т.В. 1996 – Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. Орел, 1996.

²⁶ Диск (заказной CDR) с записанной автоматизированной информационной системой тематического исследования "Человек", включает следующие составные части:

Программное обеспечение: Run time PARADOX ver.5.0 for Windows; программная оболочка LEXLAB (инструментальная среда разработчика — PARADOX ver.5.0 for Windows, язык программирования методов ObjectPAL).

Информационное обеспечение: библиотеки графических файлов тематической подборки карточек Картотеки ДРС и расширенных контекстов цитат; базы данных тематического исследования (КАРТОТЕКА, ЭССЯ, Срз, СлРЯ, СДРЯ, SJS, УКАЗАТЕЛЬ, ЗАПРОСЫ, ВЫПИСКИ, ГЛОССАРИЙ, БИБЛИОГРАФИЯ, ИМЕНА, ИССЛЕДОВАНИЕ и др.).

Лингвистическое обеспечение: шрифты KDRS old Cyr, Andrew Greek, и др.

Организационное обеспечение: техническая документация программной оболочки LEXLAB; методические указания по проведению тематических исследований.

Технической средой для автоматизированной информационной системы тематического исследования "Человек" является компьютер типа IBM PC (конфигурация опытной эксплуатации системы: Pentium 133/32/256/1 2 Gb — свободно мин. 100 Mb/CD ROM DRIVE 18x/ SVGA 1280x1024/VC 2 Mb/ системное программное обеспечение WINDOWS 95 - rus).

- Богатова Г.А. 1984 – История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
- Богатова Г.А. 1995 – От исторического словаря к исторической лексикологии русского языка // Южно-славянский филолог. LI. Београд, 1995.
- Буслаев Ф. 1848 – О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М., 1848.
- Виноградов В.В. 1994 – История слов. М., 1994.
- Виноградова В.Л. 1965-1984 – Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Вып.1-6. М., 1965-1984.
- Герменевтика – Герменевтика древнерусской литературы. Сборник III. М., 1992.
- Дамаскин – Точное изложение православной веры. Творение св.Иоанна Дамаскина. С греч. перев. Александр Бронзов. СПб., 1894. (Переизд. Ростов-на-Дону, 1992).
- Дан. Зат. – Лексика и фразеология "Моления" Даниила Заточника. Л., 1981.
- Державина Е.И., Филиппович Ю.Н. 1997 – Историко-лексикографические исследования и компьютер (на материале Словаря русского языка XI–XVII вв.) // Новая деловая книга. 1997. №23–24.
- Дубровина В.Ф. 1974 – К изучению слов греческого происхождения в сочинениях древнерусских авторов // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Звездова Г.В. 1996 – Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Воронеж, 1996.
- Изб. 1073 г. – Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 1. Исследования и текст. София, 1991.
- Ист.-культ. асп. лексикогр. – Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.
- Ист.-культ. асп. лексиколог. – Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. 1–2. М., 1991.
- ИЭСЧ – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. М., 1993.
- Камчатнов А.М. 1995 – Лингвистическая герменевтика. На материале древнерусских рукописных источников. М., 1995.
- Караулов Ю.Н. 1981 – Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Колесов В.В. 1986 – Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
- Лекс.груп. – Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М., 1991.
- Лихачев Д.С. 1979 – Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Лукина Г.Н. 1990 – Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990.
- Максимович К.А. 1996 – Терминология церковно-канонического и гражданского права в древнейшем славянском переводе "Пандектов" Никона Черногорца. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Молдован А.М. 1994 – Лексика древнерусского перевода в региональном аспекте. М., 1994.
- Одинцов Г.Ф. 1980 – Из истории гипологической лексики в русском языке. М., 1980.
- Павленко А.Н. 1997 – Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // Философско-религиозные истоки науки. М., 1997.
- Палама Г – Беседы (омилии) иже во святых отца нашего Григория Паламы, архиепископа фессалонийского. Пер. с греч. архимандрит Амвросий (Погодин). Монреаль, 1974. Ч. II.
- Палама Г. Триады – Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М., 1996.
- Попов А. 1883 – Влияние церковного учения и древне-русской духовной письменности на мирозерцание русского народа и в частности на народную словесность в древний допетровский период. Казань, 1883.
- Романова Г.Я. 1975 – Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IV (А–М). М., 1988–1991.
- СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–23. М., 1975–1997.
- Соломонов Л.А., Филиппович Ю.Н., Шульгин В.Л. 1990 – Персональные автоматизированные информационные системы и дисплейные комплексы. М., 1990.
- Срз. – Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989 (Репродуц. изд. 1893–1912 гг.).
- Старосл. сл. – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Цейтлин Р.М., Вечерки Р. и Благовой Э. М., 1994.

- Судаков Г.В. 1985 – Русская бытовая лексика XVI-XVII вв. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1985.
- Трубачев О.Н. 1959 – История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Трубачев О.Н. 1960 – Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Трубачев О.Н. 1987 – Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI-XVII вв. М., 1987.
- Указатель 1984 – Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI-XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений / Сост. С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова. М., 1984.
- Филиппович Ю.Н. 1987 – Машинный фонд русского языка — системотехническая концепция // Вторая всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка (тезисы докладов). М., 1987.
- Филиппович Ю.Н., Родионов Е.В., Черкасова Г.А. 1990 – Языковые средства диалога человека с ЭВМ. М., 1990.
- Флоровский Г.В. 1992 – Восточные Отцы IV-го века. Ч. I. Париж, 1931. (Переизд. М., 1992)
- Черных П.Я. 1956 – Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.
- Чернышева М.И. 1994а – Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе "Хроники" Иоанна Малалы // Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.
- Чернышева М.И. 1994б – Проблемы влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1994.
- Чернышева М.И. 1995 – К вопросу о греческих и латинских оригиналах источников Словаря русского языка XI-XVII вв. // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.
- ЭСФ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перев. Трубачева О.Н. Т.1-4. М., 1986-1987.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. Трубачева О.Н. Вып.1-24-. М., 1974-1998-.
- Hornby et al. 1963 – Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1963.
- Kittel G. 1966-1973– Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament/ Begründet von G.Kittel, hrsg. von G.Friedrich. Bd.I-IX. Stuttgart, 1966-1973.
- Lampe G.W.H. 1965 –A Patristic Greek Lexicon. Fasc.4. Oxford, 1965.
- Patrologia – Patrologiae cursus completus. Series graeca. Parisiis.
- Sadnik L. 1967: Des hl. Johannes von Damaskus "Εκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Hrsg. von L.Sadnik. Bd.I. Wiesbaden, 1967.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. 1– 49-. Praha, 1958–1995.

© 1999 г. С.В. КНЯЗЕВ

**О КРИТЕРИЯХ СЛОГОДЕЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ТЕОРИЯ ВОЛНЫ
СОНОРНОСТИ И ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ**

В современной лингвистике слогом называется фонетико-фонологическая единица¹, занимающая промежуточное положение между звуком и речевым тактом [Кодзасов 1990: 470].

Некоторые фонетические свойства слога:

1. Слог является минимальной произносительной единицей (при речепроизводстве он выступает не как простая последовательность сегментов, а как цельный артикуляционный комплекс, на который формируется специальная моторная программа) и оперативной единицей принятия решений при восприятии.
2. Слог является минимальной единицей, внутри которой действуют правила коартикуляции.
3. С точки зрения речевой аэродинамики, слог есть минимальный звуковой отрезок, на который приходится нарастание и спад величины воздушного потока ("дыхательный импульс"). В акустическом сигнале "дыхательному импульсу" соответствует восходяще-нисходящая дуга звукового давления ("волна звучности") [Кодзасов 1990: 470]. Эти признаки слога являются универсальными.

Некоторые фонологические свойства слога:

1. Ограниченность класса допустимых схем, например, только последовательность СГ в гавайском или только СГ и СГС в арабском языке (где С – согласный, Г – гласный).
2. Наличие дистрибутивных ограничений, которые описываются в терминах слоговых позиций (например, оглушение звонких смычных в позиции конца слога в немецком: *Hande* [d] – *Hand* [t] – *handlich* [t], поэтому *Han-de*, но *hand-lich*; наличие в начале слога придыхательных, а в конце – глоттализированных согласных в английском языке, поэтому *a-trocious* [t^h], но *At-lantic* [t^h]).

¹ Термин е д и н и ц а в отечественной лингвистической традиции часто употребляется недифференцированно, по отношению как к самим объектам (сегментам и их комплексам), так и к их свойствам, вне этих объектов не существующим (ударению и интонации). При этом сами сегменты и все состоящие из них линейные последовательности (слог, фонетическое слово, синтагму и т.п.) принято называть сегментными единицами, а их характеристики (ударение, интонацию и иногда слог) – суперсегментными [Матусевич 1976: 14–15; Касаткин 1989: 179]; в другой традиции к первым относятся только звуки, а ко вторым – все остальные сущности [Панов 1984; 1979: 16; 1997: 76].

Возможно, более целесообразным было бы терминологически разграничивать эти два вида фонетических сущностей, т.е. фонетическими е д и н и ц а м и называть именно объекты – те элементы, которые могут существовать сами по себе и линейно сочетаться друг с другом: звук, звукотип, фонему, слог, фонетическое слово (такт), синтагму и фразу. Те же характеристики объектов, которые организуют сегменты в более крупные комплексы, – ударение, фразовый акцент и т.п., удобнее называть фонетическими суперсегментными признаками (ср. сходное словоупотребление в [Касаткина 1988]). Наконец, среди фонетических единиц было бы целесообразно разграничивать 1) с е г м е н т н ы е – минимальные (далее нечленимые, по крайней мере, в сознании носителей языка) линейные единицы фонетического и фонологического уровней – звук, звукотип и фонему, и 2) с у п е р с е г м е н т н ы е, более крупные, единицы (слог, фонетическое слово, синтагма, фраза), которые строятся из сегментов и организуются при помощи просодических признаков.

3. Компенсаторные отношения по длительности между гласным и последующим согласным – ГС: или Г:С (например, *witt / wit* в шведском языке).

4. Зависимость места ударения от количественной структуры слога (например, *ka-ta-bu*, но *ka-tAb-na* в арабском).

Эти свойства слога не являются универсальными – они определяются системой конкретного языка; например, в современном русском языке все эти признаки отсутствуют.

В зависимости от наличия/отсутствия фонологических признаков слога С.В. Кодзасов и И.А. Муравьева [Кодзасов, Муравьева 1980] предложили разграничивать так называемые "квантовые" и "волновые" языки.

В языках, где фонологические признаки слога присутствуют (а именно они, в отличие от фонетических, осознаются носителями языка), слоговые границы отчетливо выражены как в акустическом сигнале – при помощи целого ряда акустических параметров [Князев, Шатайкина 1993], так и в сознании носителей языка, которые не затрудняются в определении мест слогораздела в конкретных случаях. Такие языки, к числу которых относятся, например, германские, называются "квантовыми".

С другой стороны, в "волновых" языках (к числу которых относится и современный русский литературный язык, далее – СРЛЯ), где фонологические признаки слога отсутствуют, слоговые границы не являются выраженными ни в акустическом сигнале, ни в сознании носителей языка, что ведет к неодинаковому членению одной и той же последовательности сегментов при слогоделении разными носителями языка: «Русские звуковые цепи основаны на чередовании вокалических "вершин" и консонантных "склонов", слогоразделы в интервокальных комплексах согласных неопределенны ввиду невыраженности дистрибутивных схем слога (*о-стрый/острый/ост-рый*)» [Кодзасов 1990: 470]². Таким образом, носителями "волновых" языков отчетливо осознаются только слоговые вершины, которые реально существуют в речи, в отличие от слоговых границ, которые в обычном речевом поведении в таких языках отсутствуют³.

Другая важная проблема, связанная со слогоделением в "волновых" языках, – это проблема самого механизма слогоделения и статуса получаемых в его результате единиц. В языковом поведении носителей этих языков деления на слоги не происходит – ведь в процессе реального речепроизводства никогда не приходится членить высказывание на слоги, поэтому акустические показатели слоговых границ в речевом сигнале обычно отсутствуют. Подобное членение может происходить лишь в некоторых случаях вторичного речевого поведения – таких как скандирование или специальный эксперимент по слогоделению (при этом осуществляется оно обычно не путем разбиения слова паузами, а при помощи задержки артикуляции на конечнослоговом сегменте, который, таким образом, значительно удлиняется). В этих условиях могут быть задействованы особые речевые механизмы, не используемые

² Ср. еще: "Можно предположить наличие множественных слоговых моделей у взрослых носителей русского языка и неоднозначность правил вычленения этих моделей из целостного звукового облика слова. Факт существования в языковом механизме человека не одной, а нескольких слоговых моделей и использование носителями языка не одного, а нескольких типов слогоделения могут объяснить, с нашей точки зрения, наличие разных теорий слога в лингвистике" [Винарская и др. 1977: 20].

³ Существует, однако, и противоположная точка зрения на эту проблему, представленная, например, в работах М.В. Панова: "Где проходит слогораздел, когда мы слово *сестра* произносим обычно, естественно, без пауз? Сразу в трех местах: *се-с-т-ра*? Нет, это невозможно. Тогда бы получилось четыре слога, а не два. Может быть, мы и вовсе не делим слова на слоги, когда произносим их без пауз?.. Такое предположение тоже неверно. И в обычной речи у нас существуют слоги: *Три девицы под окном // Пряли поздно вечерком*. Заменяем слово *три* словом *эти*. Стих сразу захромал... Значит, слог существует для нас и тогда, когда мы не рублим слова паузами. Итак, слог – реальная единица в нашей обычной, естественной речи" [Панов 1979: 71]. Нетрудно заметить, что в данном случае вопрос о слоговых границах подменяется вопросом о количестве слогов (слоговых вершинах) – именно с количеством слогов связано нарушение стихотворного ритма при замене односложного слова двусложным; изменение же места слоговой границы ритма не нарушает: [пб-энь] или [пбз-нь] – совершенно несущественно для ритма.

носителями языка в обычном процессе порождения или восприятия речи. Единицы, получаемые в результате такой деятельности (так называемые "поверхностные" слоги⁴), могут не совпадать с единицами, обслуживающими процессы порождения/восприятия речи⁵; очевидно, что и вопрос о слогоделении не является существенным для описания фонетической системы подобных языков. Тем не менее, существует определенный набор правил, который используется носителем языка в тех случаях, когда он оказывается в ситуации, требующей установления места слоговых границ. Описанию этих правил и возможных стратегий их применения носителями СРЛЯ посвящена данная работа.

Одна и та же последовательность сегментов может в разных языках, во-первых, образовывать разное количество слогов (так, русское слово *коммунизм* обычно трехсложно, а английское *communism* – четырехсложно с конечным слоговым [m]), а во-вторых, по-разному разбиваться на слоги (так, сочетание *libra* в индоевропейских языках членится на два открытых слога, а в семитских – на последовательность из закрытого и открытого слогов). Однако, хотя слогоделение в конкретном языке специфично и зависит от некоторых свойств этого языка, существуют и некоторые универсальные принципы формирования слога и членения слов на слоги (см. об этом, например, [Steriade 1990]).

1. Первый такой принцип является по своей природе акустическим – это так называемый принцип восходяще-нисходящей дуги звучности или сонорности в слоге⁶ (Sonority Sequence Principle, далее – SSP), сформулированный еще в работах [Whitney 1865; Sievers 1881; Jespersen 1909]. Согласно этому принципу, степень сонорности сегментов увеличивается от начала (инициали, onset) к ядру (слоговому элементу, nucleus) слога и уменьшается от ядра к его концу (финали, coda).

Поэтому степень звучности (сонорности) в этом случае понимается уровень громкости, обратное пропорциональный степени сужения в речевом тракте при артикуляции данного звука: "The sonority of the segment is its loudness relative to that of other sounds with the same length, stress, pitch" [Ladefoged 1975: 219]; "a ranking on a scale that reflects the degree of openness of the vocal apparatus during speech production, or the relative amount of energy produced during the sound" [Goldsmith 1990: 110–111].

Шкала относительной звучности сегментов выглядит, как известно, следующим образом (в порядке возрастания звучности): {согласные} глухие взрывные – звонкие взрывные – глухие аффрикаты – звонкие аффрикаты – глухие фрикативные – звонкие фрикативные – носовые – плавные – глайды – {гласные} верхнего – среднего – нижнего подъема [Prince, Smolensky 1993: 11; Trask 1996: 327–328; Kenstowicz 1993: 280; Борковский, Кузнецов 1965: 45–46]. Степень сонорности конкретного сегмента может зависеть от позиции в слове: в словах типа *косм*, *драхм*, произнесенных в один слог, конечный носовой может быть не сонорнее предшествующих фрикативных (вследствие его оглушения и импловзивного произношения).

Принципиально иное понимание сонорности представлено в работах М.В. Панова (см. об этом ниже).

2. Второй универсальный принцип организации слога – "принцип дисперсии сонорности" (Sonority Dispersion Principle, далее – SDP) – можно назвать перцептивным [Clements 1990; Kenstowicz 1993: 283; Trask 1996: 327]. Этот принцип заключается в том, что нарастание сонорности в слоге должно быть как можно более резким (в случае, когда инициаль состоит из более чем двух сегментов, – ступенчатым, т.е. элементы инициали не должны находиться рядом на шкале сонорности) – типа *ta*, *tra*, а спад ее – постепенным, типа *aj*, *ajm*. В этом смысле наилучшими являются слоги типа *taj*, *trajm*, а наихудшими – слоги типа *nɬat* или *psnat* (хотя 1-й принцип в данном случае и не нарушается). Это ограничение связано, по-видимому, с универсальной

⁴ О противопоставлении поверхностных и двух типов глубинных слогов см. [Касевич 1983].

⁵ Есть основания полагать, что слоги этого рода могут быть только открытыми [Касевич 1983].

⁶ "Sonority – звучность, сонорность" [Баранов и др. 1996: 543].

тенденцией помещать консонантные элементы в том месте, где их восприятие наиболее удобно – так, для взрывных таким положением является позиция перед гласным, где всегда отчетливо выражен как взрыв согласного, так и формантный переход следующего гласного; в слове же типа *at* взрыв может отсутствовать при импловзивном произнесении согласного, а в случае типа *art* практически отсутствует и переходный участок. В целом, нет сомнений, что акустически (и перцептивно) контраст между словами *мак/так* выражен гораздо более ярко, чем между, например, *корм/корт*. Кроме того, человеческое восприятие устроено таким образом, что человек реагирует на рост интенсивности гораздо лучше, чем на ее спад. Наконец, именно рифма (ядро + финаль) чаще всего является полем реализации просодических явлений, связанных с тоном, вследствие чего финаль, состоящая из сонантов, предпочтительнее финали из шумных согласных.

Именно в соответствии с этим принципом слоговоеделение *за-твор*, *у-тро* предпочтительнее, чем *зам-вор*, *ум-ро*, хотя первый принцип допускает оба эти слогораздела, а *у-тка*, видимо, лучше, чем *ум-ка*, хотя и противоречит принципу нарастания звучности в инициали.

3. Третий универсальный принцип организации слога – принцип максимального начала слога (Maximal Onset Principle, далее – МОР) [Курилович 1962; Pulgram 1970; Vennemann 1972; Hooper 1972; Kahn 1976; Ito 1989; Steriade 1990]. Он заключается в том, что открытый слог, в целом, предпочтительнее закрытого, т.е. последовательность $ГC_1C_2...C_nГ$ членится на слоги как $Г-C_1C_2...C_nГ$.

4. Четвертый принцип является дистрибутивным и ограничивает третий: в начале слога допускаются только сочетания согласных, представленные в данном языке в начале слова и не противоречащие первому принципу (далее – МОР') [Курилович 1962; Pulgram 1970; Vennemann 1972; Hooper 1972; Kahn 1976; Ito 1989; Steriade 1990]. Так, в английском языке *a-trocious* [t^h], но *At-lantic* [t'] именно потому, что сочетание *tr* возможно в начале слова, а *tl* – нет (хотя оба они разрешены фонотактикой). Так же и в русском языке, например, в словах *бегство*, *абстрактный*, *эксплуатация*, *чистка*, *Эмма* первый слог, по-видимому, является закрытым, т.к. сочетания [кств], [пстр], [ктн], [кспл], [стк], [мм] невозможны в начале слова и, следовательно, слога (так, сочетание [стк] в начале слога обычно разбивается гласным: *соткать*, хотя *сплести*).

Проблема слога и слоговогоделения в русском языке давно привлекает внимание исследователей русской фонетики: одним из первых на эту тему высказывался еще в 1747 г. В.К. Тредиаковский [Тредиаковский 1849: 292], одна из последних работ принадлежит М.В. Панову [Панов 1995]. За это время было создано несколько теорий слоговогоделения в СРЛЯ – таковы, в частности, теория имплозии/эксплозии [Соссюр 1933: 64–76], теория мускульного напряжения [Щерба 1953] и теория слога как волны сонорности. Именно последняя теория, сформулированная на русском материале Р.И. Аванесовым [Аванесов 1956; 1954] и подробно разработанная в трудах М.В. Панова [Панов 1967; 1979; 1995; 1997], является сейчас наиболее распространенной (в частности, именно она излагается в большинстве учебников фонетики СРЛЯ). При этом все существующие в отечественной лингвистике теории строятся на каком-либо о д н о м критерии слогораздела – акустическом (Р.И. Аванесов), артикуляционном (Л.В. Щерба и Ф.де Соссюр), дистрибутивным (В.К. Тредиаковский), хотя один изолированно применяемый принцип не позволяет предсказать место слоговой границы во всех конкретных случаях. Попробуем продемонстрировать это на примере сонорной теории слога, основные положения которой приводятся ниже.

– "Под сонорностью понимается то, что о б ы ч н о⁷ вкладывается в этот термин: степень участия тона в образовании звука" [Панов 1995: 29]. Следует заметить,

⁷ Здесь и далее выделения разрядкой в цитатах мои – С.К.

вропрочем, что такое понимание термина "сонорность" отнюдь не является обычным и не встречается в других работах; совсем в другом значении употребляли его и Р.И. Аванесов (идеи которого развивает М.В. Панов), считавший, что степень звучности глухих и звонких шумных согласных одинакова (при том, что по степени участия тона они, конечно, не идентичны) [Аванесов 1956: 42], и П.С. Кузнецов: "Под звучностью звука понимается величина, прямо пропорциональная относительной слышимости звука на расстоянии при прочих равных условиях" [Борковский, Кузнецов 1965: 45]. Наконец, не вполне ясно, что понимается под "степенью участия тона в образовании звука" – ведь голосовой источник является одинаковым при артикуляции любого звонкого сегмента, так что вряд ли можно считать, что, например, у сонорных согласных или у гласных тона "больше", чем у шумных согласных.

В соответствии со своим пониманием сонорности М.В. Панов и его последователи выделяют всего четыре группы сегментов (в порядке возрастания сонорности, т.е. степени участия тона): 1) глухие шумные согласные, 2) звонкие шумные согласные, 3) сонорные согласные, 4) гласные [Панов 1967: 172; 1979: 71–72; 1995: 29].

– "У с т а н о в л е н о, что в русском языке в большей части сочетаний согласных между гласными слогораздел проходит перед сочетанием, в связи с чем неконечный слог слова обычно бывает открытым" [Аванесов 1956: 42].

– "Законы русского слога: 1. Только слог, конечный в слове, может быть закрыт шумным согласным. 2. Только слог, начальный в слове, может быть прикрыт сочетанием "сонорный + шумный согласный..." [Панов 1979: 78]; "Группа шумных согласных или группа согласных, состоящая из шумных согласных и заканчивающаяся сонорными согласными, принадлежит следующему за ними гласному: [а-тсб-хшть-йъ], [па-тс'н'э-жн'ик]..." [Панов 1997: 78].

– Методами инструментального исследования получить надежных результатов в области слога не удается [Аванесов 1956: 41; Панов 1995].

Эти положения данной теории вызывают вопросы, ответы на которые не всегда являются очевидными, а иногда отсутствуют.

Как уже отмечалось выше, слог в любом языке строится в соответствии с некоторыми универсальными принципами, и любая теория слога должна, по-видимому, учитывать в с е эти принципы. Сонорная же теория слога оперирует только одним правилом – правилом "восходящей звучности", хотя оно не позволяет объяснить целый ряд фактов русского языка.

Не совсем ясно, почему основное правило слога в сонорной теории называется законом или принципом восходящей звучности. Сам этот закон формулируется классиками сонорной теории совсем иначе, чем Sonority Sequence Principle. Напомним, что в соответствии с SSP в начале слога (в его инициали) каждый последующий сегмент должен быть более сонорным, чем предшествующий, а в конце слога (в финали) – наоборот, менее сонорным, чем предшествующий. Этот принцип не только не запрещает закрытые слоги (в том числе, закрытые шумными согласными), но и требует слогораздела типа *ут-ка*, т.к. при слогаделении *у-тка* второй слог оказывается прикрытым сочетанием из двух согласных, не различающихся по степени сонорности, что данному принципу прямо противоречит. Таким образом, утверждение о том, что "граница между слогами, по этой теории, проходит в местах наибольшего сонорного контраста" [Панов 1995: 29; 1979: 72] часто не соответствует действительности. О том, что сочетания из двух одинаковых по сонорности согласных действительно невозможны при строгом действии принципа восходящей звучности, см., например, о звуковых изменениях в праславянском [Бернштейн 1961; Хабургаев 1974: 155–156].

В формулировке же Р.И. Аванесова данный принцип выглядит следующим образом: "Основной закон слогораздела в русском языке заключается в том, что неначальный слог в русском языке всегда строится по принципу в о с х о д я щ е й з в у ч н о с т и, начинаясь с наименее звучного. При этом конечный звук неконечного слога бывает звуком наибольшей звучности, т.е. слоговым,... или звуком меньшей звучности –

сонорным, образуя закрытый слог" [Аванесов 1956: 42]. Таким образом, по-видимому, требование восходящей звучности относится сторонниками этой теории только к нефинальной части слога – поскольку в рифме допускается и падение звучности (в соответствии с теорией сонорности финаль может быть менее звучной, чем ядро в случаях типа *лам-па, кор-ка, пол-ка* и т.п.), не говоря уже о конечных слогах, которые могут быть закрыты и шумными согласными⁸; как, впрочем, и некоторые неконечные: см. слоговоеделение типа *ис-скота* [Аванесов, 1956: 42], [п'ьт-п'и-с'ат']⁹ [Панов 1997: 78], а также случаи типа *абстрактный, эксплуатация* (которые языковая интуиция не позволяет членить как *а-бстра-ктный, э-ксплуатация*). Однако и в случае, если требование восходящей звучности применяется только к инициали, слоговоеделение, предлагаемое сторонниками сонорной теории, как уже отмечалось, ему часто противоречит: в многочисленных в СРЛЯ случаях типа *утка, кошка, лавка* сочетания согласных не образуют дуги восходящей звучности – наоборот, в двух последних случаях более звучный согласный предшествует менее звучному (см. об этом ниже), т.е., в соответствии с теорией восходящей звучности, слогораздел должен проходить в этих случаях м е ж д у согласными, а не перед ними. Таким образом, утверждение о том, что "большинство фактов согласуется с этой теорией" [Панов 1997: 79], нельзя признать бесспорным: многие факты противоречат ей, поскольку восходящая звучность в СРЛЯ не обязательна ни в начале слога, ни в его конце.

В действительности же, хотя и имплицитно, слоговоеделение, предлагаемое сторонниками сонорной теории для СРЛЯ, строится скорее не на Sonority Sequence Principle и уж тем более не на принципе восходящей звучности, а на принципе максимального начала слога (Maximal Onset Principle), впрочем, без учета дистрибутивного ограничения MOR'. Для описания правил такого слоговогоделения принцип восходящей звучности не является необходимым (тем более, что предлагаемое сторонниками сонорной теории слоговоеделение ему постоянно противоречит); на самом деле, то, что принято называть "сонорной теорией слога/слоговогоделения" или "теорией волны сонорности", формулируется всего одним правилом с двумя-тремя ограничениями:

«Все слоги являются открытыми а) кроме конечных закрытых; б) неконечное сочетание "сонорный + шумный (шумные)" разбивается слогоразделом; в) сочетание двух одинаковых согласных разбивается слогоразделом: *ван-на*» (последнее ограничение есть у М.В. Панова [1997: 78] и отсутствует у Р.И. Аванесова).

Впрочем, и это правило не позволяет непротиворечиво описать все факты СРЛЯ, т.к. оно не допускает возможности существования неконечных слогов, закрытых шумными согласными, хотя такие слоги в СРЛЯ все же, по-видимому, существуют. Ведь кроме приводившихся выше случаев типа *э-ксплуатация, а-бстра-ктный* (добавим еще: *бе-гство, о-бстоятельство, чи-стка, о-ткрыть, о-тпуск* и т.п.), где ничто – кроме языковой интуиции – не препятствует подобному слоговоеделению, существуют еще и прямые свидетельства, противоречащие этому запрету. Сравним, например, слова типа *мысли* и *слить*. Очевидно, что второй слог первого слова, как и второе слово, начинается сочетанием [сл']. Сочетание же [сл'j] в начале слова в СРЛЯ недопустимо – не случайно в форме *солью* оно разбивается гласным; возможно ли в этом случае, что тв. п. ед. ч. слова *мысль* членится на открытые слоги – *мы-слью* ([мь'-сл'ju])? По-видимому, нет. Об этом же свидетельствуют случаи типа 1) *с трудом* и *без труда* (в обоих случаях гласного после [с]/[з] нет, и первый слог второго фонетического слова может быть открытым, т.к. сочетание [стр] возможно в начале слога), 2) *со льдом* и *безо льда* (в обоих случаях этот гласный есть, т.к. сочетания

⁸ Постулирование разных принципов строения конечных и неконечных слогов вызывает серьезные возражения [Бондарко, Павлова 1967]: если в языке допускаются только открытые слоги, то это ограничение всегда распространяется и на конечные слоги – ср. языки типа гавайского, позднего праславянского и т.п.

⁹ Вследствие наличия морфологического стыка.

[сл'д/зл'д], а также [л'д] невозможны в начале неначального слога и предпоследний слог в этих словах должен быть закрытым, слогоделение *соль-дом, бе-золь-да*), однако 3) *со вспышкой* (сочетание [сфсп] невозможно в начале слога и единственным способом его разбить является гласный в предлоге), но *без вспышки* (второго гласного в предлоге нет, следовательно единственный способ разбить сочетание [сфсп] – слогораздел [б'ис-фспы'шк'и]), а также *со вдовой – без вдовы, со всплеском – без всплеска, со страхом – без страха* ([б'ис-стра'хъ] и т.п. (мы придерживаемся точки зрения, согласно которой слогораздел не зависит от морфемного членения, по крайней мере, в рамках о д н о г о фонетического слова).

В литературе уже не раз отмечалось, что в действительности число градаций звуков по звучности значительно превышает те три или четыре ступени, которые выделяют в СРЛЯ Р.И. Аванесов и его последователи (см., например, [Бондарко, Павлова 1967: 12]), а степень звучности сегментов возрастает прямо пропорционально величине сужения в речевом тракте. Для СРЛЯ эта шкала выглядит следующим образом:

– (1) смычные	<i>п т к п ' т ' к ' (б д г б ' д ' г ')</i>
– (2) аффрикаты	<i>ц ч '</i>
– (3) фрикативные	<i>ф с ш х ф ' с ' ш ' х ' (в з ж в ' з ' ж ' ж ')¹⁰</i>
– (4) носовые	<i>м н м ' н '</i>
– (5) плавные	<i>р л р ' л '</i>
– (6) глайды	<i>ц</i>
– (7) гласные верхнего подъема	<i>и у у</i>
– (8) гласные среднего подъема	<i>е о ъ ь</i>
– (9) гласные нижнего подъема	<i>а</i>

Сделаем несколько пояснений к этой шкале.

Звучность плавных согласных выше, чем звучность носовых, что, в частности, отмечает и М.В. Панов: "слово *корм* односложно: его формула 1–4–3–2,5... слово *Кимр* при естественном произношении двусложно; и это понятие именно с точки зрения теории сонорности слога: *Кимр* 1–4–2,5–3, две сонорные волны" [Панов 1995: 30]¹¹. То же верно и для случаев типа *пальм* (всегда только один слог) и *Кремль* (допустимо два слога) и т.п. Наконец, общеизвестно, что плавные гораздо легче образуют слог, чем носовые. Очевидным следствием признания данного факта должно быть слогоделение *кор-ма, кор-млю, кар-ман, пол-но, силь-ный, сор-няк, шель-ма*, но *Ки-мры, зе-мля* и т.п.; тем не менее, согласно сонорной теории слогоделения, первые слоги во всех этих словах считаются открытыми.

С другой стороны, тот факт, что звучность (и, следовательно, способность к слогообразованию) фрикативных согласных выше, чем звучность взрывных, сторонники сонорной теории в своих описаниях слога не учитывают (возможно, именно потому, что степень участия тона в образовании этих звуков тоже одинакова), хотя это позволило бы объяснить именно с точки зрения сонорной теории то, что иначе представляет для нее "...настоящие трудности. В словах *ветвь, ветх, букв...* последние сочетания глухих согласных создают слог. С точки зрения теории слога как волны сонорности это необъяснимо. Теория здесь дает осечку" [Панов 1995: 30]. В действительности же слова с конечным сочетанием "взрывной + непереднеязычный

¹⁰ Тот факт, что [j] (в СРЛЯ – фрикативный согласный, в отличие от глайда [ц]) на шкале сонорности занимает место ниже, чем носовые и плавные, подтверждается случаями типа *мыслью, песнью*. Слова эти можно произнести по-разному: либо в два слога, и тогда нетрудно заметить, что после [л'], [н'] произносятся глайд [ц], либо с фрикативным [j] после [л'], [н'] – и тогда эти слова явно трехсложны, что возможно только в том случае, если [л'] и [н'] сонорнее обоих окружающих согласных.

¹¹ Отметим, что степень участия тона при произношении [м] и [р] / [л'] одинакова, поэтому не вполне ясно, почему плавные оказываются более сонорными, чем носовые, если под сонорностью понимается "степень участия тона при произнесении звука".

фрикативный" образуют дополнительный слог именно в силу того, что фрикативный согласный является более звучным, чем смычный.

Любопытно, что при этом сочетании "фрикативный + взрывной" в начале слова в СРЛЯ не образуют дополнительного слога (*фтор, второй*), что свидетельствует о более жестких ограничениях на структуру финали, нежели инициали. Здесь, впрочем, следует иметь в виду еще и тот факт, что наличие/отсутствие дополнительного слога может зависеть и от фонетической позиции конкретного сочетания сегментов. Так, сочетание "гласный + смычный + плавный" перед паузой обычно двусложно (например, *рубль, метр*), а абсолютно симметричное ему сочетание "плавный + смычный + гласный" после паузы воспринимается как односложное (например, *лбы, рты*). Дело здесь по-видимому, в том, что один и тот же очень краткий вокалический элемент, реально представленный в акустическом сигнале в обоих случаях, является достаточным для образования слога в заударной позиции, где и обычно слог образуется сильно редуцированным гласным (ср. [кádър] = *кадр* или *Янош Кадар*), но не является достаточным для восприятия его как гласного в позиции перед ударным гласным, где в СРЛЯ представлен гласный полного образования, практически не отличающийся от ударного. Точно такой же гласный призвук, разбивающий сочетание [ч'р'], обычно не образует дополнительного слога в положении перед ударным гласным – *чресла, чрево*, но, в естественном произношении, создает его, оказываясь в позиции непервого предударного слога – *учреждение, чрезвычайно*¹²; наконец, в тех же позициях наблюдается и пропуск гласного в речи малограмотных людей в случаях типа *крандаш, брахло* – именно вследствие акустического сходства сочетаний "согласный + [р]" и "согласный + [ъ] + [р]" (*пароход/проход* и т.п.).

Еще один факт, свидетельствующий о том, что фрикативные согласные сонорнее смычных: в словах с конечным сочетанием "гласный + фрикативный + носовой" типа *песнь, жизнь* и т.п. это сочетание скорее односложно, чем двусложно (либо вследствие оглушения носового – в первом случае, либо в силу вокализации фрикативного во втором контраст по степени звучности снимается); в то же время сочетание "гласный + взрывной + носовой" типа *ритм*, несомненно, двусложно. Наконец, об этом же свидетельствует тенденция к утрате конечного согласного или образованию дополнительного слога в сочетаниях [стф] (например, *чувств, яств* и т.п.), хотя сочетание из трех других согласных, каждый из которых является менее звучным, чем предыдущий, в СРЛЯ не упрощается и не образует дополнительного слога: *холст, горсть*.

Звучность взрывных согласных меньше как звучности фрикативных согласных, так и звучности аффрикат. Так, например, фамилия *Чкалов* в естественном произношении обычно трехсложна в речи большинства носителей СРЛЯ (с гласным призвуком между [ч'] и [к]) именно в силу этой причины. Это и неудивительно, так как наличие фрикативного элемента между двумя смычками приводит к образованию дополнительного слога. Кстати, можно предположить, что именно этот факт, а не диссимиляция по способу образования согласных, явился причиной изменения начального сочетания [ч'т] > [шт] в слове *что* при сохранении этого же сочетания в интервокальном положении (*мачта* и т.п.), где [ч'], видимо, закрывает первый слог (т.е. *мач-та, поч-та* и т.п.).

По отношению к степени звучности сегментов их различие по способу артикуляции

¹² Вряд ли можно принять объяснение, предложенное для подобных случаев М.В. Пановым: "именно фонология позволяет понять, почему сонорность первого согласного не идет в счет... В словах типа *рты* [ърты] перед сонорным находится краткий гласный. У него высший балл сонорности, он слогаобразующий. Но он вне системы, он не функционален... Как стоящий вне функционально-значимых единиц, этот слогаобразующий гласный фонологически игнорируется в звуковой цепи, а вместе с ним полностью дисквалифицирован и тот слог, который он образует" [Панов 1995: 41; ср. также Панов 1967: 176]. В этом случае не совсем ясно, почему иначе трактуется абсолютно идентичный гласный и не дисквалифицируется дополнительный слог в случаях типа *метр, психиатр* и т.п.

(фрикативный/взрывной) является более существенным, чем различие по наличию/отсутствию голоса – например, вероятность двусложного произношения слова *ритм* гораздо больше, чем такая же вероятность для слова *косм*, *драхм* или *песнь* (так как при оглушении конечного носового получается просто глухой смычный, менее звучный, чем предшествующий фрикативный), в то время как слова типа *ритм* и *догм*, *песнь* и *жизнь* по своей слоговой структуре не отличаются друг от друга (а если и отличаются, то только в том отношении, что произношение в два слога более вероятно именно для слова *жизнь*, так как в этом случае менее вероятен глухой носовой после звонкого фрикативного). Отметим также, что и сами по себе различия в степени звучности между глухими и звонкими фрикативными согласными связаны в первую очередь именно с величиной сужения в речевом тракте (большем при артикуляции глухих согласных).

На основании изложенного выше можно в общем виде сформулировать правило появления "дополнительного" слога в словах, оканчивающихся на группу согласных. Этот слог (который обычно образуется гласной вставкой, так как настоящие слоговые согласные в русском языке, в отличие от таких языков, как английский или немецкий, встречаются достаточно редко¹³) чаще всего имеет место в тех случаях, когда конечный согласный находится на шкале звучности более чем на одну ступень выше, чем предшествующий согласный, например:

- плавный (5) после взрывного (1): *метр, кадр, рубль*;
- плавный (5) после фрикативного (3): *мысль, динозавр*;
- носовой (4) после взрывного (1): *ритм, догм*;
- фрикативный (3) – кроме [с], [с'] – после взрывного (1): *ветвь*.

Если же конечный согласный превосходит предшествующий лишь на одну ступень, то образование дополнительного слога менее вероятно:

- плавный (5) после носового (4): *жанр*;
- носовой (4) после фрикативного (3): *песнь, жизнь*.

В целом же, чем выше позиция сегмента на шкале сонорности, тем легче он образует слог (если это согласный) и тем реже он бывает неслоговым (если это гласный) – так, самый сонорный [а] вообще не может быть неслоговым, а [о] и [е] бывают таковыми гораздо реже, чем [и] и [у].

Причиной отказа сторонников сонорной теории от изложенного выше понимания звучности является, по-видимому, стремление объяснить постулируемое ими как единственно допустимое в СРЛЯ слоговоеделение *па-ста, ко-фта, ма-чта* и т.п., а также, возможно, и наличие сочетаний "[с]/[з] + смычный согласный" ([сп], [ск], [зд] и особенно часто [ст]) в праславянском и всех славянских языках эпохи до падения редуцированных, в которых действительно был актуален закон восходящей звучности (то есть любой слог – в том числе начальный и конечный – мог заканчиваться только гласным, а каждый неначальный сегмент в слоге должен был быть более звучным, чем предшествующий [Ван Вейк 1957]; при этом не допускались даже сочетания согласных с одинаковой сонорностью – ситуация, повторим это еще раз, в корне отличная от ситуации в СРЛЯ). Тот факт, что в этих языках допускались сочетания "[с]/[з] + смычный", привел даже к тому, что в некоторых работах по старославянскому языку фрикативные согласные считаются менее звучными, чем смычные: «Смычные согласные о к а з ы в а ю т с я более звучными, чем фрикативные... Замечательно, что славянские языки того периода, когда тенденция к построению слогов по принципу возрастающей звучности была актуальной, очень чувствительны к малейшим различиям звуков речи по звучности... И если в слоге оказывалось более одного согласного, они следуют друг за другом только в порядке "фрикативный – смычный – носовой или в – плавный – гласный"; более звучный звук, как правило, был невозможен в положении перед менее звучным или равным ему по звучности; впрочем, есть исключение: *исходити, въсходити*» [Хабургаев 1974; 105–107].

¹³ Преимущественно в тех случаях, когда происходит редукция гласного до нуля, но слог сохраняется за счет вокализации согласного, например [т'эз'сы], [л'бг'къ] и т.п. [PPP 1973: 83].

При этом в позиции перед взрывным или фрикативным согласным в этих языках были возможны только переднеязычные [с], [з], и это совсем не отменяет того факта, что фрикативные согласные в целом являются более звучными, чем взрывные. Проблема сочетания "[с] + взрывной" в начале слога – это не проблема относительной звучности взрывных и фрикативных, а проблема особого статуса [с] (или переднеязычных фрикативных в целом) в структуре слога. Особый статус [с] как элемента, который не подчиняется закономерностям организации слога в индоевропейских языках (как древних, так и современных), обсуждается в фонетической литературе уже очень давно (см., например, [Anderson 1969]); обсуждение это привело исследователей к мысли о том, что согласный [с] является немаркированным с точки зрения организации слога – во множестве языков он, оказываясь в начале начальнослогового или в конце конечнослогового консонантного кластера, ведет себя как "прозрачный" (transparent) сегмент, как "пустое место"¹⁴. Таким образом, начальнослоговые сочетания "[с] + смычный" являются допустимыми и при актуальности закона восходящей звучности не в силу того, что фрикативные согласные являются менее сонорными, чем смычные, а вследствие особого статуса [с] как элемента, немаркированного с точки зрения структуры слога [Kenstowicz 1993: 258–259]. Этот факт позволяет объяснить и наличие сочетаний двух фрикативных (*и-сходити, въ-сходити*) даже в языках, очень чувствительных к малейшим различиям звуков речи по звучности, и разницу в слоговой структуре слов типа *икс* (всегда один слог), но *буков, ветвь, ветх* (возможно два слога).

С этой точки зрения вряд ли можно принять и положение о том, что в некоторых славянских языках «заметна тенденция избегать резкого возрастания звучности внутри слога, в связи с чем в тех случаях, когда рядом оказывались "крайние" по звучности согласные – свистящий и плавный, в ряде славянских диалектов между ними развивался смычно-взрывной: [зр] > [здр], [ср] > [стр]: *раздрешити, страмъ* и т.д.» [Хабургаев 1974: 107–108]. Конечно, в этих случаях появление взрывного согласного между [с]/[з] и [р] не может быть объяснено подобным образом. Во-первых, [т] и [д] являются менее звучными, чем [с] и [з]. Во-вторых, как уже отмечалось выше, в инициали наличие резкого нарастания звучности как раз предпочтительнее ее плавного повышения. В-третьих, точно такие же с точки зрения относительной звучности сегментов сочетания типа [сл], [хл], [хр] (*слово, хламъ, храмъ* и т.п.) взрывными согласными не разбиваются. В-четвертых, в некоторых диалектах (в том числе современных русских) такому же преобразованию подвергается сочетание [нр] > [ндр]: *ндрав* и т.п. Таким образом, эпентеза взрывного в подобных случаях, несомненно, связана не со структурой слога, а с артикуляционными трудностями, вызванными переходом от зубного фрикативного или носового к дрожащему переднеязычному согласному (сочетание типа [sr], [nr] вообще являются достаточно неустойчивыми во многих языках, в которых тенденция к восходящей звучности отсутствует).

С другой стороны, не представляется достаточно обоснованным и положение о том, что "тенденцию к восходящей звучности нельзя понимать фонетически, как стремление к непрерывному нарастанию интенсивности звука" [Гаспаров, Сигалов 1974: 58]. Наоборот, именно такое ее понимание (если иметь в виду, что в инициали предпочитается именно резкое нарастание звучности) может позволить объяснить целый ряд явлений, имевших место в праславянском языке, например:

- (*ds, *ts >) *ss > [s] [*нѣсъ, вѣсъ*]
- (*bs >) *ps > [s] [*зрѣсъ, оса*]
- *kx > [x] [*рѣхъ*]
- (*dt >) *tt > [st] (с немаркированным [s]: *вести*)

¹⁴ Ср. такое же поведение [в] по отношению к правилу ассимиляции по глухости/звонкости в СРЛЯ: перед сочетанием "[в] + гласный или сонорный согласный" глухие и звонкие согласные различаются – *от Васи [т], над Васей [д]*, а перед сочетанием "[в] + звонкий шумный" нейтрализуются в звонком шумном – *от вдовы [д], над вдовой [д]*).

*pn, *bn, *tn, *dn > [n] (*сънати*)

*skn > [sn] (*блъснути*)

*tm, *dm > [m] (*дамь*)

*pt, *bt > [t] (*длато*).

Нетрудно заметить, что во всех этих случаях устраняются начальнослоговые сочетания, в которых согласные являются одинаковыми либо близкими по степени звучности¹⁵.

Таким образом, на примере сонорной теории можно видеть, что попытка создать теорию слога в СРЛЯ с опорой на один критерий слогоделения ведет к тому, что

– критерий этот становится довольно аморфным (принцип восходящей звучности зачастую подменяется принципом открытого слога);

– многие языковые факты остаются без объяснения;

– искажается представление о других элементах фонетической системы (например, о шкале звучности) и других языковых системах (позднепраславянский и под.);

– игнорируется неединственность решений при слогоделении в СРЛЯ¹⁶.

Как же реально устроен механизм слогоделения в СРЛЯ? Можно предположить, что, попадая в ситуацию, требующую подобного речевого поведения, человек обращается к общим правилам организации слога, являющимся частью универсальной грамматики. В тех случаях, когда эти правила дают один результат (например, в последовательности СГСГ), членение осуществляется единственным образом. Если же результаты применения различных правил противоречат друг другу¹⁷, то может наблюдаться неединственность решений, связанная, по-видимому, с различиями в иерархической организации этих правил у разных носителей языка. Таким образом, данная иерархия в СРЛЯ оказывается фактом и индивидуальной грамматикой, что принципиально отличает русский и подобные ему волновые языки от языков квантовых, где подобная иерархия является жестко фиксированной¹⁸. Наконец, различным может быть и сам набор правил – в частности, за счет наличия или отсутствия в нем требования совпадения морфемной и слоговой структуры [Винарская и др. 1977; Касевич 1983].

Технически описание действия подобного механизма удобно представить в терминах

¹⁵ В заключение данной темы отметим, что шкала звучности, приводимая Г.А. Хабургаевым, принята не во всех работах по истории русского языка. Так, П.С. Кузнецов отмечает: "Внутри шумных согласных ф р и к а т и в н ы е з в у ч н е е , ч е м в з р ы в н ы е" [Борковский, Кузнецов 1965: 45–46], никак, впрочем, не объясняя наличие сочетаний типа *ст, сп, ск* в начале слога в древнерусском языке.

¹⁶ Это представляется наиболее существенным недостатком данной концепции, поскольку в современной фонетике тот факт, что "экспериментальное, психо- и нейролингвистическое изучение проблемы слогоделения дает объективно противоречивые результаты" [Касевич 1983: 106], является практически общепризнанным. Тем не менее, "некоторые лингвисты... просто отказываются принимать во внимание данные, относящиеся к речевому поведению человека... Если лингвист абсолютную однозначность слогоделения выводит фактически из недвусмысленности показаний носителя языка, то в тех случаях, когда носитель языка дает р а з н ы е варианты слогоделения, лингвист не должен стремиться снять эту неоднозначность в пользу того или иного единственного слогоделения. Как раз наоборот: приняв неоднозначность слогоделения в качестве данного, лингвист должен объяснить этот факт и в конечном счете найти для него место в своей теории" [Касевич 1983: 106–107]. Об этом же пишет и М.В. Панов: "Очевидно, каждая из теорий [слогоделения – С.К.] включает в себе часть истины. На их основе возможна обобщенная теория" [Панов 1967: 177].

¹⁷ Так, слогоделение типа *то-нка* удовлетворяет принципу открытости всех слогов (MOP), но противоречит дистрибутивному ограничению (MOP': *нк* невозможно в начале слова) и принципу восходящей звучности (SSP, т.к. [п] = [к] по степени звучности), а *мон-ка* – наоборот, удовлетворяя SSP и MOP', противоречит MOP, и оба эти слогораздела не соответствуют принципу дисперсии сонорности (SDP), т.к. в первом случае возникает сочетание *нк*, в котором степень звучности не увеличивается, а во втором происходит резкое падение звучности в финали.

¹⁸ Этим же могут объясняться и различия в слогоделении между разными диалектами русского языка – в частности, северными с преобладанием закрытых слогов и южными с преобладанием открытых [Паушошма 1977].

так называемой "теории оптимальности" (Optimality Theory, OT) широко распространенной в современной фонологии суперсегментных единиц [Prince, Smolensky 1993; Prince, Smolensky forthcoming; McCarthy, Prince 1986]. Ниже приводятся ее основные положения.

Согласно классическому варианту порождающей грамматики всякий раз в процессе построения высказывания каждая конкретная поверхностная форма порождается только один раз в одном уникальном виде путем применения строго определенной (обычно единственной) последовательности правил. В противоположность этому, теория оптимальности допускает порождение в с е х возможных поверхностных форм, которые затем анализируются специальным фильтром, включающим в себя целый ряд иерархически организованных правил (точнее, ограничений или запретов – "constraints") преимущественно фонотактического характера, и этот фильтр выбирает в качестве реальной поверхностной формы ту и только ту, которая нарушает ("violates") лишь ограничения, занимающие более низкое место в иерархии (или наименьшее количество этих ограничений при прочих равных условиях). Ограничения при этом являются частью универсальной грамматики (они свойственны всем существующим языкам), а специфика каждого конкретного языка состоит в иерархической структуре ограничений, которая может быть выведена на основании анализа конкретных фактов данного языка (поскольку в большинстве случаев известно, какая именно форма – или формы – реально засвидетельствованы в данном языке). При этом, естественно, ограничения не являются безысключительными и непротиворечивыми, однако чем выше место данного запрета в иерархии, тем реже он нарушается. Действие фильтра осуществляется поstepенно, от одного запрета к другому для всех возможных кандидатов; от ограничений, занимающих наиболее высокое место в иерархии, к менее существенным; при этом анализ данной формы на предмет ее соответствия запрету более низкого уровня имеет смысл только в том случае, если данная форма удовлетворяет запрету более высокого уровня (или этот запрет нарушают в с е возможные кандидаты). "The conception we pursue can be stated, in its purest form, as follows: Universal Grammar provides a set of highly general well-formedness constraints. These often conflicting constraints are all operative in individual languages. Languages differ primarily in how they resolve the conflicts: in the way they rank these universal constraints in strict dominance hierarchies that determine the circumstances under which constraints are violated. A language particular grammar is a means of resolving the conflicts among universal constraints" [Prince, Smolensky 1993: 3].

Эта концепция была впервые изложена на материале силлабификации во вполне экзотическом в этом отношении диалекте Imdlawn Tashlhiut Berber (далее – ИТВ¹⁹). Приведем пример того, как действует алгоритм OT на примере из этого диалекта [Prince, Smolensky 1993: 19–21]. Принс и Смоленски, вслед за Дениэлом Каном [Kahn 1976], отмечают, что при построении слога, в общем случае, сначала определяется ядро (слоговой элемент) слога, затем структура инициали, и лишь в последнюю очередь – строение финали. Однако в ИТВ, наоборот, выбор слогового элемента зависит от характеристик инициали, поскольку в нем наивысшее место в иерархии, регулирующей строение слога, занимает ограничение, запрещающее наличие неприкрытых слогов не в начале фразы (сокращенно – Ons). Другое ограничение, актуальное для ИТВ, занимает в иерархии более низкое место; оно называется принципом ядерной гармонии (Hnus) и сводится к тому, что ядром слога является элемент, превосходящий соседние элементы того же слога по степени звучности (низкий > высокий гласный > плавный > носовой > звонкий > глухой фрикативный > звонкий > глухой смычный). Действие алгоритма для формы /txznt/ ('он хранил') приведено в таблице (в стандартной терминологии OT – "tableau") в слегка упрощенном виде (формы, нарушающие запрет, отмечаются звездочкой (количество звездочек равно числу нарушений), слогораздел точкой, а слоговой элемент – прописной буквой):

¹⁹ Один из диалектов ташельхита – атласская подгруппа северной группы берберо-ливийских языков.

Возможные кандидаты	Ons	Hnuc	Комментарий
1. tX.zNt	OK	OK	победитель
2. Tx.zNt	OK	*	сонорность t < x
3. txZ.nT	OK	*	сонорность t < n
4. txZ.Nt	*		Hnuc иррелевантен
5. T.X.Z.N.T	****		Hnuc иррелевантен

Таким образом, самым неудачным вариантом является № 5 – основной запрет нарушен четыре раза; чуть лучше № 4 – только одно нарушение основного запрета; еще лучше № 3 и № 2, удовлетворяющие требованиям ONS, и нарушающие лишь Hnuc; единственным же оптимальным кандидатом является № 1, удовлетворяющий всем ограничениям – именно он и является победителем (и реально засвидетельствованной формой ГТВ).

Эта методика удобна и для описания механизма слогоделения в СРЛЯ. Так, для моей языковой компетенции иерархия ограничений на структуру слога выглядит следующим образом (в порядке убывания значимости):

1) MOP' (дистрибутивное ограничение: в начале/конце слога возможны только сочетания согласных, представленные в данном языке в начале/конце слова и при этом не упрощающиеся и не разбивающиеся вставным гласным);

2) SSP (в инициали – нарастание сонорности, в финали – ее спад);

3) MOP (закрытые слоги запрещены);

4) SDP (нарастание звучности в инициали должно быть резким, а падение ее в финали – плавным; при этом правильная организация инициали важнее).

Один из наиболее существенных вопросов, возникающих в этой связи, это вопрос о том, является ли данная иерархия произвольной или существуют какие-то реальные языковые факты, позволяющие предпочесть именно такую организацию ограничений. Как представляется, такие факты действительно имеются. Так, 3-й принцип не может быть высшим по рангу, поскольку в этом случае алгоритм будет порождать исключительно открытые слоги, в то время как неконечные закрытые слоги в СРЛЯ все же существуют (*лам-па, без-вдовы* и т.п.). Не может быть высшим по рангу и второй принцип, так как не любое сочетание согласных, удовлетворяющее ему, может начинать слог (например, [тн] не представлено в СРЛЯ в начале слова, поэтому *пят-но*, по-видимому, предпочтительнее, чем *пят-тно*); кроме того, сочетания, нарушающие это ограничение, широко представлены в СРЛЯ в начале слова ([жд], [шк], [фт], [шт] и т.п.). Самым принципиальным является вопрос об иерархии 2-го и 3-го принципов, ведь именно в зависимости от принятого в этом отношении решения алгоритм будет членить случаи типа *кошка* либо как *кош-ка* (2 > 3), либо как *ко-шка* (3 > 2). В качестве иллюстрации мы выбираем первый вариант, поскольку имеются данные о том, что он является более распространенным²⁰.

Повторим, что алгоритм действует следующим образом: сначала проверяется соответствие кандидатов 1-му, самому важному, запрету. Если ему удовлетворяет только один кандидат, то именно он является победителем и остальные запреты просто не

²⁰ Так, автор данной работы уже в течение многих лет проводит эксперимент со студентами 1-го курса филологического факультета МГУ (еще не знакомыми с сонорной теорией слогоделения) по установлению слоговых границ в подобных случаях; оказывается, что слогоделение типа *за-втра* (в соответствии с сонорной теорией) предпочтительно лишь приблизительно для 40% испытуемых, *зав-тра* – для 55% и *завт-ра* – всего для 5% (при этом практически все участники эксперимента, или 97%, согласны, что, в принципе, возможно и другое слогоделение). После изучения сонорной теории в качестве основной уже около 90% студентов 2-го курса предпочитают слогоделение первого типа.

рассматриваются; если же 1-му запрету удовлетворяют более одного кандидата (или если все они его нарушают, что для наиболее важного ограничения крайне маловероятно), то анализируется их соответствие второму в данной иерархии запрету, затем третьему и только в случае одновременного соответствия двух или более кандидатов всем трем первым запретам рассматривается их соответствие четвертому, наименее важному. Нарушение запрета отмечается звездочкой, соответствие – плюсом. Таким образом, проигрывает тот кандидат, который первым получает звездочку. Это место (то есть место, где было принято решение) отмечается восклицательным знаком (!).

В графе SDP звездочку получает тот кандидат, который удовлетворяет данному условию в меньшей степени.

Для удобства читателя победитель всегда приводится в верхней строке таблицы.

Для большей информативности звездочки и плюсы в таблицах проставлены и в тех случаях, когда действие запретов нерелевантно, поскольку решение уже было принято на более высоком уровне иерархии; в этом случае они заключаются в скобки.

Приведем некоторые примеры действия этого алгоритма:

1. Интервокальные сочетания из двух согласных.

1.1. Сочетания с возрастающей звучностью.

1.1.1. "Шумный + плавный или носовой":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>па-трон</i>	+	+	+	(+)
<i>пат-рон</i>	+	+	*!	(*)

1.1.2. "Носовой + плавный":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>зе-мля</i>	+	+	+	(*)
<i>зем-ля</i>	+	+	*!	(+)

1.1.3. "Взрывной + фрикативный"

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>век-ша</i>	+	(+)	(*)	(+)
<i>ве-кша</i>	*!	(+)	(+)	(*)

1.2. Сочетания с нисходящей звучностью.

1.2.1. "Плавный или носовой + взрывной":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>лам-па</i>	+	(+)	(*)	(+)
<i>ла-мпа</i>	*!	(*)	(+)	(*)
кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>кар-та</i>	+	(+)	(*)	(+)
<i>ка-рта</i> ²¹	*!	(*)	(+)	(*)

²¹ Отметим еще раз, что MOP' запрещает сочетание [рт] в начале слога, так как его н е т в начале слова (там возможно либо сочетание глухого [р] с [т], либо слогового – точнее, произношение с нефологическим гласным перед [р]). Очевидно, что ни того, ни другого нет в случае *парта*.

1.2.2 "Плавный + носовой":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>кар-ман</i>	+	(+)	(*)	(+)
<i>ка-рман</i>	*!	(*)	(+)	(*)

1.2.3. "Фрикативный + взрывной":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>кош-ка</i>	+	+	(*)	(+)
<i>ко-шка</i>	+	*!	(+)	(*)

1.2.4. "Плавный или носовой + фрикативный":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
(бурьян)				
[бур'-jáŋ]	+	+	(*)	(+)
[бу-р'jáŋ]	+	*!	(+)	(*)

1.3. Сочетания с одинаковой звучностью.

1.3.1. "Плавный + плавный":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>пар-ламент</i>	+	(+)	(*)	(+)
<i>па-рламент</i>	*!	(*)	(+)	(*)

1.3.2. "Носовой + носовой":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>кам-ни</i>	+	+	(*)	(+)
<i>ка-мни</i>	+	*!	(+)	(*)

1.3.3 "Взрывной + взрывной":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>топ-ка</i>	+	(+)	(*)	(+)
<i>то-пка</i>	*!	(*)	(+)	(*)

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>ут-ка</i>	+	+	(*)	(+)
<i>у-тка</i>	+	*!	(+)	(*)

1.3.4. "Фрикативный + фрикативный":

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>нас-ха</i>	+	+	(*)	(+)
<i>па-сха</i>	+	*!	(+)	(*)

1.3.5. "Носовой + носовой"

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>ван-на</i>	+	(+)	(*)	(+)
<i>ва-нна</i>	*!	(*)	(+)	(*)

1.3.6. "Фрикативный + фрикативный"

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>кас-са</i>	+	+	(*)	(+)
<i>ка-сса</i>	+	*!	(+)	(*)

2. Интервокальные сочетания из более чем двух согласных:

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>зав-тра</i>	+	+	*	+
<i>завт-ра</i>	+	+	*	*!
<i>за-втра</i>	+	*!	(+)	(*)
кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>абстракт-ный</i>	+	(*)	(*)	(*)
<i>абстрак-тный</i>	*!	(+)	(*)	(+)
<i>абстра-ктный</i>	*!	(*)	(+)	(*)

Интересно, что победителем может оказаться тот кандидат, который, в отличие от других, нарушает в с е запреты, кроме одного, но самого главного.

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>корм-лю</i>	+	+	*	+
<i>кор-млю</i>	+	+	*	*!
<i>ко-рмлю</i>	*!	(*)	(+)	(*)

([рм] в конце слога лучше, чем [мл'] в его начале)

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>чист-ка</i>	+	+	(*)	(+)
<i>чис-тка</i>	+	*!	(*)	(*)
<i>чи-стка</i>	*!	(*)	(+)	(*)

кандидаты (родство)	MOP'	SSP	MOP	SDP
[рац-твó]	+	(+)	(*)	(+)
[рацт-вó]	*!	(+)	(*)	(*)
[ра-цтвó]	*!	(*)	(+)	(*)

кандидаты	MOP'	SSP	MOP	SDP
<i>экс-плуатация</i>	+	+	*	+
<i>эк-сплуатация</i>	+	+	*	*!
<i>э-ксплуатация</i>	*!	(*)	(+)	(*)

кандидаты (мысле́лю)	MOP'	SSP	MOP	SDP
[мы́с-л'йу]	+	(+)	(*)	(*)
[мы́сл'-йу]	*!	(*)	(*)	(*)
[мы́-сл'йу]	*!	(*)	(+)	(*)

Таким образом, в большинстве тех случаев, когда решение о слогеделении принимается на основе дистрибутивного ограничения (MOP'), точно такое же решение было бы принято и при отсутствии этого ограничения в иерархии.

Вербально (в высшей степени неформально и без учета SDP) этот тип слогеделения может быть описан следующим образом: "Интервокальная группа согласных отходит ко второму гласному, при условии, что не создается консонантного сочетания, не

представленного в начале слова, и не нарушается закон восходящей звучности в инициали”.

Покажем теперь на примере слова *завтра*, что при другой иерархии запретов возможно и другое слоговое деление – например, такое, которое дает сонорная теория – для этого нужно лишь поменять местами MOP и SSP, т.е. признать, что принцип открытого слога важнее принципа восходящей звучности:

кандидаты	MOP'	MOP	SSP	SDP
<i>за-втра</i>	+	+	(*!)	(*!)
<i>зав-тра</i>	+	*!	(+)	(+)
<i>завт-ра</i>	+	*!!	(+)	(*!)

Вербально: "Интервокальная группа согласных отходит ко второму гласному, при условии, что не создается консонантного сочетания, не представленного в начале слова".

Гораздо сложнее создать модель, которая во всех случаях давала бы слоговое деление, постулируемое сонорной теорией (типа *то-пка*, *ра-сход*, *а-бстра-ктный*, *э-ксплуатация*, *чи-стка*, *ка-рман*, но *тай-на*, *лам-па*), поскольку при таком слоговом делении нарушаться могут все запреты, а иерархия их совершенно неясна. Единственно возможный вариант, как кажется, может выглядеть так:

1) SSP (с тем еще ограничением, что кроме нарастания сонорности допускается отсутствие ее изменения (взрывной + взрывной, фрикативный + фрикативный, носовой + носовой, плавный + плавный) и даже некоторый (но только, по-видимому, не очень большой) спад (фрикативный + взрывной, плавный + носовой, хотя не глайд + плавный: *ка-рман*, но при этом *сай-ра*);

2) MOP.

Легко видеть, что эта система является слишком непоследовательной (особенно в трактовке SSP, то есть именно того принципа, который считается основным).

В заключение отметим, что предлагаемая модель слогового деления позволяет описать не только факты речевого поведения взрослых носителей СРЛЯ, но и явления, связанные с процессом усвоения языка ребенком. Так, согласно данным, полученным Е.Н. Винарской, Н.И. Лепской и Г.М. Богомазовым, "слоговая структура речи формируется поэтапно на протяжении первых десяти лет жизни ребенка. В процессе интуитивного слогового деления детьми разного возраста используются разные правила" [Винарская и др. 1977: 19]. Это может означать, что принципы слогового деления усваиваются ребенком не сразу, а постепенно, начиная с MOP: самые младшие дети, способные разделить слово на слоги, делят любую последовательность сегментов на открытые слоги, например, *ка-рто-шка* [Винарская и др. 1977: 8]; с увеличением возраста появляются и закрытые слоги, что свидетельствует об усвоении остальных принципов²².

²² Я глубоко признателен своим коллегам по кафедре русского языка филологического факультета МГУ Е.Л. Бархударовой, И.А. Вещиковой, Е.А. Галинской, Д.Е. Дмитриеву, О.В. Кукушкиной, С.К. Пожарицкой, А.В. Птенцовой и М.Н. Шевелевой, а также С.В. Кодзасову (ИРЯз РАН) за то, что они нашли время прочитать несколько вариантов этой статьи и сделать целый ряд весьма существенных и чрезвычайно полезных замечаний и дополнений.

Пользуясь случаем, я бы хотел также сказать слова благодарности своим учителям – С.К. Пожарицкой, Р.Ф. Касаткиной, С.В. Кодзасову.

Special thanks to Bruce Hayes and Donca Steriade, Phonetics Laboratory, University of California, Los Angeles.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р И 1954 – О слогоразделе и строении слога // ВЯ. 1954. № 6.
- Аванесов Р И 1956 – Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956
- Баранов А Н и др 1996 – А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов, П.Б. Паршин, О.И. Романова Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. 1. М., 1996.
- Бернштейн С Б 1961 – Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. М., 1961.
- Бондарко Л В, Павлова Л П 1967 – О фонетических критериях при определении места слоговой границы // РЯЗР. 1967. № 4.
- Борковский В И, Кузнецов П С 1965 – Историческая грамматика русского языка М., 1965
- Ван Вейк Н 1957 – История старославянского языка. М., 1957
- Винарская Е Н и др 1977 – Е.Н. Винарская, Н.И. Лепская, Г.М. Богомазов. Правила слогоделения и слововые модели (на материале детской речи) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Гаспаров Б М, Сигалов П С 1974 – Сравнительная грамматика славянских языков. I. Тарту, 1974.
- Златоустова Л В и др 1971 – Л.В. Златоустова, С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова, И.Г. Фролова Алгоритмы преобразования русских орфографических текстов в фонетическую запись. М., 1971.
- Калынин Л Э, Масленникова Л И 1985 – Опыт изучения слога в славянских диалектах М., 1985.
- Касаткин Л Л 1989 – Фонетика // Русский язык / Под ред. Л.Ю. Максимова. Т. 1. М., 1989.
- Касаткин Л Л, 1991 – Касаткин Л Л. и др Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред П.А. Леканта. М., 1991.
- Касаткина Р Ф 1988 – Русская диалектная суперсегментная фонетика. Дис. ... док. филол. наук. М., 1988.
- Касевич В Б 1983 – Фонологические проблемы общего и восточного языкознания М., 1983.
- Князев С В, Шатайкина М С 1993 – О "сильном примыкании" // Проблемы фонетики. I. М., 1993.
- Кодзасов С В 1982 – Об универсальном наборе фонетических признаков // Экспериментальные исследования в психолингвистике. Новосибирск, 1982.
- Кодзасов С В 1990 – Слог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Кодзасов С В 1996 – Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996
- Кодзасов С В, Муравьева И А 1980 – Слог и ритмика слова в алюторском языке // Публикации ОСиПЛ МГУ. Филологический факультет. Вып. 9. М., 1980.
- Курилович Е 1962 – Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Матусевич М И 1976 – Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Панов М В 1967 – Русская фонетика. М., 1967.
- Панов М В 1979 – Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- Панов М В 1984 – О разграничении сегментных и суперсегментных единиц // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1984
- Панов М В 1995 – О слогоделении в русском языке // Проблемы фонетики II. М., 1995.
- Панов М В 1997 – Фонетика // Современный русский язык / Под ред В.А. Белошапковой. М., 1997
- Пауфощима Р Ф 1977 – О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- РРР 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973
- Соссюр Ф 1933 – Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Тредиаковский В К 1849 – Сочинения В.К. Тредиаковского Т. 3 СПб., 1849.
- Хабургаев Г А 1974 – Старославянский язык. М., 1974.
- Щерба Л В 1953 – Фонетика французского языка. М., 1953.
- Anderson St 1969 – West Scandinavian vowel systems and the ordering of phonological rules. Cambridge (Mass.), 1969.
- Clements G N 1990 – The role of the sonority cycle in core syllabification // Papers from the First Conference in Laboratory Phonology. Cambridge, New York, 1990.
- Clements G N, Samuel G Keyser 1983 – CV phonology: A generative theory of the syllable. Cambridge (Mass.), 1990.
- Dell F, Elmedlaoui M 1985 – Syllabic consonants and syllabification in Imdlawn Tashelhyt Berber // Journal of African Linguistics 7. 1985.
- Goldsmith J 1990 – Autosegmental and metrical phonology: an introduction. Oxford, 1990
- Hooper J B 1972 – The syllable in phonological theory // Language 48. 1972.
- Jespersen O 1909 – A Modern English grammar on historical principles. V. 1. Sounds and spelling. Heidelberg, 1909.
- Ito J 1989 – A prosodic theory of epenthesis // Natural language & Linguistic theory 7. 1989.
- Kahn D 1976 – Syllable-based generalizations in English phonology. New York, 1976.

- Kenstowicz M.* 1993 – Phonology in generative grammar. Cambridge (Mass.); Oxford, 1993.
- Ladefoged P.* 1975 – A course in phonetics. New York, 1975.
- Maddieson I.* 1984 – Phonetic cues to syllabification // UCLA Working papers in phonetics. 59. March 1984.
- McCarthy J., Prince A.* 1986 – Prosodic morphology. University of Massachusetts, Amherst, 1986.
- Prince A., Smolensky P.* 1993 – Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar. Rutgers University & University of Colorado, 1993.
- Prince A., Smolensky P.* (в печати) – Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar. Cambridge (Mass.).
- Pulgram E.* 1970 – Syllable, word, nexus, cursus. The Hague, 1970.
- Sievers E.* 1881 – Gründzüge der Phonetik. Leipzig. 5th ed., 1901.
- Sterade D.* 1990 – Syllables in phonology // International encyclopedia of linguistics. Oxford, 1990.
- Trask R.L.* 1996 – A Dictionary of phonetics and phonology. London, 1996.
- Vennemann Th.* 1972 – On the theory of syllabic phonology // Linguistische Berichte 18. 1972.
- Whitney W.D.* 1865 – On the relation of vowels and consonants // Journal of the American Oriental Society. V. 8. 1865.

© 1999 г. В.С. ХРАКОВСКИЙ

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ*

ВВЕДЕНИЕ

Уступительные конструкции, охарактеризованные в заглавии как универсальные (так их называют в общетеоретических работах и относят к уступительно-условным конструкциям, см., например, [König 1988]), в русистике именуются предложениями с обобщенно-уступительными отношениями (см. [Русская грамматика 1980]). Речь идет о конструкциях, в которых зависимая часть вводится не уступительными союзами, а местоименными и относительными словами (типа *кто, что, как, какой, сколько, где, куда, когда*)¹, а также частицей *ни*, называемой «усилительно-уступительной» [Русская грамматика 1980: 534] и частицей *бы* (не во всех случаях). При отсутствии частицы *бы* глагол может выступать в различных видовременных формах изъявительного наклонения и в форме так называемого условного наклонения, или квазимператива [Храковский 1995], а при ее наличии глагол употребляется в форме сослагательного наклонения (частица *бы* является компонентом этого наклонения). По мнению авторов «Русской грамматики», семантическая специфика этих уступительных конструкций заключается в том, что в них «акцентируется неопровержимость утверждаемого в главной части, несмотря на высокую степень убедительности контраргумента или вопреки силе препятствующих обстоятельств» [Русская грамматика 1980: 592]².

В настоящей работе мы предполагаем дать подробный формально-семантический анализ этих конструкций, т.е. рассмотреть отдельно конструкции с каждым из перечисленных местоименных и относительных слов, установить взаимную дистрибуцию видовременных глагольных форм в зависимой и главной части конструкции, возможность или обязательность употребления частицы *бы*, а также семантические особенности каждой конструкции. В частности, мы хотим проверить, насколько справедлива характеристика всех этих конструкций как уступительно-условных. Соответственно мы хотим проверить адекватность приведенного выше содержательного определения этих конструкций. Кроме того, в работе проводится эксперимент по подбору для каждой конструкции эквивалентной (или максимально близкой) по смыслу «стандартной» конструкции, в которой используются, насколько это возможно, такие же знаменательные лексемы, аналогичные типы семантических и синтаксических связей, но при этом зависимая часть вводится уступительными союзами. При наличии стандартных конструкций можно было бы попытаться установить, каковы прагматические различия между соотносительными стандартными и нестандартными обобщенно-уступительными конструкциями. В силу специфики работы мы будем в основном пользоваться специально составленными примерами, приводя литературные примеры, заимствованные из текстов, словарей и грамматик лишь в иллюстративных целях. При этом отметим, что обобщенно-уступительные конструкции встречаются во всех стилях речи за исключением официально-делового (ср. [Ширяев 1996]).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект № 96-04-06079.

¹ Перечисленные слова, имеющие парадигму склонения, могут употребляться в различных падежах.

² Как мы увидим в итоговых замечаниях, семантическая специфика этих конструкций несколько отличается от той, которую усматривает «Русская грамматика».

Характеризуя структуру работы, отметим, что в первом и втором разделе представлены две группы рассматриваемых конструкций: неитеративные и итеративные, а в итоговых замечаниях излагаются основания этой классификации и основные результаты проведенного исследования.

1. НЕИТЕРАТИВНЫЕ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1.1. Уступительные конструкции, в которых зависимая часть вводится словами *как ни* и *как бы ни*.

Конструкция со словами *как ни* может выступать в различных вариантах, которые меняют видовую характеристику и временную локализацию положений дел, выражаемых в обеих частях конструкции: зависимой (ЗЧ) и главной (ГЧ). Ср.:

- (1) а. *Как я ни старался (НСВ) решить задачу, она у меня не получилась (СВ).*
- б. *Как я ни старался (НСВ) решить задачу, она у меня не получалась (НСВ).*
- в. *Как я ни стараюсь (НСВ) решить задачу, она у меня не получается (НСВ).*

Следующий вариант этой конструкции, как нам представляется, находится на грани нормы:

- (1) г. **Как я ни стараюсь (НСВ) решить задачу, она у меня не получится (СВ).*

Употребление формы будущего времени НСВ в ЗЧ данной конструкции не кажется приемлемым:

- (1) д. **Как я ни буду (НСВ) стараться решить задачу, она у меня не получится (СВ) / не будет (НСВ) получаться.*

Рассмотренная конструкция является фактивной, а выражаемые в ней положения дел имеют конкретную временную локализацию. Слова *как ни* выражают смысл высокой степени (осуществления признака), который обычно выражается словами типа *очень* (ср. [Русская грамматика 1980: 535]). Вместе с тем слово *очень*, которое в принципе сочетается с глаголом *стараться* (как и с другими глаголами, обозначающими градуируемый признак), в этой конструкции не употребляется:

- (1) е. **Как я **очень** ни старался (НСВ) решить задачу, она у меня не получилась (СВ).*

Смысл высокой степени может также идиоматически выражаться наречиями *сильно*, *крепко*, *слишком* и т.п., которые весьма избирательно сочетаются с глаголами (и другими предикатными словами), обозначающими градуируемый признак. Специфика этих слов заключается в том, что они обычно обязательно выступают в ЗЧ при глаголах, в принципе не сочетающихся со словом *очень*, и самостоятельно выражают указанный смысл, см. (2а), (4). Изложенное позволяет предложить в качестве эквивалентной по смыслу конструкции (1а) следующую стандартную уступительную конструкцию:

- (1) ж. *Хотя я **очень** старался (НСВ) решить задачу, она у меня не получилась (СВ).*

Прагматическое отличие конструкции (1а) от конструкции (1ж), очевидно, состоит в ее превышающей условную норму эмоциональной выразительности, для обозначения которой преимущественно используется ярлык 'экспрессивность' (ср. [Перцов 1998: 89]). Соответствующие эквивалентные конструкции естественно могут быть подобраны и для конструкций (1б)–(1г). Важно еще раз подчеркнуть, что в ЗЧ рассмотренных конструкций могут употребляться лишь глаголы (и другие предикатные слова), которые обозначают градуируемые признаки. Такова специфическая семантическая особенность данной конструкции. Следует также отметить, что именные группы этой конструкции могут обладать не только конкретной, но и обобщенной референцией, см. (2б).

Что касается уступительной семантики этой конструкции, то она ничем не отличается от семантики прототипических фактивных уступительных конструкций и соот-

ветственно толкуется следующим образом: 'имеет место Р и имеет место не-Q; не-Q не следует из Р; по мнению говорящего, из Р нормально должно следовать Q' (ср. [Храковский 1998]).

К формальным особенностям рассматриваемой конструкции следует отнести то, что ее ГЧ при препозиции ЗЧ, в которой употреблена форма квазиимператива, может вводиться противительным союзом, см. (2б).

Литературной иллюстрацией к данной конструкции могут служить следующие примеры:

(2) а. *Левинсон, как ни крепко он спал, услышав свою фамилию, тотчас же открыл глаза и сел* (Фадеев).

б. *Как волка ни корми, а он в лес глядит.*

Конструкция со словами *как бы ни* представлена двумя моделями. Примером первой модели может служить предложение:

(3) а. *Как бы я ни старался (НСВ) решить задачу, она у меня не получится (СВ) / не будет (НСВ) получаться.*

В ГЧ этой конструкции преимущественно используется глагольная форма будущего времени СВ, но возможна и глагольная форма будущего времени НСВ.

Конструкция типа (3а) семантически близка к конструкции (1а) и отличается от нее тем, что выражаемые в ней положения дел локализируются в будущем. Благодаря этому она может иметь либо фактивное, либо нефактивное прочтение, разница между которыми минимальна. К этой же модели, очевидно, следует отнести и конструкцию, в которой форма сослагательного наклонения в ЗЧ заменена формой квазиимператива, поскольку в данном случае квазиимператив выступает в той же роли, что и сослагательное наклонение:

(3) б. *Как ни старайся (НСВ) я решить задачу, она у меня не получится (СВ).*

Соответственно эквивалентными по смыслу для конструкций этой модели будут следующие стандартные уступительные конструкции:

(3) в. *Хотя / даже если я буду (НСВ) очень стараться решить задачу, она у меня не получится (СВ).*

г. *Даже если бы я очень старался (НСВ) решить задачу, она у меня не получится.*

Иными словами, соотношение между конструкциями (3а) и (3б) с одной стороны и (3в) и (3г) с другой примерно такое же, как и соотношение между конструкциями (1а) и (1ж). Нужно также отметить, что конструкции (1а), (1б) и (3а) взаимно дистрибутивны относительно временной локализации выражаемых положений дел.

Литературной иллюстрацией рассмотренной конструкции может служить следующий пример:

(4) *Ведь депутаты, как бы их ни обвиняли в оторванности от жизни, прекрасно понимают: дезертирство из части даже в мирное время – показатель катастрофического положения нашей армии* (Д. Качалова, Н. Шаклеин; газета «Невское время»).

Примером другой модели конструкции со словами *как бы ни* может служить предложение:

(5) а. *Как бы я ни старался (НСВ) решить задачу, она бы у меня не получилась (СВ).*

В обеих частях этой конструкции употребляются формы сослагательного наклонения, которые, как известно, не обозначают времени, в силу чего временная локализация определяется с помощью контекста и конситуации. В ГЧ употребляется форма СВ, которую как будто бы нельзя заменить соотносительной формой НСВ:

(5) б. ? *Как бы я ни старался (НСВ) решить задачу, она бы у меня не получалась (НСВ).*

Конструкция (5а), обладает теми же семантическими особенностями, что и рассмотренные выше, но в отличие от них нефактивна, т.е. является уступительно-условной, и на практике чаще всего обозначает положения дел, которые не имели места в

прошлом. По своей уступительно-условной семантике она практически не отличается от прототипических уступительно-условных конструкций и толкуется следующим образом: 'могло бы иметь место P и могло бы иметь место не-Q; не-Q не следует из P; по мнению говорящего, из P нормально должно было бы следовать Q' (ср. [Храковский 1998]).

Представляется, что стандартной уступительной конструкцией, эквивалентной по смыслу конструкции типа (5а) будет конструкция:

(5) в. *Даже если бы я очень старался (НСВ) решить задачу, она бы у меня не получилась (СВ).*

Конструкцию (5а) можно рассматривать как экспрессивный вариант конструкции (5в).

1.2. Уступительная конструкция со словами *сколько ни* и *сколько бы ни*.

Основной вариант уступительной конструкции со словами *сколько ни* представлен в предложении:

(6) а. *Сколько я ни просил (НСВ) его остаться, он все равно уехал (СВ).*

Эта конструкция как будто бы может выступать также в следующем варианте, в котором представлена иная временная локализация положений дел, выражаемых в обеих частях конструкции:

(6) б. *Сколько я ни прошу (НСВ) его остаться, он все равно уедет (СВ).*

Заметим, что форму прошедшего времени СВ в ГЧ примера (6а) можно заменить соотносительной формой НСВ, но при этом конструкция получает итеративную интерпретацию:

(6) в. *Сколько я ни просил (НСВ) его остаться, он все равно уезжал (НСВ).*

Данная конструкция во всех своих вариантах является фактивной, а выражаемые в ней положения дел в вариантах (6а) и (6б) имеют конкретную временную локализацию. В ГЧ всех вариантов этой конструкции употреблены слова *все равно*, которые, как и в любых уступительных конструкциях, акцентируют значение неизбежности осуществления обозначаемого положения дел. Слова *сколько ни* помимо уступительного значения выражают также смысл ненормально большой длительности или высокой степени осуществления действия, который стандартно выражается словами *(очень) долго* / *настойчиво*. Соответственно для этой конструкции в варианте (6а) наиболее близкой по смыслу будет следующая стандартная уступительная конструкция:

(6) г. *Хотя я (очень) долго / настойчиво просил (НСВ) его остаться, он все равно уехал (СВ).*

Примеры типа (6а) можно также рассматривать как эллиптический вариант конструкции.

(6) д. *Сколько раз я ни просил (НСВ) его остаться, он все равно уехал (СВ).*

В ЗЧ этой конструкции выражается смысл неоднократного совершения действия, который сохраняется и в ее эллиптическом варианте. При таком прочтении примеров типа (6а) к ним наиболее близкой по смыслу оказывается следующая стандартная уступительная конструкция:

(6) е. *Хотя я (очень) много раз просил (НСВ) его остаться, он все равно уехал.*

Соответственно в ЗЧ этой конструкции могут употребляться глаголы (и другие предикатные слова), которые обозначают признаки и действия, допускающие при своем осуществлении значительное превышение условной нормы, а также способные к итерации.

Как и обычно, конструкция типа (6а) более экспрессивна, чем конструкция типа (6г) и (6е), однако по своей уступительной семантике она от них не отличается.

Литературной иллюстрацией может служить предложение:

(6) ж. *Но сколько он ни думал, он ни нашел ответа (Л. Толстой).*

Что касается конструкции со словами *сколько бы ни*, то здесь следует различать несколько моделей. В первой модели в ГЧ употребляется глагольная форма будущего времени СВ:

(7) а. *Сколько бы я его ни просил (НСВ) остаться, он все равно уедет (СВ).*

Конструкция типа (7а) по своей семантической специфике как будто бы не отличается от конструкции (6а). Очевидно, что она может иметь как фактивное, так и нефактивное прочтение, разница между которыми минимальна, поскольку выражаемые в ней положения дел локализуются в будущем. Вариантом этой модели, очевидно, следует считать конструкцию с квазимперативом в ЗЧ, если, разумеется, признавать ее нормативной:

(7) б. *Сколько ни проси (НСВ) я его остаться, он все равно уедет (СВ).*

Соответственно наиболее близкими по смыслу конструкциям этой модели могут рассматриваться стандартные уступительные конструкции:

(7) в. *Хотя / даже если я (очень) долго буду (НСВ) его просить остаться, он все равно уедет (СВ).*

г. *Даже если бы я (очень) долго просил (НСВ) его остаться, он все равно уедет (СВ).*

Литературной иллюстрацией этой модели могут служить предложения:

(8) а. *Я, сколько ни любил бы вас, Привыкнув, разлюблю тотчас (А. Пушкин).*

б. *...вновь начались бредовые разговоры об импичменте президента. Надо сказать, что Международный валютный фонд обратился к России с предупреждением не впадать в искушение и не сворачивать на этот путь, сколько бы ни манили ее туда своим пением всевозможные сирены (газета «Русская мысль»).*

Во второй модели и в ЗЧ, и в ГЧ употребляются формы сослагательного наклонения.

(9) а. *Сколько бы я ни просил (НСВ) его остаться, он бы все равно уехал (СВ).*

Хотя в этой конструкции употребляются формы сослагательного наклонения, тем не менее обозначаемые в ней положения дел обычно локализуются в прошлом. Данная конструкция по своей семантической специфике является уступительно-условной и выражает нереальное значение. Учитывая изложенное, можно предположить, что наиболее близкой по смыслу к этой конструкции является следующая стандартная уступительная конструкция:

(9) б. *Даже если бы я (очень) долго просил (НСВ) его остаться, он бы все равно уехал (СВ).*

Как и в других аналогичных случаях (9а) отличается от (9б) большей экспрессивностью.

Третья модель представлена двумя вариантами. В ЗЧ первого варианта имя субъекта выступает во множественном числе, а в ЗЧ второго варианта имя объекта выступает во множественном числе. Что касается ГЧ обоих вариантов, то в ней глагол выступает в форме будущего времени СВ (или императива НСВ):

(9) в. *Сколько бы ни было (НСВ) волков, я все равно их не испугаюсь (СВ) / не пугайтесь (НСВ).*

г. *Сколько бы он ни высказывал (НСВ) угроз, я все равно их не испугаюсь (СВ) / не пугайтесь (НСВ).*

Формально эта конструкция похожа на конструкцию (7а), однако отличается от нее по смыслу. Здесь речь не о ненормально большой длительности действия, выражаемого в ЗЧ, а об очень большом множестве субъектов или объектов, выражаемых в ЗЧ. Данная конструкция, очевидно, может иметь как фактивное, так и нефактивное прочтение, которые мало чем отличаются друг от друга, поскольку обозначаемые в обеих частях конструкции положения дел локализуются в будущем. К этой же модели правомерно отнести конструкцию, в которой вместо сослагательного наклонения в ЗЧ употребляется квазимператив:

(9) д. *Сколько ни высказывай (НСВ) он угрозы, я все равно их не испугаюсь (СВ).*

Соответственно наиболее близкими по смыслу к рассмотренным вариантам данной модели будут следующие стандартные уступительные конструкции:

(9) е. *Даже если / хотя волков будет (НСВ) (очень) много, я их все равно не испугаюсь (СВ) / не пугайтесь (НСВ).*

ж. *Даже если бы волков было (НСВ) (очень) много, я их все равно не испугаюсь (СВ).*

з. *Даже если / хотя он будет высказывать (НСВ) (очень) много угроз, я их все равно не испугаюсь (СВ) / не пугайтесь (НСВ).*

и. *Даже если бы высказывалось (НСВ) (очень) много угроз, я их все равно не испугаюсь (СВ) / не пугайтесь (НСВ).*

Как и в других случаях конструкции (9в) и (9г) отличаются от конструкций (9е)–(9и) большей экспрессивностью.

Литературной иллюстрацией этой модели может служить предложение:

(10) *Сколько ни представляй ему доводов, ясных как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены (Н. Гоголь).*

1.3. Уступительная конструкция, в которой зависимая часть вводится словами *какой бы ни*.

Существует такая модель конструкции со словами *какой бы ни*, у которой как будто бы нет эквивалентной модели конструкции со словами *как ни*. Эта модель фактивна и представлена несколькими вариантами, которые относятся к разным временным планам. Смена временных планов достигается путем замены временных форм глагола в ГЧ конструкции.

(11) а. *Какой бы красивой ни казалась (НСВ) Наташа, она не может (НСВ) победить на конкурсе красоты.*

б. *Какой бы красивой ни казалась (НСВ) Наташа, она не смогла (СВ) победить на конкурсе красоты.*

в. *Какой бы красивой ни казалась (НСВ) Наташа, она не сможет (СВ) победить на конкурсе красоты.*

Первая особенность данной модели состоит в том, что в ЗЧ этой конструкции употребляется ограниченное количество качественных прилагательных и буквально считанное количество глаголов (*быть, казаться, считаться, выглядеть*), которые управляют этими прилагательными. Слова *какой бы ни* (вместе с прилагательным) обозначают высокую степень признака, выражаемого прилагательным.

Представляется, что эквивалентной по смыслу варианту (11а) рассматриваемой модели является следующая стандартная уступительная конструкция:

(11) г. *Хотя Наташа кажется (НСВ) очень красивой, она не может (НСВ) победить на конкурсе красоты.*

Заметим, что данная модель может реализоваться не только с качественным прилагательным, но и с «качественным» существительным:

(11) д. *Каким бы успехом ни пользовалась (НСВ) Алла Пугачева, великой актрисой ее не назовешь (СВ).*

Для этой конструкции эквивалентной по смыслу стандартной уступительной конструкцией можно считать конструкцию:

(11) е. *Хотя Алла Пугачева пользуется (НСВ) (очень) большим успехом, великой актрисой ее не назовешь (СВ).*

Литературной иллюстрацией данной модели может служить предложение:

(12) *Какими бы фальшивыми идеями и софизмами ни прикрывались хищные эгоисты, они для меня не люди (Репин).*

Еще одну модель конструкции со словами *какой бы ни* представляет предложение:
(13) а. *Какой бы красивой ни казалась (НСВ) Наташа, она бы не смогла (СВ) победить на конкурсе красоты.*

В обеих частях этой конструкции употребляются формы сослагательного наклонения, которые лишены значения времени. У этой конструкции уступительно-условное значение. Соответственно наиболее близкой по смыслу этой конструкции является следующая стандартная уступительная конструкция:

(13) б. *Даже если / хотя Наташа кажется (НСВ) очень красивой, она бы не смогла (СВ) победить на конкурсе красоты.*

Как и в других подобных случаях, конструкция (13а) представляется более экспрессивной по сравнению с конструкцией (13б).

II. ИТЕРАТИВНЫЕ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Учитывая семантические особенности этих конструкций, их можно разделить на четыре группы. В первую группу входят конструкции, значение которых можно охарактеризовать как дистрибутивно-итеративное. Во вторую группу входят конструкции с дисперсивно-итеративным значением, в третью группу – конструкции с диверсативно-итеративным значением, а в четвертую – конструкции с собственно итеративным значением.

II.1. Уступительные конструкции с дистрибутивно-итеративным значением

II.1.1. Уступительная конструкция со словами *кто ни (кому ни, с кем ни и т.п.), кто бы ни (кому бы ни, с кем бы ни и т.п.)*.

Конструкция со словами *кто ни (кому ни, с кем ни и т.п.)* представлена несколькими вариантами. В первом варианте конструкции выражаются повторяющиеся положения дел, которые не локализованы в каком-либо конкретном временном плане:

(14) а. *С кем я ни говорю (НСВ) о последнем инциденте, все считают (НСВ) его возмутительным.*

б. *С кем я ни говорю (НСВ) о последнем инциденте, никто не считает (НСВ) его возмутительным.*

в. *С кем я ни поговорю (СВ) о последнем инциденте, все считают (НСВ) его возмутительным.*

г. *С кем я ни поговорю (СВ) о последнем инциденте, никто не считает (НСВ) его возмутительным.*

Во втором варианте речь идет о повторяющихся положениях дел, которые относятся к плану прошлого:

д. *С кем я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, все считали (НСВ) его возмутительным.*

е. *С кем я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, никто не считал (НСВ) его возмутительным.*

ж. *С кем я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, все считали (НСВ) его возмутительным.*

з. *С кем я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, никто не считал (НСВ) его возмутительным.*

Слова *кто ни* в ЗЧ конструкции (при постановке слова *кто* в различных падежах) представляют собой обобщенное родовое выражение для обозначения совокупности отдельных (разных) представителей того или другого, но одного участника ситуации (Агента, Контрагента, Объекта, Адресата и т.п.), которые лишены конкретной референции. Остальные участники ситуации могут быть конкретно референтными.

Поскольку в каждом повторяющемся положении дел выступают разные представители того или другого, но одного и того же участника ситуации, то этой конструкции присуще дистрибутивно-итеративное значение (ср. [Типология итеративных конструкций 1989]). Слову *кто* в ЗЧ обычно соответствует коррелятивное слово в ГЧ. В примерах (14а)–(14з) это слова *все* и *никто*. Специфическая особенность данной конструкции, как впрочем и остальных итеративных конструкций, состоит в том, что в ее ГЧ альтернативно могут выражаться противоположные положения дел. Подобная ситуация исключается для обычных неитеративных уступительных конструкций (см. [Храковский 1998]).

Представляется, что стандартной уступительной конструкцией, наиболее близкой по смыслу к конструкции (14а), является конструкция:

(14) и. *Хотя я говорю (НСВ) о последнем инциденте с совершенно разными людьми, все считают (НСВ) его возмутительным.*

Соответственно наиболее близкой по смыслу к конструкции (14б) является конструкция:

(14) к. *Хотя я говорю (НСВ) о последнем инциденте с совершенно разными людьми, никто не считает (НСВ) его возмутительным.*

Литературной иллюстрацией к рассмотренной конструкции может служить пример:

(15) *С кем, кем ни говорю, все настроены легко, праздно* (Б. Окуджава).

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в ЗЧ этой конструкции употребляется весьма ограниченное количество глаголов. Список употребительных глаголов и причины ограничения подлежат уточнению.

Конструкция со словами *кто бы ни (кому бы ни, с кем бы ни* и т.п.) представлена теми же вариантами, что и конструкция со словами *кто ни (кому ни, с кем ни* и т.п.). В первом варианте конструкции выражаются повторяющиеся положения дел, которые не локализируются в конкретном временном плане:

(16) а. *С кем бы я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, все считают (НСВ) его возмутительным.*

б. *С кем бы я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, никто не считает (НСВ) его возмутительным.*

в. *С кем бы я ни поговорил (СВ) о последнем инциденте, все считают (НСВ) его возмутительным.*

г. *С кем бы я ни поговорил (СВ) о последнем инциденте, никто не считает (НСВ) его возмутительным.*

Во втором варианте выражаются повторяющиеся положения дел, которые относятся к временному плану прошлого:

(16) д. *С кем бы я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, все считали (НСВ) его возмутительным.*

е. *С кем бы я ни говорил (НСВ) о последнем инциденте, никто не считал (НСВ) его возмутительным.*

ж. *С кем бы я ни поговорил (СВ) о последнем инциденте, все считали (НСВ) его возмутительным.*

з. *С кем бы я ни поговорил (СВ) о последнем инциденте, никто не считал (НСВ) его возмутительным.*

Предложение (16а), как нам представляется, синонимично предложению (14а), предложение (16б) синонимично предложению (14б), предложение (16в) синонимично предложению (14в), предложение (16г) синонимично предложению (14г), предложение (16д) синонимично предложению (14д), предложение (16е) синонимично предложению (14е), предложение (16ж) синонимично предложению (14ж), а предложение (16з) синонимично предложению (14з). Соответственно все комментарии, относящиеся к конструкциям (14а)–(14з), справедливы и по отношению к конструкциям (16а)–(16з). Основное отличие конструкции со словами *кто бы ни* от конструкции со словами *кто*

ни состоит в том, что значительно расширяется круг глаголов, которые могут употребляться в ЗЧ конструкции. Также увеличивается и число допустимых вариантов конструкции. В частности, возможен следующий вариант:

(16) и. *Кто бы мне не позвонил (СВ) / звонил (НСВ), говорите (НСВ) / скажите (СВ), что меня нет на месте.*

В этом варианте повторяющиеся положения дел локализуются в будущем. Соответственно стандартной уступительной конструкцией, которая наиболее близка по смыслу данному варианту, по нашему мнению, является конструкция:

(16) к. *Хотя (даже если) мне будут (НСВ) звонить совершенно разные люди, говорите (НСВ) / скажите (СВ), что меня нет на месте.*

У этой конструкции (в зависимости от выбора союза) есть два прочтения: фактивное и нефактивное, однако они мало отличаются друг от друга, поскольку повторяющиеся положения вещей локализуются в будущем.

Литературной иллюстрацией этой конструкции могут служить предложения:

(17) а. *Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был (А. Чехов).*

б. *В какое бы время кто бы ни позвонил в Варьете, всегда слышался в трубке мягкий, но грустный голос (М. Булгаков).*

в. *Потому что кого бы ни убивали за эти годы, будь то Мень или Листьев, или кто бы то ни было из «мирян», мы априори знали – никого не найдут (газ. «Невское время»).*

Все рассматриваемые конструкции более экспрессивны, чем соотносительные по смыслу стандартные уступительные конструкции.

II.1.2. Уступительные конструкции со словами *что ни (чему ни, с чем ни и т.п.) и что бы ни (чему бы ни, с чем бы ни и т.п.)*.

Конструкция со словами *что ни* представлена несколькими вариантами, которые отличаются друг от друга временной локализацией повторяющихся положений дел. Первым является вариант, в котором повторяющиеся положения дел не относятся к какому-либо конкретному временному плану:

(18) а. *Что он ни скажет (СВ), я всегда всему верю (НСВ).*

б. *Что он ни скажет (СВ), я никогда ничему не верю (НСВ).*

в. *Что он ни говорит (НСВ), я всегда всему верю (НСВ).*

г. *Что он ни говорит (НСВ), я никогда ничему не верю (НСВ).*

В другом варианте обозначаются повторяющиеся положения дел, которые локализуются в плане прошлого:

(18) д. *Что он ни говорил (НСВ), я всегда всему верил (НСВ).*

е. *Что он ни говорил (НСВ), я никогда ничему не верил (НСВ).*

Еще в одном варианте обозначаются повторяющиеся положения дел, которые локализуются в плане будущего:

(18) ж. *Что он ни скажет (СВ), я всему поверю (СВ).*

з. *Что он ни скажет (СВ), я ничему не поверю (СВ).*

Слова *что ни* в ЗЧ конструкции (при постановке слова *что* в различных падежах) представляют собой обобщенное родовое выражение для обозначения совокупности отдельных (разных) представителей того или другого участника ситуации (Объекта, Содержания и т.п.), которые лишены конкретной референции. (Что касается остальных участников ситуации, обозначаемой в ЗЧ, как и участников ситуации, обозначаемой в ГЧ, то они могут быть конкретно референтны). Поскольку в каждом повторяющемся положении дел выступают разные представители того или другого, но одного и того же участника ситуации, то этой конструкции присуще итеративное значение с дистрибутивным оттенком. Слову *что* из ЗЧ в ГЧ может соответствовать

соотносительное коррелятивное обобщающее слово. В примерах (18а)–(18з) это слова *всему* и *ничему*, см. также (19б). В ГЦ конструкции альтернативно могут употребляться противоположные положения дел.

Стандартной уступительной конструкцией, наиболее близкой по смыслу к конструкции (18а), по нашему мнению, является следующая конструкция:

(18) и. *Хотя он говорит (НСВ) абсолютно разные вещи, я всегда всему верю (НСВ).*

Соответственно уступительной конструкцией, наиболее близкой по смыслу к конструкции (18б), является конструкция:

(18) к. *Хотя он говорит (НСВ) абсолютно разные вещи, я никогда ничему не верю (НСВ).*

Литературной иллюстрацией рассматриваемой конструкции могут служить следующие примеры:

(19) а. *Но что он ни делал, на него все-таки смотрели, как на перебежчика* (Д. Мамин-Сибиряк).

б. *Чичиков вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него* (Н. Гоголь).

Конструкция со словами *что бы ни*, на наш взгляд, синонимична конструкции со словами *что ни* и также представлена несколькими вариантами, отличающимися временной локализацией выражаемых в них повторяющихся положений дел. Первым является вариант, в котором повторяющиеся положения дел не отнесены к какому-либо конкретному временному плану:

(20) а. *Что бы он ни сказал (СВ) / говорил (НСВ), я всегда всему верю (НСВ).*

б. *Что бы он ни сказал (СВ) / говорил (НСВ), я никогда ничему не верю (НСВ).*

Эти примеры, в ЗЧ которых употребляется форма сослагательного наклонения СВ или НСВ, а в ГЧ – форма настоящего времени НСВ, как нам представляется, синонимичны предложениям (18а) и (18б) со всеми вытекающими последствиями. Иными словами, данная выше семантическая характеристика примера (18а) полностью подходит и к примеру (20а), а характеристика примера (18б) подходит к примеру (20б). Соответственно и стандартная уступительная конструкция (18и) наиболее близка по смыслу конструкции (20а), а стандартная уступительная конструкция (18к) наиболее близка по смыслу к конструкции (20б).

В следующем варианте повторяющиеся положения дел отнесены к временному плану прошлого:

(20) в. *Что бы он ни сказал (СВ) / говорил (НСВ), я всему верил (НСВ).*

г. *Что бы он ни сказал (СВ) / говорил (НСВ), я ничему не верил (НСВ).*

Представляется, что предложение (20в) синонимично предложению (18д), а предложение (20г) синонимично предложению (18е).

В еще одном варианте повторяющиеся положения дел отнесены к временному плану будущего:

(20) д. *Что бы он ни сказал (СВ) / говорил (НСВ), я всему поверю (СВ).*

е. *Что бы он ни сказал (СВ) / говорил (НСВ), я ничему не поверю (СВ).*

Соответственно предложение (20д) синонимично предложению (18ж), а предложение (20е) синонимично предложению (18з).

Литературной иллюстрацией к анализируемой конструкции могут служить примеры:

(21) а. *У него ничего не клеилось, что бы он ни предпринимал* (К. Федин).

б. *Что бы у нас ни случилось, она всегда считает, что это к добру* (А. Алексин).

в. *Что бы мы сегодня ни говорили о разногласиях, раздирающих изнутри блок коммунистических партий, следует, видимо, признать, что его электорат демонстрирует потрясающее единодушие и дисциплину* (газ. «Невское время»).

Рассматриваемые конструкции всегда более экспрессивны, чем соотносительные по смыслу стандартные уступительные конструкции.

П.1.3. Уступительные конструкции со словами *какой ни (какому ни, за какой ни и т.п.)* и *какой бы ни (какому бы ни, за какой бы ни и т.п.)*.

Анализируемая модель со словами *какой ни (какому ни, за какой ни и т.п.)* представлена несколькими вариантами, которые отличаются друг от друга временной локализацией повторяющихся положений дел. В первом варианте повторяющиеся положения дел не относятся к какому-либо конкретному временному плану:

(22) а. *За какое дело Петров ни возьмется (СВ), у него всегда все получается (НСВ).*

б. *За какое дело Петров ни возьмется (СВ), у него никогда ничего не получается (НСВ).*

в. *За какое дело Петров ни берется (НСВ), у него всегда все получается (НСВ).*

г. *За какое дело Петров ни берется (НСВ), у него никогда ничего не получается (НСВ).*

д. *За какое дело Петров ни возьмется (СВ), у него всегда все получится (СВ).*

е. *За какое дело Петров ни возьмется (СВ), у него никогда ничего не получится (СВ).*

В другом варианте этой модели повторяющиеся положения дел относятся к временному плану прошлого:

(22) ж. *За какое дело Петров ни брался (НСВ), у него всегда все получалось (НСВ).*

з. *За какое дело Петров ни брался (НСВ), у него никогда ничего не получалось (НСВ).*

Слова *за какое (дело) ни* в ЗЧ конструкции (при принципиальной возможности постановки слов типа *какое дело* в различных падежах) представляют собой обобщенное родовое выражение для обозначения совокупности отдельных (разных) представителей того или другого участника ситуации (Агента, Контрагента, Объекта, Адресата и т.п.), которые лишены конкретной референции. Соответственно обобщенный участник ситуации обладает универсальной референцией. (Остальные участники ситуации могут обладать конкретной референцией.) Поскольку в каждом из повторяющихся положений дел представлены разные представители того или другого, но одного и того же участника ситуации, то можно говорить о дистрибутивной специфике итеративного значения, выражаемого в этой конструкции. Словам типа *какое дело* из ЗЧ в ГЧ обычно соответствуют коррелятивные слова. В приведенных примерах (22а)–(22з) это слова *все* и *ничего*. Как явствует из этих же примеров, в ГЧ уступительных конструкций данной модели альтернативно могут выражаться противоположные положения дел.

Думается, что наиболее близкими по смыслу к конструкциям первого варианта рассматриваемой модели являются следующие стандартные уступительные конструкции:

(22) и. *Хотя Петров берется (НСВ) за самые разные дела, у него всегда все получается (НСВ).*

к. *Хотя Петров берется (НСВ) за самые разные дела, у него никогда ничего не получается (НСВ).*

Соответственно наиболее близкими по смыслу к конструкциям второго варианта этой модели являются следующие стандартные уступительные конструкции:

(22) л. *Хотя Петров брался (НСВ) за самые разные дела, у него всегда все получалось (НСВ).*

м. *Хотя Петров брался (НСВ) за самые разные дела, у него никогда ничего не получалось (НСВ).*

Литературной иллюстрацией рассмотренной модели могут служить следующие примеры:

(23) а. *Какую ни покажет ему работу Семен, все сразу поймет (Л. Толстой).*

б. И к эмиграции не приспособился: хотя и числился по департаменту антисоветчиков, но все не так, ребята, какую книжку ни издашь, какую статью ни сочинишь – опять все недовольны (А. Синявский, «Лит. газета»).

Модель конструкции со словами *какой бы ни* (какому бы ни, за какой бы ни и т.п.) синонимична модели со словами *какой ни* (какому ни, за какой ни и т.п.) и также представлена вариантами, различающимися временной локализацией повторяющихся положений дел. К первому варианту относятся конструкции, в которых повторяющиеся положения дел не относятся к конкретному временному плану:

(24) а. За какое бы дело Петров ни взялся (СВ), у него **всегда все** получается (НСВ).

б. За какое бы дело Петров ни взялся (СВ), у него **никогда ничего** не получается (НСВ).

в. За какое бы дело Петров ни брался (НСВ), у него **всегда все** получается (НСВ).

г. За какое бы дело Петров ни брался (НСВ), у него **никогда ничего** не получается (НСВ).

д. За какое бы дело Петров ни взялся (СВ), у него **всегда все** получится (СВ).

е. За какое бы дело Петров ни взялся (НСВ), у него **никогда ничего** не получается (СВ).

ж. За какое бы дело Петров ни брался (НСВ), у него **всегда все** получится (СВ).

и. За какое бы дело Петров ни брался (НСВ), у него **никогда ничего** не получится (СВ).

Ко второму варианту этой модели относятся конструкции, в которых повторяющиеся положения дел относятся к временному плану прошлого:

(24) к. За какое бы дело Петров ни брался (НСВ), у него **всегда все** получалось (НСВ).

л. За какое бы дело Петров ни брался (НСВ), у него **никогда ничего** не получалось (НСВ).

м. За какое бы дело Петров ни взялся (СВ), у него **всегда все** получалось (НСВ).

н. За какое бы дело Петров ни взялся (СВ), у него **никогда ничего** не получалось (НСВ).

Важно подчеркнуть, что каждый вариант этой модели представлен большим количеством конструкций по сравнению с вариантами модели со словами *какой ни* (какому ни, за какой ни и т.п.), причем увеличение числа конструкций происходит за счет использования в ЗЧ глагольных форм СВ. Это связано с тем, что в ЗЧ конструкции употребляются формы не изъявительного, а сослагательного наклонения, у которого, как известно, в русском языке нет категории времени.

Понятно, что наиболее близкими по смыслу для этих конструкций будут те же стандартные уступительные конструкции, что и для уступительных конструкций без частицы *бы*.

Литературной иллюстрацией данной модели может служить следующий пример:

(25) К какому бы социальному слою человек ни относился, необходимо реализовать его право на образование, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение (С. Попов, газ. «Невское время»).

Как и в других случаях, анализируемые конструкции представляются более экспрессивными по сравнению с соотносительными стандартными уступительными конструкциями.

II.2. Уступительные конструкции с дисперсивно-итеративным значением.

II.2.1. Уступительная конструкция со словами *где ни* и *где бы ни*.

Конструкция со словами *где ни* представлена одной моделью, которая реализуется в двух вариантах. В первом варианте выражаются повторяющиеся положения дел, не относящиеся к какому-либо конкретному временному плану:

(26) а. *Где я ни бываю (НСВ), меня **везде** хорошо / плохо встречают (НСВ).*

Во втором варианте повторяющиеся положения дел локализованы в прошлом:

(26) б. *Где я ни бывал (НСВ), меня **везде** хорошо / плохо встречали (НСВ).*

Слова *где ни* в ЗЧ этой конструкции представляют собой обобщенное родовое выражение для обозначения совокупности некоторых любых точек пространства (= разных мест), каждая из которых лишена конкретной референции. (Остальные участники ситуации могут быть конкретно референтными.) Поскольку в каждом из повторяющихся положений дел представлены разные точки из общей совокупности, то этой конструкции присуще дисперсивно-итеративное значение (ср. [Типология итеративных конструкций 1989]). Соответственно в этой конструкции обычно употребляются глаголы, обозначающие положение в пространстве. Еще одна особенность этой конструкции состоит в том, что в ее ГЧ альтернативно могут употребляться противоположные положения дел. Формально особенность приведенных примеров состоит в том, что слова *где ни* в ЗЧ имеют соотносительное коррелятивное слово *везде* в ГЧ.

Наиболее близкой по смыслу к конструкции (26а), на наш взгляд, является стандартная уступительная конструкция:

(26) в. ***Хотя** я бываю (НСВ) в **разных** местах, меня **везде** хорошо / плохо встречают (НСВ).*

Соответственно наиболее близкой по смыслу к конструкции (26б) является стандартная уступительная конструкция:

(26) г. ***Хотя** я бывал (НСВ) / был (НСВ) в **разных** местах, меня **везде** хорошо / плохо встречали (НСВ).*

Конструкция со словами *где бы ни* представлена двумя моделями. В первой модели глагол в сослагательном наклонении выступает только в ЗЧ конструкции:

(27) а. *Где бы я ни был (НСВ) / бывал (НСВ), меня **везде** хорошо / плохо встречают (НСВ).*

б. *Где бы я ни был (СВ) / бывал (НСВ), меня **везде** хорошо / плохо встречали (НСВ).*

В конструкции (27а) выражаются повторяющиеся положения дел, не относящиеся к конкретному временному плану, а в конструкции (27б) выражаются повторяющиеся положения дел, локализованные в прошлом.

Представляется, что конструкция (27а) синонимична конструкции (26а), а конструкция (27б) – синонимична конструкции (26б). Из изложенного следует, что наиболее близкой по смыслу к конструкции (27а) является стандартная уступительная конструкция (26в), а наиболее близкой по смыслу к конструкции (27б) является стандартная уступительная конструкция (26г).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что рассматриваемая модель конструкции со словами *где бы ни* принципиально отличается от модели конструкции со словами *где ни* тем, что расширяется репертуар глаголов, которые могут употребляться в ее ЗЧ. Если в конструкции со словами *где ни* в основном употребляется глагол *бывать*, то в конструкции со словами *где бы ни* также встречаются такие глаголы, как *происходить*, *случаться*, *возникать*, *появляться*, *оказаться*, *жить* и т.п.:

(28) а. *Где бы ни появлялись статьи А.Г. Бочарова, они всегда были заметны (Филол. науки).*

б. *Где бы лосось ни жил, хоть возле Африки или на Северном полюсе, а нереститься он обязательно придет в свою реку (С. Диковский).*

Еще одну модель конструкции со словами *где бы ни* представляет предложение:

(29) а. *Где бы я ни оказался (СВ), меня бы везде хорошо / плохо встречали (НСВ).*

В обеих частях этой конструкции употребляются формы сослагательного наклонения и соответственно она представляет собой уступительно-условную конструкцию. Этой конструкции ближе всего по смыслу следующая стандартная нереальная уступительно-условная конструкция:

(29) б. *Даже если бы я оказался (СВ) в каком угодно месте, меня бы везде хорошо / плохо встречали (НСВ).*

Как и в других случаях, анализируемые конструкции представляются более экспрессивными, чем соотносительные по смыслу стандартные уступительные конструкции.

II.3. Уступительные конструкции с диверсативно-итеративным значением.

II.3.1. Уступительная конструкция со словами *куда и куда бы ни*.

Конструкция со словами *куда ни* представлена одной моделью, которая реализуется в двух вариантах. К первому варианту относятся конструкции, в которых повторяющиеся положения дел не локализованы в каком-либо конкретном временном плане:

(30) а. *Куда я ни посмотрю (СВ), везде вижу (НСВ) какие-то странные огоньки.*

б. *Куда я ни посмотрю (СВ), нигде не вижу (НСВ) никаких странных огоньков.*

в. *Куда я ни смотрю (НСВ), везде вижу (НСВ) какие-то странные огоньки.*

г. *Куда я ни смотрю (НСВ), нигде не вижу (НСВ) никаких странных огоньков.*

Ко второму варианту относятся конструкции, в которых повторяющиеся положения дел локализованы во временном плане прошлого:

(30) д. *Куда я ни смотрел (НСВ), везде видел (НСВ) какие-то странные огоньки.*

е. *Куда я ни смотрел (НСВ), нигде не видел (НСВ) никаких странных огоньков.*

Основная семантическая особенность конструкций рассматриваемой модели состоит в том, что слова *куда ни* в их ЗЧ представляют собой обобщенное родовое выражение для обозначения совокупности некоторых любых точек пространства (= разных сторон, разных мест), каждая из которых лишена конкретной референции. Поскольку во всех повторяющихся положениях дел представлены разные точки из общей совокупности, то соответственно этой конструкции присуще диверсативно-итеративное значение (ср. [Типология итеративных конструкций 1989]). Из сказанного вытекают существенные ограничения на употребление глаголов в ЗЧ этих конструкций. Очевидно, что здесь могут употребляться глаголы, обозначающие движение из некоторой центральной точки по разным направлениям, а также такие конкретные глаголы, как *(по)смотреть*, *(по)глядеть*, обозначающие движение взгляда по разным направлениям. Кроме того, в ГЧ этих конструкций альтернативно могут выражаться противоположные положения дел.

Формальная особенность приведенных примеров заключается в том, что слова *куда ни* из ЗЧ имеют соотносительное коррелятивное слово *везде / нигде* в ГЧ.

Учитывая сказанное, представляется, что наиболее близкими по смыслу к конструкциям (30а)–(30г) являются следующие стандартные уступительные конструкции:

(30) ж. *Хотя я смотрю (НСВ) в разные стороны, везде вижу (НСВ) какие-то странные огоньки.*

з. *Хотя я смотрю (НСВ) в разные стороны, нигде не вижу (НСВ) никаких странных огоньков.*

Соответственно наиболее близкими по смыслу к конструкциям (30д) и (30е) являются стандартные уступительные конструкции:

(30) и. *Хотя я смотрел (НСВ) в разные стороны, я везде видел (НСВ) какие-то странные огоньки.*

к. *Хотя я смотрел (НСВ) в разные стороны, я нигде не видел никаких странных огоньков.*

Литературной иллюстрацией рассматриваемой модели может служить предложение:

(31) *И, куда ни глянешь освеженным взором, Отовсюду веет тишь да простором* (А. Апухтин).

Конструкция со словами *куда бы ни* реализуется в двух моделях. Первая модель представлена двумя вариантами. В одном варианте не указывается временная локализация повторяющихся положений дел:

(32) а. *Куда бы я ни посмотрел (СВ) / смотрел (НСВ), (я) везде вижу (НСВ) какие-то странные огоньки.*

б. *Куда бы я ни посмотрел (СВ) / смотрел (НСВ), я нигде не вижу (НСВ) никаких странных огоньков.*

Во втором варианте повторяющиеся положения дел локализируются в прошлом:

(32) в. *Куда бы я ни посмотрел (СВ) / смотрел (НСВ), (я) везде видел (НСВ) какие-то странные огоньки.*

г. *Куда бы я ни посмотрел (СВ) / смотрел (НСВ), я нигде не видел (НСВ) никаких странных огоньков.*

Представляется, что конструкция (32а) синонимична конструкциям (30а) и (30в), а конструкция (32б) синонимична конструкциям (30б) и (30г). В то же время конструкция (32в) синонимична конструкции (30д), а конструкция (32г) синонимична конструкции (30е). Соответственно наиболее близкой по смыслу к конструкции (32а) является стандартная уступительная конструкция (30ж), наиболее близкой по смыслу к конструкции (32б) является стандартная уступительная конструкция (30з), наиболее близкой по смыслу к конструкции (32в) является стандартная уступительная конструкция (30и), а наиболее близкой по смыслу к конструкции (32г) является стандартная уступительная конструкция (30к).

Необходимо заметить, что в ЗЧ конструкций (32в) и (32г) могут употребляться как формы сослагательного наклонения СВ, так и формы сослагательного наклонения НСВ, тогда как в ЗЧ синонимичных конструкций (30д) и (30е) употребляются только формы изъявительного наклонения НСВ.

Литературной иллюстрацией этой модели может служить предложение:

(33) *Куда бы нас ни бросила судьбина, И счастье куда б ни повело, Все те же мы* (А. Пушкин).

Другую модель конструкции со словами *куда бы ни* представляют предложения:

(34) а. *Куда бы он ни поехал (СВ), он нигде бы не чувствовал (НСВ) себя в безопасности.*

б. *Куда бы он ни поехал (СВ), он везде бы чувствовал (НСВ) себя в безопасности.*

Это модель уступительно-условной ирреальной конструкции, которой по смыслу наиболее близка следующая стандартная уступительная конструкция:

(34) в. *Даже если бы он поехал (СВ) в какое угодно место, он бы нигде не чувствовал (НСВ) себя в безопасности.*

г. *Даже если бы он поехал (СВ) в какое угодно место, он везде бы чувствовал (НСВ) себя в безопасности.*

Все рассмотренные конструкции представляются более экспрессивными по сравнению с соотносительными стандартными уступительными конструкциями.

II.4. Уступительные конструкции с собственно итеративным значением.

II.4.1. Уступительная конструкция со словами *когда бы ни*.

Эта конструкция представлена одной моделью, которая реализуется в нескольких вариантах. К одному варианту относятся конструкции, в которых повторяющиеся положения дел не относятся к какому-либо конкретному временному плану:

(35) а. *Когда бы он ни позвонил (СВ) / звонил (НСВ), я всегда сам с ним разговариваю (НСВ).*

б. *Когда бы он ни позвонил (СВ) / звонил (НСВ), я никогда сам с ним не разговариваю (НСВ).*

К другому варианту относятся конструкции, в которых повторяющиеся положения дел относятся к временному плану прошлого:

(35) в. *Когда бы он ни позвонил (СВ) / звонил (НСВ), я всегда сам с ним разговаривал (НСВ).*

г. *Когда бы он ни позвонил (СВ) / звонил (НСВ), я никогда сам с ним не разговаривал (НСВ).*

Очевидно, возможен также вариант, в котором повторяющиеся положения дел локализованы в будущем:

(35) д. *Когда бы он ни позвонил (СВ), я всегда сам буду (НСВ) с ним разговаривать.*

е. *Когда бы он ни позвонил (СВ), я никогда сам не буду (НСВ) с ним разговаривать.*

Семантическая специфика конструкций этой модели состоит в том, что слова *когда ни* в их ЗЧ представляют собой обобщенное родовое выражение для обозначения совокупности некоторых любых временных точек (= разных моментов времени), которые лишены конкретной референции. (Остальные участники ситуации могут быть конкретно референтными.) Поскольку в каждом из повторяющихся положений дел представлены разные временные точки (= разные моменты времени), то этим конструкциям присуще итеративное значение. Еще одна особенность этих итеративных уступительных конструкций состоит в том, что в их ГЧ альтернативно могут быть выражены противоположные положения дел. Дополнительно отметим, что в приведенных примерах у слова *когда* есть в ГЧ коррелятивные слова *всегда / никогда*.

Можно думать, что стандартную уступительную конструкцию, наиболее близкую по смыслу к предложениям (35а) и (35б), представляют предложения:

(35) ж. *Хотя он звонит (НСВ) в любое время, я всегда сам с ним разговариваю (НСВ).*

з. *Хотя он звонит (НСВ) в любое время, я никогда сам с ним не разговариваю (НСВ).*

Аналогичным образом могут быть подобраны стандартные уступительные конструкции и для предложений (35в)–(35г) и (35д)–(35е).

Литературной иллюстрацией к рассматриваемой конструкции (35в) может служить пример:

(36) *Когда бы сын ни вернулся домой, в какой бы час ночи он ни вернулся, она сама открывала ему дверь, дожидаясь его со всеми бессонницами материнской верности и постоянства* (В. Лидин).

Рассматриваемые конструкции являются более экспрессивными, чем соотносительные с ними по смыслу стандартные уступительные конструкции.

ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие предварительные выводы. Сразу же скажем, что не все из проанализированных конструкций, которые принято называть обобщенно-уступительными, можно характеризовать как уступительно-условные, хотя именно эта точка зрения господствует в литературе. Далее отметим, что с семантической точки зрения все рассмотренные конструкции можно условно разделить на две группы. В одну группу входят конструкции, в которых обозначаются единичные положения дел и выражен специфический общий смысл 'признак/действие в ЗЧ осуществляется с максимальным превышением условной нормы, т.е. или интенсивно, или длительно'. Сказанным очерчивается круг глаголов (и других предикатных слов), которые могут употребляться в ЗЧ конструкций этой группы. Что касается уступительной семантики этих конструкций, то она ничем в принципе не отличается от се-

мантики стандартных уступительных конструкций. Речь идет о конструкциях со словами *как (бы) ни, сколько (бы) ни* и об одной разновидности конструкции со словами *какой бы ни*. Все модели этих конструкций без частицы *бы* в ЗЧ интерпретируются как собственно уступительные конструкции, в то время как модели конструкций с частицей *бы* могут интерпретироваться и как собственно уступительные конструкции, и как уступительно-условные конструкции либо с потенциальным, либо с нереальным значением. Важно подчеркнуть, что в данном случае конструкции с частицей *бы* и без частицы *бы* не являются синонимичными, причем конструкции с частицей *бы* обычно выражают уступительно-условное значение (потенциальное и нереальное).

В другую группу входят конструкции со словами *кто (бы) ни, что (бы) ни, какой (бы) ни, где (бы) ни, куда (бы) ни, когда бы ни*. В этих конструкциях обозначаются повторяющиеся положения дел и им присуще итеративное значение, причем в каждом из повторяющихся положений дел, выражаемых в ЗЧ, участвует один из разных представителей какого-либо одного обобщенного участника ситуации, обладающего универсальной референцией (остальные участники этой ситуации могут обладать конкретной референцией). Конструкции моделей без частицы *бы* и с частицей *бы* в ЗЧ обычно синонимичны и являются собственно уступительными конструкциями. Лишь те модели, в которых частица *бы* выступает как в ЗЧ, так и в ГЧ, представляют собой уступительно-условные конструкции с нереальным значением. Однако подобные конструкции встречаются относительно редко. Важная семантическая особенность конструкций этой группы состоит в том, что в ее ГЧ альтернативно могут выступать противоположные положения дел, каждое из которых таким образом представляет отклонение от существующей нормы, т.е. антиследствие. Для стандартных уступительных конструкций, в которых выражаются единичные положения дел, такая ситуация невозможна [Храковский 1998]. Соответственно определение стандартных уступительных конструкций не подходит для данной группы конструкций. Тем не менее эти конструкции являются уступительными, а тот факт, что у них могут быть два противоположных антиследствия, объясняется следующими обстоятельствами.

Дело в том, что один обобщенный участник ситуации представлен в каждом из положений дел, повторяющихся в ЗЧ, своими разными конкретными представителями. Вместе с тем разные конкретные представители одного обобщенного участника ситуации в соответствии с законами наивной логики должны всегда поступать не одинаково, а по-разному. Именно поэтому выше рассмотренные примеры (14а) и (14б) являются правильными уступительными конструкциями:

(14) а. *С кем я ни обсуждаю последний инцидент, все считают его возмутительным.*

б. *С кем я ни обсуждаю последний инцидент, никто не считает его возмутительным.*

Поясним более детально нашу мысль. В повторяющихся положениях дел участвуют разные представители одного обобщенного участника ситуации. Нормально, т.е. в соответствии с законами наивной логики одни из них должны считать последний инцидент возмутительным, а другие нет. В обоих же примерах (14а) и (14б) представлено отклонение от этой закономерности, поскольку в примере (14а) все разные представители считают этот инцидент возмутительным, а в примере (14б) напротив все те же разные представители не считают этот инцидент возмутительным. Из сказанного становится ясным, что семантическая трактовка итеративных уступительных конструкций отличается от семантической трактовки неитеративных уступительных конструкций (ср. [Храковский 1998]).

Еще один вывод заключается в том, что для уступительных конструкций обеих групп можно подобрать эквивалентную (или близкую по смыслу) стандартную уступительную конструкцию. Правда, в некоторых случаях стандартные уступительные конструкции, подобранные для итеративных уступительных конструкций, видимо, нельзя считать стилистически безупречными.

Сочетаемость в ЗЧ и ГЧ видовременных форм индикатива

Модель 1		Неитеративные				Итеративные		
ЗЧ	ГЧ	как	сколько	кто	что	какой	где	куда
Наст НСВ	Наст НСВ	+		+	+	+	+	+
Пр НСВ	Наст НСВ			+				
Буд НСВ	Наст НСВ							
Пр СВ	Наст НСВ							
Буд СВ	Наст НСВ			+	+	+		+
Наст НСВ	Пр НСВ							
Пр НСВ	Пр НСВ	+	+	+	+	+	+	+
Буд НСВ	Пр НСВ							
Пр СВ	Пр НСВ							
Буд СВ	Пр НСВ							
Наст НСВ	Буд НСВ	?+						
Пр НСВ	Буд НСВ							
Буд НСВ	Буд НСВ							
Пр СВ	Буд НСВ							
Буд СВ	Буд НСВ							
Наст НСВ	Пр СВ							
Пр НСВ	Пр СВ	+	+					
Буд НСВ	Пр СВ							
Пр СВ	Пр СВ							
Буд СВ	Пр СВ							
Наст НСВ	Буд СВ	?+	?+					
Пр НСВ	Буд СВ							
Буд НСВ	Буд СВ							
Пр СВ	Буд СВ							
Буд СВ	Буд СВ							

Таблица 2

Сочетаемость форм сослагательного наклонения в ЗЧ с формами индикатива в ГЧ

Модель 2		Неитеративные				Итеративные				
Сосл	Изъяв	как	сколько	какой	кто	что	какой	где	куда	когда
НСВ	Наст НСВ	+		+	+	+	+	+	+	+
НСВ	Пр НСВ				+	+	+			+
НСВ	Буд НСВ	+			+					
НСВ	Пр СВ			+						
НСВ	Буд СВ	+	+	+		+	+			
СВ	Наст НСВ				+	+	+		+	+
СВ	Пр НСВ				+	+	+			+
СВ	Буд НСВ				+					+
СВ	Пр СВ									
СВ	Буд СВ					+	+	+		

По сравнению со стандартными уступительными конструкциями все рассмотренные конструкции обладают повышенной экспрессией, т.е. являются эмоционально более выразительными и часто обладают значительными ограничениями на употребление глаголов в их ЗЧ. Эти ограничения нуждаются в уточнении. Что касается вопросов терминологии, то проанализированные конструкции, видимо, можно, как это принято, называть обобщенно-уступительными, или универсальными, учитывая однако их деле-

Сочетаемость форм квазимператива в ЗЧ с формами индикатива в ГЧ

Модель 3		Неитеративные					Итеративные			
Импер	Изъяв	как	сколь- ко	какой	кто	что	ка- кой	где	куда	когда
НСВ	Наст НСВ		+							
НСВ	Пр НСВ									
НСВ	Буд НСВ									
НСВ	Пр СВ									
НСВ	Буд СВ	+	+							
СВ	Буд НСВ									
СВ	Наст НСВ									
СВ	Пр НСВ									
СВ	Пр СВ									
СВ	Буд СВ									

Таблица 4

Сочетаемость форм сослагательного наклонения в ЗЧ и ГЧ

Модель 4		Неитеративные					Итеративные			
Сосл	Сосл	как	сколько	какой	кто	что	какой	где	куда	когда
СВ	НСВ							+	+	
СВ	СВ									
НСВ	НСВ	+								
НСВ	СВ	+	+	+						

ние на две группы с различной семантической и прагматической спецификой, которое было установлено в результате проведенного исследования.

Что касается взаимной дистрибуции видовременных глагольных форм в ЗЧ и ГЧ рассмотренных конструкций, то она отражена в четырех таблицах, где отмечены как все теоретически возможные комбинации видо-временных форм, так и реально встретившиеся комбинации.

К приведенным таблицам можно дать следующие комментарии. В Табл. 1 представлена сочетаемость видовременных форм в тех уступительных конструкциях, которые не являются уступительно-условными. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что как в неитеративных, так и в итеративных обобщенно-уступительных конструкциях стандартно сочетаются друг с другом формы настоящего и прошедшего времени НСВ, а кроме того в итеративных конструкциях стандартно сочетаются друг с другом формы будущего времени СВ в ЗЧ с формами настоящего времени НСВ в ГЧ. В целом из 25 теоретически возможных сочетаний в таблице представлены 7, однако у нас нет оснований утверждать, что в таблице учтены все реально возможные сочетания.

Что касается Табл. 2, то в ней и для неитеративных, и для итеративных конструкций предпочтительными являются сочетания сослагательного наклонения НСВ в ЗЧ с формами настоящего времени НСВ и формами будущего времени СВ в ГЧ. Кроме того, для итеративных конструкций регулярными являются также сочетания сослагательного наклонения НСВ в ЗЧ с формами прошедшего времени НСВ в ГЧ, а также сочетания сослагательного наклонения СВ в ЗЧ с формами настоящего и прошедшего времени НСВ и формами будущего времени СВ в ГЧ. При этом следует

подчеркнуть, что все итеративные конструкции, в ЗЧ которых выступает сослагательное наклонение, практически синонимичны итеративным конструкциям, в ЗЧ которых выступают формы изъявительного наклонения.

Табл. 3 включает конструкции, в ЗЧ которых выступает форма квазиимператива, функционирующая точно так же как и формы сослагательного наклонения. Немногочисленные примеры употребления квазиимператива НСВ относятся только к неитеративным конструкциям.

В Табл. 4 учтены конструкции, в обеих частях которых выступают формы сослагательного наклонения. Все эти конструкции являются уступительно-условными ирреальными конструкциями. Важно отметить, что для неитеративных конструкций характерна сочетаемость форм сослагательного наклонения НСВ в ЗЧ с формами сослагательного наклонения СВ в ГЧ, тогда как для итеративных конструкций типична противоположная сочетаемость.

Во всех четырех таблицах реально встретившихся сочетаний видовременных форм значительно меньше, чем теоретически допустимых, однако пока у нас нет оснований считать все не встретившиеся сочетания запрещенными. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Перцов Н.В.* 1988 – К проблеме инварианта грамматического значения. II.: (Императив в русском языке). Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
- Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Храковский В.С.* 1995 – Сколько деепричастий в русском языке? // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995.
- Храковский В.С.* 1998 – Уступительные предложения в системе имплицитивных конструкций // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб., 1998.
- Ширяев Е.Н.* 1996 – Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., 1996.
- König.* 1988 – Concessive connectives and concessive sentences: Cross-linguistics regularities and pragmatic principles // Explaining language universals / Ed. by J.A. Hawkins. Oxford, 1988.

³ Автор благодарен А.В. Бондарко и А.П. Володину, которые прочли эту работу и сделали ряд полезных замечаний и предложений. Особенно автор признателен Н.А. Козинцевой, которая участвовала в обсуждении структуры работы и предоставила из своей картотеки многие важные примеры.

© 1999 г. А.И. ДОМАШНЕВ

НОВАЯ НЕМЕЦКАЯ ОРФОГРАФИЯ

Известно, что орфографическая норма входит в совокупность норм языковой системы, образуя ее графический уровень. По своей природе она является нормой установленной (декретированной), в противоположность морфологическим, синтаксическим или лексико-семантическим нормам, которые следует рассматривать в целом как реально данные, объективно имеющиеся (онтологические). Значение согласованного единства графического уровня системы немецкого языка невозможно переоценить, если помнить, что речь идет о целой группе стран распространения немецкого языка (Германия, Австрия, большая часть Швейцарии, Лихтенштейн), а также о том, что он используется в других странах в качестве официального, административного языка (Люксембург), в обслуживании многочисленных немецкоязычных этнических групп, компактно живущих в различных странах Европы, Северной и Южной Америки, а также распространен достаточно широко в качестве языка изучения и обучения в школах и университетах во многих странах мира (немецкий язык как иностранный). Следует также подчеркнуть все возрастающую роль использования немецкого языка в международных и региональных организациях (ООН, Европейский Союз и др.). В этом своем качестве немецкий язык ныне вступает в полосу заметной реформы своей орфографии, последствия которой сегодня невозможно предсказать, несмотря на то, что с самого начала гарантируются необходимые условия для "мягкого" перехода на новую систему в течение достаточно продолжительного переходного периода.

1 июля 1996 г. уполномоченные представители Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна и ряда стран, в которых проживают немецкоязычные меньшинства (Бельгия, Дания, Франция, Венгрия, Италия/Южный Тироль, Румыния и др.), встретились в Вене для того, чтобы принять окончательное решение относительно новой орфографии немецкого языка. Новые орфографические правила намечено было ввести с 1 августа 1998 г. во всех заинтересованных странах одновременно; в течение длительного срока должно было происходить их практическое освоение (написание по ныне действующим правилам не должно было считаться недопустимым), а с 1 августа 2005 г. новые правила должны были повсеместно стать обязательными. Таким образом, окончательно подведена черта под усилиями специалистов реформировать немецкую орфографию, предпринятыми в странах немецкого языка вскоре после окончания Второй мировой войны, начиная с 1954 г.

Известно, что действующие ныне правила и нормы немецкой орфографии были установлены в самом начале нашего века, явившись компромиссным результатом усилий, предпринимавшихся на протяжении почти всей второй половины XIX в. представителями различных направлений в орфографической нормализации литературного языка. Лишь четверть века спустя после берлинской орфографической конференции 1876 г. на II орфографической конференции 1901 г., в работе которой принимали участие и представители Австрии и Швейцарии, было найдено согласованное решение и приняты правила, ставшие в своей основе обязательными для всех трех стран распространения немецкого языка. Они были учтены К. Дуденом (1829–1911) при редактировании им седьмого издания своего "Орфографического словаря", вышедшего в свет вскоре после конференции (в январе 1902 г.). С тех пор все изменения и

принятые правила кодифицируются традиционно словарем Дудена, который рассматривается в качестве официального справочника немецкой орфографической нормы, учитывающей особенности австрийского и швейцарского языковых стандартов. Однако сам К. Дуден, принимавший участие во всех орфографических проектах начиная с 70-х годов прошлого века и внесший наибольший личный вклад в разработку орфографической реформы, считал, что в 1901 г. удалось достичь лишь промежуточной цели и что правила остаются не вполне удовлетворительными, так как не содержат последовательной реализации фонетического принципа правописания.

Поскольку орфографическая реформа не смогла разрешить наиболее спорные вопросы правописания, неудивительно, что в последующие десятилетия они привлекали к себе внимание как со стороны лингвистов, так и со стороны школьных учителей, редакторов издательств, писателей и широких кругов общественности в странах немецкой речи. Однако наиболее настойчиво назревшие проблемы немецкой орфографии стали подниматься лишь в послевоенное время, с начала 50-х годов. В 1954 г. в Штутгарте была созвана конференция, в работе которой принимали участие специалисты существовавших тогда обоих германских государств – ФРГ и ГДР, а также Австрии и Швейцарии. Результаты обсуждения были изложены в так называемых "Штутгартских рекомендациях", содержащих, в частности, такие радикальные для традиций немецкого правописания предложения, как введение написания существительных со строчной буквы (Kleinschreibung): после реформы датской орфографии 1948 г. немецкий язык среди европейских языков остался единственным, где сохраняется написание существительных с прописной (большой) буквы. В целом было сформировано девять основных положений, которыми предусматривалось упорядочение орфографирования иноязычных слов, обозначение долготы и краткости гласных и др. Уже тогда, несмотря на сложность проведения столь радикальных орфографических мероприятий, со стороны лингвистов ГДР, в частности, была проявлена готовность к согласованным действиям, однако в других странах дальнейшее обсуждение рекомендаций не привело к общим взглядам. Так, если в ФРГ созданная в 1956 г. рабочая группа специалистов (Arbeitskreis) в ходе многочисленных заседаний выработала предложения, учитывавшие в основном "Штутгартские рекомендации", которые обсуждались затем в 1958 г. в Висбадене ("Висбаденские рекомендации"), то при обсуждении обеих версий "Рекомендаций" в Австрии и Швейцарии положительных решений не было принято. С тех пор прошло уже более 40 лет, а немецкая орфография продолжала в своей сущности оставаться такой, какой она была согласованно принята немецкоязычными странами в самом начале нашего века.

Однако первые неудачи не привели к отказу от принятых планов. Напротив, было решено продолжить координационную работу в рамках узких рабочих совещаний специалистов и путем обмена мнениями. В середине 60-х годов среди лингвистов ГДР укрепилось сознание необходимости проведения специальных исследований, которые могли бы раскрыть сущность проблемы и научно обосновать отношение к необходимости реформы и к ее программе. Началом этого нового этапа планомерной деятельности ученых стало совещание германистов в 1973 г. в Берлине (ГДР), на котором с докладом "Лингвистические основы реформы немецкой орфографии" выступили известные лингвисты Д. Нериус и Ю. Шарнхорст. Позднее здесь была опубликована целая серия работ, в которых были исследованы вопросы истории сложения немецкой орфографической системы, проблемы ее применения в современной языковой практике, а также разработаны детальные предложения, направленные на ее реформу. Завершающим трудом в этой серии явилась книга "Немецкая орфография" ("Deutsche Orthographie"), которая представляла собой не только своеобразную научную энциклопедию немецкой орфографии, но и обращенный в будущее проспект, на основе которого могли бы развиваться усилия, направленные на ее совершенствование, преобразование [Nerius 1987]. Правда, развившаяся за годы и десятилетия естественная усталость от несбывшихся ожиданий реформы немецкой орфографии оказала свое влияние и на авторов упомянутого труда, которые по мере углубления в научную

проблематику и социальную инфраструктуру темы проникались все большим пессимизмом относительно возможности и самой практической целесообразности реформы немецкой орфографии. Они, в частности, подчеркивали, что заметное вмешательство в сложившиеся фонемно-графемные взаимоотношения в условиях достигнутого ныне уровня письменной коммуникации может привести к таким последствиям, что не приходится ожидать, что общество согласится пойти на это, а возможные "выгоды" от реформы не находятся в "разумном соотношении" с проблемами, которые при этом могут возникнуть [Nerius 1987: 267]. Тем не менее рабочие группы специалистов в странах немецкой речи смогли сохранить научный интерес к проблеме совершенствования немецкой орфографии и обеспечить высокий уровень научного сотрудничества и взаимодействия, что позволило им подготовить коллективный научный труд [Deutsche Rechtschreibung 1992], чему, безусловно, способствовало и произошедшее в 1990 г. воссоединение Германии.

Как подчеркивалось во вступительной части этого международного труда, сформулированные в нем предложения по урегулированию немецкого правописания представляют собой итог "интенсивных усилий и в особенности конструктивного сотрудничества рабочих групп из различных стран": Исследовательской группы по орфографии из университета г. Росток и Центрального института языкознания в Берлине, Комиссии по вопросам правописания Института немецкого языка в Мангейме, Научной рабочей группы Координационного комитета по орфографии при Министерстве образования и искусства в Вене, Рабочей группы по реформе орфографии Швейцарской конференции кантональных директоров образования в Берне и Цюрихе.

Одновременно в этом разделе книги подчеркивалось, что представленные предложения направлены на то, чтобы заменить принятые в начале нашего столетия правила немецкой орфографии новыми, соответствующими "современным потребностям". Тем самым изложенные в книге положения следует рассматривать в качестве основы официального механизма реформирования немецкой орфографии, принятие которого в качестве закона является компетенцией государства.

Основные предложения относительно реформы существующей системы орфографии концентрируются вокруг проблем тех конкретных ее частей, которые возникли еще при разработке первой орфографической реформы, но не были тогда приняты, т.е. в центре внимания оказались отложенные ранее вопросы (звучно-буквенные соотношения, слитно-раздельное написание слов, орфографирование заимствованных и иноязычных слов и др.), а с другой стороны назрела необходимость обратиться к таким своеобразным традициям немецкого правописания, которые уже давно привлекали к себе критический интерес, как например, написание существительных с большой буквы. В соответствии с этим содержательная часть программного труда содержит шесть специальных разделов, в которых излагаются основные положения и принципы урегулирования немецкого правописания: звучно-буквенные соотношения при написании слов, включая вопросы орфографирования заимствованных и иноязычных слов; правила слитного и раздельного написания слов, написание сложных слов и словосочетаний через дефис, правила написания слов с большой и маленькой буквы: слово- и слогаделение в словах при их переносе в конце строки.

В своей совокупности они составляют настолько сложную и всеобъемлющую программу преобразований в системе орфографии немецкого языка, что в случае ее одномоментного официального принятия возникает ситуация кризисного состояния, на преодоление которого потребуются долгие годы и огромные материальные затраты. В силу этих и многих других социально значимых причин и обстоятельств вплоть до настоящего времени сохранялось скептическое отношение к предлагаемой реформе, что представляется вполне обоснованным, в особенности если учесть, что положительное решение относительно проведения орфографической реформы в согласованном объеме без каких-либо изъятий должно быть законодательно принято на международном надгосударственном (Германия, Австрия, Швейцария) уровне, чтобы не

подвергать риску распада имеющееся единство орфографии немецкого языка какими-либо односторонними действиями.

Что касается сути изложенных в этом фундаментальном документе орфографических предложений, то следует безусловно подчеркнуть, что его авторы, аргументируя положения реформы, действовали не только в высшей степени компетентно, но и проявили большую готовность к конструктивному сотрудничеству между собой и внимательному учету критических суждений по тем или иным конкретным предложениям по реформе орфографии, которые, как отмечалось, широко обсуждаются в обществе всех стран немецкой речи на протяжении последних десятилетий.

Упомянутый совместный труд специалистов стран немецкого языка, опубликованный, как отмечалось, в 1992 г., был подготовлен в качестве окончательного согласованного документа для III заседания комиссии "Венские беседы о реформе немецкой орфографии" ("Wiener Gespräche zur Reform der deutschen Rechtschreibung"), назначенного на 1993 г. Между тем, это заседание в Вене состоялось лишь в ноябре 1994 г.; участникам заседания была предложена переработанная версия подготовленного и опубликованного в 1992 г. труда, поскольку состоявшиеся в течение 1993 г. обсуждения опубликованных предложений вызвали как в Германии (май 1993 г. – Бонн), так в Австрии и Швейцарии определенные замечания и дополнительные предложения, которые предстояло рассмотреть и вновь согласовать со всеми участниками до начала работы венского заседания.

Состоявшиеся в Вене обсуждения и принятые решения и привели к тому знаменательному событию (о нем речь шла в самом начале настоящей статьи), открывшему новый этап в развитии и совершенствовании немецкой орфографической системы.

Однако уже в 1995 г. в странах немецкой речи, в особенности в Германии, началось достаточно мощное пропагандистское информационно-методическое наступление, призванное заблаговременно ознакомить носителей языка с тем, что их ожидает в ближайшем будущем в важнейшей сфере норм системы письменного литературного языка, которую в ней образует ее графический уровень. Так, в конце 1995 г. в издательстве "Falken" под редакцией Г. Цабеля (H. Zabel) вышла в свет специальная книга "Новая немецкая орфография" [Zabel 1995], в которой, по состоянию на октябрь 1995 г., подробно и последовательно рассматриваются основные принципы и положения новых орфографических правил. В 1996 г. в издательстве учебной литературы "Klett" (Штутгарт) было опубликовано специальное орфографическое пособие [Heller 1996]. Этому предшествовала публикация данного автора, вышедшая в свет в качестве экстренного издания информационного журнала "Sprachreport" (декабрь 1994 г.), издаваемого регулярно Институтом немецкого языка в Мангейме [Heller 1994]. Находясь в составе официальной немецкой делегации на упомянутой венской встрече в ноябре 1994 г., К. Хеллер оперативно подготовил информационный отчет о том, что принятой новой немецкой орфографии, который и был опубликован в этом выпуске журнала под названием "Rechtschreibreform" [Heller 1994]. И, наконец, в это же время в знаменитом издательстве "Dudenverlag", за два года до официального вступления в силу новых орфографических правил, вышел в свет в качестве 21 издания орфографический "Дуден", традиционно образующий 1 том двенадцатитомной серии словарей, выступающих с авторитетом официальных справочников кодифицированной нормы системы немецкого языка [Duden 1996]. Примечательной особенностью графического оформления этого нормативно-справочного издания является то, что все слова, общее количество которых в данном словаре составляет более 115 тысяч заголовочных слов, которые в результате реформы получили измененный орфографический облик, напечатаны красной краской, что позволяет читателю легко ориентироваться в совокупном орфографическом справочнике и получать целенаправленное указание относительно характера вводимых в данном слове орфографических изменений.

В качестве специального приложения к изданию орфографического "Дудена" (стр. 861–910) приводится полный текст принятого законодательного документа "Die amtliche Regelung der deutschen Rechtschreibung" ("Официальное установление немецкого правописания"), включающий в себя 112 параграфов, в которых подробно излагаются различные правила написания слов и пунктуационного оформления предложений в немецком языке.

Авторы концепции орфографической реформы и официальная международная комиссия, принимавшая от имени своих стран решение об одобрении согласованного документа, исходили из надежды, что благодаря новым правилам немецкое правописание получит некоторое "облегчение", но не изменит сколько-нибудь значительно привычный графический облик немецкого языка. В какой степени сбудутся эти ожидания, покажет лишь время, но уже первое знакомство с новыми правилами не оставляет сомнений в том, что это будет не простой путь усвоения нового, поскольку при этом затрагиваются не какие-то отдельные частные положения, а многие фундаментальные принципы орфографирования слов в их различных словоизменительных и морфолого-графических позициях, относительно которых и при "старых" правилах не удавалось добиться заметных успехов правильного использования.

Прежде всего следует отметить, что сохраняется принципиальное положение о написании существительных с большой буквы, поскольку попытки авторов новой концепции добиться отмены этой практики, сохранившейся в такой форме ныне лишь в немецком языке, были отвергнуты то представителями Австрии, то представителями Швейцарии, то почти всеми членами комиссии вместе еще на самых ранних этапах разработки проекта реформы, в 50-е годы. Более того; новые правила требуют написания существительных с большой буквы даже в тех случаях, когда в составе словосочетаний стало обычным написание существительного с маленькой буквы, например, нынешнее написание: *in bezug auf* "в отношении кого-л." – новое написание *in Bezug auf*. Ср. также: *heute mittag* "сегодня в полдень" – *heute Mittag*; *auf deutsch* "по-немецки" – *auf Deutsch*. С другой стороны, по-прежнему допускается варьирование: *zugrunde* "до основания" и *zu Grunde*. Ср. также: *hierzulande* "здесь" – *hier zu Lande*; *zugunsten* "в пользу кого-л." – *zu Gunsten*.

Одновременно вносятся существенные коррективы в написание немецких слов в опоре на этимологию, исходную форму данного слова. Так, слово *behende* "проворный, ловкий" предлагается писать: *behände*, производное от *Hand* "рука". Ср. также: старое *Stengel* "стебель" – новое *Stängel*, производное от *Stange*, "шест; жердь; прут". Значительная пестрота образуется при орфографировании заимствованных слов. Так, если по старым правилам слово *Bouclé* "букле" имело только данный графический вариант, то сейчас допускается и "онемеченная" форма: *Buklee*. Ср. также: *Varieté* "варьете" – *Varieté/Varietee*; *Graphologe* "графолог" – *Graphologel/Grafologe*. Такие "онемеченные" графические варианты допускаются при сохранении старых заимствованных форм в большой группе слов греческого происхождения: *Asthma* "астма" – *Asthma/Astma*; *Rhythmus* "ритм" – *Rhythmus/Rytmus*; *Alphabet* "алфавит" – *Alphabet/Alfabet* [Zabel 1995: 19], хотя в новом орфографическом "Дудене", являющемся официальным справочником правописания, этих "онемеченных" вариантов орфографирования слов греческого происхождения с "th" не содержится. Кстати, по поводу таких отступлений в новом "Дудене", идущих как бы вразрез с только что принятыми правилами, допускающими "онемеченные" варианты написания заимствованных слов из греческого языка, представитель Дуденовской редакции М. Вермке (Matthias Wermke), отвечая на критику Г. Гюнтера (Hartmut Günter), подчеркнул, что все предложения, касающиеся новых правил заимствованных слов, сводятся к тому, что так называемые "онемеченные" варианты допускаются только в тех случаях, когда интеграция такого написания в орфографическую практику и "орфографическое чутье" (Schreibgefühl) уже состоялось [Wermke 1997: 11]. Таким образом, еще до вступления в силу новых правил пользователи справочников оказываются в ситуации, когда в их распоряжении

находятся многочисленные издания, содержащие свод типов орфографических изменений, а с другой стороны им предстоит руководствоваться упомянутым орфографическим словарем "Дуден", в котором, как мы видим, содержатся определенные ограничения на использование прокламированных орфографических нововведений. В этом легко убедиться даже при поверхностном сравнении типов и вариантов орфографических слов, приведенных в книге Г. Цабеля [Zabel 1995] и в официальном орфографическом словаре "Дуден".

Помимо раздела о звуко-буквенных соотношениях при написании слов, о чем шла речь выше, реформа затрагивает еще пять сфер орфографии: раздельно-слитное написание слов, написание слов через дефис, написание слов с большой или маленькой буквы, пунктуация, перенос слов (разделение слова) в конце строки.

Не имея возможности остановиться хотя бы кратко на всех типах предлагаемых орфографических нововведений, подчеркну лишь, что большие изменения касаются правила использования характерной немецкой консонантной графемы *ß*. Так, союз *daß* "что" отныне будет орфографироваться через двойное *ss*: *dass*. Отменяется также переход двойного *ss* после краткого гласного в *ß*. Ср. старое написание: *hassen* – *Haß* "ненавидеть; ненависть" – и новое: *hassen* – *Hass*; *müssen* – *sie muß* "долженствовать; она должна" – и новое: *müssen* – *sie muss*.

Отныне в сложных словах сохраняются все согласные, характерные для этих слов в отдельности. Так, *Schiff* "судно" и *Fahrt* "езда; движение" при словосложении сохраняли только два *f* – *Schiffahrt* "судоходство", тогда как в соответствии с новыми правилами следует писать все три *f*: *Schiffahrt*.

Общее впечатление после подробного ознакомления с новыми принципами немецкой орфографии остается достаточно противоречивым. С одной стороны, действительно заметно упрощаются правила слогоделения при переносе слов в конце строчки, допускается большая свобода при орфографировании заимствованных слов, например, в словах греческого происхождения, в словах из французского языка; с другой стороны, вносятся радикальные изменения в графическое оформление многих немецких слов (при словоизменении форм от одного корня), написание существительных в составе словосочетаний с большой буквы. Все эти изменения заставляют усомниться в том, что новые орфографические правила "облегчают", как это подчеркивают авторы реформы, задачу письменного использования немецкого языка. Во всяком случае, все 773 страницы словаря, на которых расположено более 115 тысяч заголовочных слов, пестрят от красной краски, указывающей на принятые в данных словах орфографические инновации.

Не успев появиться, новые правила стали подвергаться достаточно жесткой и, нередко, вполне обоснованной критике, хотя дело, как говорится, уже сделано: закон принят и вступает в силу с 1 августа 1998 г. Приходится признавать, что в известной мере остались без внимания высказывавшиеся еще ранее опасения многих специалистов о том, что столь всеобъемлющие изменения внесут еще большие трудности для всех носителей немецкого языка. О своем скепсисе по поводу успеха реформы немецкой орфографии еще в 1992 г. заявил известный немецкий германист Д. Циммер (Dieter E. Zimmer), который в солидном гамбургском еженедельнике "Die Zeit" хотя и подчеркнул несомненные достоинства предлагаемой реформы, когда ее авторы, например, не пошли по пути полного "онемечивания" таких новейших заимствований, как *recyceln* "вторично использовать что-л.", все же заключил, что не следовало отказываться от некоторых устоявшихся орфографических традиций, ставших благодаря своему возрасту "дворянским наследием нашего языка", которые реформой будут выброшены на свалку истории как ненужный "бытовой отход" [Zimmer 1992].

Наиболее активное противостояние предстоящему переходу на новую орфографическую систему выявилось в Австрии. Все началось, если верить местной прессе, с того, что венская школьница Б. Параде недавно заявила австрийскому журналу "News" о том, что она подала в конституционный суд Австрии жалобу по поводу того,

что обязательное принятие новой орфографической системы нарушает ее конституционные права в отношении официально утвержденной ныне действующей нормы немецкого языка, поскольку, как аргументирует эту точку зрения ее адвокат Г. Цангер, "путем такого вмешательства" в языковую систему, благодаря чему вводятся параллельные способы орфографирования слов, возникает значительная неуверенность в отношении официально утвержденной ныне действующей нормы немецкого языка, а это, в свою очередь, затрагивает непосредственно основное право заявительницы на официальный немецкий язык (Amtssprache), свободу обучения на нем, использования в качестве языка науки и т.д. [Hafner, Schwaiger 1997: 17]. Параллельно с этим обращением австрийской школьницы в конституционный суд страны ее адвокат Г. Цангер обратился в Европейскую комиссию с просьбой рассмотреть различные финансово-технические вопросы, связанные с распределением субвенций заинтересованным издательствам, что может отрицательно сказаться на внутреннем языке и нарушить положения и статьи Общего рынка.

К этой борьбе против введения на территории Австрии новых орфографических правил подключились представители всех ведущих политических партий, от консервативной Австрийской народной партии до праворадикальной Свободной партии, при самом активном участии в этом движении представителей Социалистической партии Австрии. Лишь сторонники австрийских либералов считают, что все эти акции не будут иметь успеха, поскольку, по их мнению, нет никаких правовых оснований для судебного пересмотра принятых постановлений. Однако число сторонников принятия орфографической реформы невелико. Как подчеркивают авторы цитируемой статьи, в движении против введения принятой реформы объединились и социалисты, и правые радикалы, а их в этом вопросе поддерживает большинство австрийцев [Hafner, Schwaiger 1997: 19]. В передовой статье другого австрийского журнала – "Morgen" Г. Магеншаб [Magenschab 1997] подчеркивает, что проблема немецкой орфографии становится предметом политического и конституционно-юридического разбирательства (Streitfall), что в свое время предсказывали многие авторы статей, опубликованных как в этом, так и в других австрийских журналах. И сегодня, когда стало для всех очевидно, что большинство австрийцев не согласно с необходимостью перехода на новые орфографические правила, приходится лишь сожалеть, что в свое время в Австрии так и не удалось провести широкую и предметную общественную дискуссию по столь важному вопросу языковой культуры. И если бы судебные инстанции земли Гессен (ФРГ) не вынесли решения вопроса об отмене на своей территории принятой орфографической системы, то и в Австрии, подчеркивает автор, "тихо и незаметно" (heimlich) новое правописание было бы в принудительном порядке введено как в школах, так и в учреждениях.

В настоящее время во всех странах немецкой речи, равно как и в государствах, где проживают немецкоязычные национальные меньшинства (Бельгия, Франция, Венгрия, Румыния и т.д., к ним относится и Россия, а также такие страны СНГ, как Казахстан, Киргизия и др.), а также там, где немецкий язык имеет распространение в качестве предмета школьного и вузовского изучения, проводится активная методическая подготовка к постепенному переходу на новую систему орфографии. В первую очередь со стороны Германии заинтересованным странам оказывается необходимая методическая помощь, рассылаются орфографические словари и справочники, книги с полным текстом положения о реформе немецкой орфографии. Эта работа займет долгие годы, да и переходный период установлен до 2005 года.

Безусловно, решаясь на предложенную реформу орфографии, которая существовала в немецком языке около 100 лет, авторы руководствовались наилучшими побуждениями: совершенствовать немецкую орфографию с учетом накопившихся проблем, чтобы соответствовать задачам в области культуры немецкого языка на его современном этапе. Сегодня, однако, невозможно предсказать, каковы будут культурно-социальные последствия принимаемой реформы и не подтвердятся ли опасения некоторых ее авторов, которые они высказывали еще в период работы над ее проектом,

подчеркивая, что любое заметное вмешательство в сложившиеся в течение XX века фонемно-графемные взаимоотношения в условиях достигнутого высокого уровня письменной коммуникации может привести к крайне нежелательным последствиям, а полученные от реформы "выгоды" едва ли будут находиться в "разумном соотношении" с проблемами, которые при этом могут возникнуть [Nerius 1987: 267].

При всех обстоятельствах ясно одно: если и раньше многие носители немецкого языка писали письма и свои сочинения с помощью "Дудена" под рукой, то теперь двухцветный орфографический "Дуден" становится на долгие годы для всех неперенной настольной книгой в прямом смысле этого слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Deutsche Rechtschreibung* 1992 – Deutsche Rechtschreibung: Vorschläge zur ihrer Neuregelung/Hrsg. vom Internationalen Arbeitskreis für Orthographie. Tübingen, 1992.
- Duden I – Duden. Die deutsche Rechtschreibung. Das Standardwerk zu allen Fragen der Rechtschreibung. 21., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage/Hrsg. von der Dudenredaktion auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln (Duden. Bd. 1). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1996.
- Hafner M., Schwaiger S. 1997 – Die Gämsen-Jäger. Fällt die Rechtschreibreform? // NEWS. № 33. 1997.
- Heller K. 1994 – Rechtschreibreform // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache / Hrsg. vom Institut für deutsche Sprache. Extra-Ausgabe. Dezember 1994. Mannheim, 1994.
- Heller K. 1996 – Rechtschreibung 2000. Die aktuelle Reform. Wortliste der geänderten Schreibungen. Stuttgart, 1996.
- Magenschub H. 1997 – Coca-Cola-Sprache // Morgen. Kulturzeitschrift aus Niederösterreich. № 14. 1997.
- Nerius D. 1987 (Hrsg.) – Deutsche Orthographie / Vom Autorenkollektiv unter Leitung von D. Nerius. Leipzig, 1987.
- Wermke M. 1997 – Vom rechten Schreiben eines orthographischen Wörterbuchs. Zur Kritik am neuen Duden im Sprachreport 4, 1996 // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. № 2. 1997.
- Zabel H. 1995 – Die neue deutsche Rechtschreibung / (Hrsg.) Gesellschaft für deutsche Sprache. Niederhausen, 1995.
- Zimmer D. 1992 – Daß oder das oder dass? // Die Zeit. № 42, 9. 1992.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1999 г. О.В. ЛУКИН

**ЧАСТИ РЕЧИ В АНТИЧНОЙ НАУКЕ
(ЛОГИКА, РИТОРИКА, ГРАММАТИКА)**

Теория частей речи – одна из центральных теорий языкознания на протяжении всей его истории. Сам термин "части речи" мы встречаем сейчас в самых разнообразных исследованиях – по морфологии и синтаксису (как общих, так и отдельных языков), лексикологии, общему, сравнительному и прикладному языкознанию, в работах по методике преподавания языков (как родных, так и иностранных) и др. Неудивительно, что "части речи" в одних и "части речи" в других публикациях – нередко совершенно различные понятия, несмотря даже на то, что сам состав частей речи одних авторов в точности повторяет частеречную номенклатуру многих и многих других вслед за знаменитым учебником Дионисия Фракийского 'Τέχνη γραμματικῆ'¹.

Многообразие терминов, которыми теория частей речи богата как никакая другая теория в науке о языке, имеет, разумеется, свои корни, свои истоки. О них нередко забывают как исследователи, критикующие своих предшественников и современников за различного рода непоследовательности, пестроту и необоснованность терминов для обозначения одного и того же языкового феномена, за пресловутое смешение критериев классификации и многое другое, так и те, кто, не оглядываясь на авторитеты, предлагает все новые и новые "собственные" термины². Единственным объяснением такого положения вещей, основанным на анализе частеречных построений от Аристотеля до нашего времени, может быть, на наш взгляд следующее: многообразие частеречной терминологии – следствие мотивов и интересов, задач и установок авторов каждой отдельно взятой системы частей речи, существующих на фоне научной парадигмы своего времени, своего этапа развития науки.

Появившись более двух тысячелетий тому назад, частеречная теория и по сей день является предметом самых острых споров языковедов различных специальностей, школ и направлений. Один из бесспорных парадоксов этой теории уже заключается в том, что теория частей речи и грамматика в современном смысле этого слова в немалой степени обязаны своим появлением самообоснованию диалектического мышления в древнегреческой философии – прежде всего у Платона и Аристотеля [Paul 1978: 187]. Разнородность терминов, относящихся к теории частей речи даже в теориях того времени, может быть объяснена в числе прочих причин самыми

¹ Д. Херубим оценивает "Грамматику" Дионисия Фракийского не как грамматику отдельного языка в узком смысле этого слова, а как инвентарь общих грамматических терминов [Cherubim 1976: 126].

² Ср., например, такое полемическое высказывание Г. Гассера в его статье о разнообразии частеречной терминологии, встречающейся в грамматиках немецкого языка, опубликованных после 1950 года, где он указывает на "противоречие между запутывающим многообразием терминов и значительной идентичностью обозначаемых этими терминами понятий: «Zu den Lieblingsthemen deutscher Grammatiker, Linguisten oder Sprachwissenschaftler (wie auch immer sie sich nennen) gehört die Einteilung der deutschen Wörter in Gruppen – diese terminologisch nicht festgelegte Umschreibung ist nötig, denn so lieb dem einen der Terminus 'Wortart' ist, so unterschieden und wohlbegründet verwirft ihn ein anderer, der 'Wortklasse' vorzieht oder sonst einen Terminus» [Gasser 1984: 41].

непохожими задачами, которые ставили перед собою философы различных античных, прежде всего древнегреческих, школ для объяснения феноменов своего родного языка (ср. [Augoux 1988: 58]), а также нечеткостью их терминологии (ср. [Cherubim 1976: 118]). Как указывает Р.Г. Робинс, Платон концентрировал свое внимание на структуре предложений как движущих сил логических аргументов, Аристотель ставил перед собою задачу классификации и определения основных терминов описательных наук вообще, для стойков изучение языка, включающее грамматику, этимологию и риторику, стало центральной частью их философских исследований, александрийские филологи (литературные критики) рассматривали грамматику прежде всего как инструмент, необходимый для оценки литературного произведения и установления подлинности текстов ранних авторов [Robins 1966: 6].

Значение Аристотеля Стагирита (384–322 гг. до н.э.) в формировании языкознания вообще и частеречной теории в частности исследователями его творчества оценивается по-разному. Одни считают его заслугой как ученого лишь незначительное развитие взглядов его учителя Платона Афинского (427–347 гг. до н.э.)³, другие называют Аристотеля основателем традиционной грамматики, особенно учения о частях речи и синтаксиса⁴. Очевидно, истина лежит между этими полярными точками зрения: Аристотель – один из величайших ученых, предвосхитивших появление языкознания⁵.

Однако самое важное значение имеет самый факт того, что Аристотель был основателем и крупнейшим представителем классической (аристотелевской) логики, которая может быть названа учением о понятии, суждении и умозаключении, и три основные аксиоматические принципа которой не могли не оказать своего влияния как на понимание Аристотелем самой идеи частей речи, так и на развитие учения о частях речи в последующие столетия. Логика занимала у Аристотеля особое место в парадигме наук, она не входила ни в одну из его философий: "...теоретическую (умозрительную) философию, цель которой – знание ради знания, практическую, цель которой – знание ради деятельности, и пойетическую (творческую), цель которой – знание ради творчества" [Лебедев 1983: 36]. Логика для Аристотеля – "...не самостоятельная наука, а пропедевтика ко всему комплексу наук" [Лебедев 1983: 36]. Вместе с тем нельзя не отметить и "обратного" влияния – влияния структуры родного Аристотелю греческого языка на созданные им категории и принципы логики.

Первый принцип формальной логики – принцип идентичности – провозглашает равенство вещи самой себе, стабильность ее признаков и атрибутов, из чего следует равенство понятия самому себе. Второй аристотелевский принцип – принцип запрещенного противоречия – заключается в том, что два противоречащих друг другу высказывания не могут быть истинными одновременно. И, наконец, третий принцип – принцип исключенного третьего – состоит в том, что один элемент или понятие подпадает под одно или другое понятие, или что высказывание о чем-то или истинно, или ложно.

Двоичность аристотелевской формальной логики оправдывается следующим соображением: двоичность и разложимость действительности на альтернативы – не свойство, представляемое миром без нашего участия, а способ, которым мы успешно воздействуем на мир [Weizsäcker 1979: 303]. В соответствии с третьим принципом формальной логики, в языкознании как бы предопределяются некоторые бинарные оппозиции, прежде всего оппозиция 'имя/глагол', а также другие бинарные оппозиции, предлагавшиеся в разное время исследователями теории частей речи.

³ "Aristoteles ist nur sehr wenig über Platon hinausgekommen" [Arens 1969. 15].

⁴ "Erst Aristoteles (384–322 v. Chr.) war es, der in die Geschichte der Sprachwissenschaft als Begründer der europäischen Grammatik einging" [Ivić 1971: 14]; "Но подлинным основоположником античной языковедческой традиции, сформировавшим ее структуру и основные направления, является Аристотель" [Бокадорова 1990б. 35].

⁵ "Weitere Beispiele für außerlinguistische Motivationen, die sich in der Begriffs- bzw. Kategorienbildung niederschlagen, lassen sich nicht nur bei Aristoteles finden, der ja eher als Vorläufer, nicht als Begründer der Sprachwissenschaft angesehen werden muß" [Cherubim 1976: 119].

Именно бинарность оппозиций, обоснованная аристотелевской логикой, имела важное значение в истории науки вообще и науки о языке в частности⁶. Собственно говоря, она как бы была импульсом для выделения последующими философами (прежде всего стоиками и александрийцами) дальнейших частей речи из уже выделенных Аристотелем. Причем задачи, которые при этом ставили перед собою Платон и Аристотель, с одной стороны, и стоики и александрийцы, с другой, не только не совпадали (это, разумеется, не были задачи классификации частей речи), но и вообще не относились к грамматическим вопросам в современном их понимании: Платон и Аристотель ввели понятия $\delta\nu\omicron\mu\alpha$ и $\rho\eta\mu\alpha$ как элементы, от которых зависит истинность или ложность высказывания⁷; стоики, исследовавшие вопросы детерминации субъекта, расчленили $\delta\nu\omicron\mu\alpha$ на имя собственное и нарицание⁸, затем отделили от союзов члены (артикли), и от имен – местоимения. Впоследствии от глаголов были отделены наречия, а от нарицательных слов – причастия, что завершило классическую александрийскую восьмичленную схему частей речи.

Все три аристотелевских логических принципа имеют непреходящее значение для общей теории частей речи хотя бы потому, что последняя появилась и развивалась на фоне принципов классической логики, которым на протяжении более чем двадцати веков не было никакой альтернативы. Части речи как части речевой субстанции не могли не отвечать требованиям первой аксиомы – быть идентичными самим себе. Согласно третьему принципу употребление одной части речи предполагает неупотребление другой и наоборот, что для всей частеречной проблематики имеет важное системное значение, имплицитно, в конечном итоге, различение (и выделение с последующей классификацией) самих частей речи.

Вторая аксиома Аристотеля, как ни странно, имеет в наибольшей степени терминологическое значение: в частеречной терминологии один и тот же денотат называется нередко разными терминами, что свидетельствует о различных подходах к данному феномену со стороны разных исследователей. Данное положение может быть с успехом проиллюстрировано даже употреблением самого термина "части речи" Аристотелем и последующими учеными: Аристотель не употреблял ни термина $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\alpha$ $\tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$ (элементы речи), ни $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ $\tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$ (части речи)⁹, 20-я глава его "Поэтики" посвящена $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ $\tau\eta\varsigma$ $\lambda\acute{\epsilon}\xi\epsilon\omega\varsigma$ (частям словесного изложения)¹⁰. Все перечисленные три термина, равно как и четвертый – $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\alpha$ $\tau\eta\varsigma$ $\lambda\acute{\epsilon}\xi\epsilon\omega\varsigma$ (элементы словесного изложения) – еще в античной философии не получили абсолютно однозначной трактовки и нередко отождествлялись, что было неудивительно на фоне борьбы различных философских школ Древней Греции.

Впрочем, не должна вызывать удивления и широчайшая палитра терминов современного языкознания, относящихся к "частям речи": это лишь слабый отголосок терминологического разнообразия, доставшийся от философов античности современным языковедам, которое последние просто принимают за абсолют. Кроме того, нельзя игнорировать и того вполне очевидного факта, что употребляемые современным

⁶ "Das zweiwertige Denken und die zweiwertigen Ordnungsraster vereinfachen die Welt, aber die Welt muß auch vereinfacht werden, weil jeder Organismus nur ein begrenztes Inventar von Reaktionsmöglichkeiten hat, um auf aktuelle Situationen zu reagieren" [Köller 1988: 179].

⁷ "Zu Unrecht leite Sokrates aus der Wahrheit oder der Falschheit des λόγος die Wahrheit oder die Falschheit der $\delta\nu\omicron\mu\alpha$ ab..." [Rijlaarsdam 1978: 68].

⁸ "...die Stoiker, die die Fragen der Determination des Subjekts der Bahauptung untersuchten, wurden natürlich veranlaßt, der anfänglichen Dichotomie die Opposition der Eigennamen (onoma) zu den Appellativa (prosegoria) hinzuzufügen..." [Auroux 1988: 58].

⁹ Некоторые исследователи связывают происхождение термина $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ $\tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$ со стоиками: «Der Terminus "Redeteile" und die Vorstellung von großen und kleinen Teilen der Rede stammt wohl aus der Rhetorik. Die Rhetoren bezeichneten mit "Redeteile" ($\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ $\tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$) die Abschnitte der Rede ($\pi\rho\omicron\omicron\lambda\omicron\mu\iota\omicron\nu$, $\delta\eta\eta\gamma\eta\sigma\epsilon\iota\varsigma$, $\pi\acute{\iota}\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$, $\acute{\epsilon}\pi\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon\varsigma$)» [Rijlaarsdam 1978: 71–72].

¹⁰ Ср.: «Раздел "Поэтики", посвященный теории стиха, "словесного изложения" ($\lambda\acute{\epsilon}\xi\epsilon\iota\varsigma$), Аристотель открывает рассуждением о "частях" $\lambda\acute{\epsilon}\xi\epsilon\iota\varsigma$. Таких частей восемь: элемент (т.е. звук – $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\omega\mu$), слог ($\sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\beta\eta$), союз ($\delta\upsilon\nu\delta\epsilon\sigma\mu\omicron\varsigma$), член ($\acute{\alpha}\rho\theta\rho\omicron\nu$), имя ($\delta\nu\omicron\mu\alpha$), глагол ($\rho\eta\mu\alpha$), падеж ($\pi\tau\acute{\omega}\sigma\iota\varsigma$), предложение ("речь" – $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$); $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ понимается при этом как связная речь любых размеров...» [Тронский 1941: 24].

языкознанием термины, унаследованные из античной философии, не могут иметь тех же значений, какие они имели в трудах греческих философов: любой термин в иной научной парадигме, научной парадигме совершенно другого времени не может значить того же, что, например, сейчас¹¹. Да и сами термины *ὄνομα* и *ῥῆμα*, значившие во времена Платона и Аристотеля в разговорном языке соответственно 'слово' и 'оборот речи', приобрели у стоиков и александрийцев совершенно иное значение. При этом логико-синтаксический смысл стоического противопоставления *ὄνομα/ῥῆμα* как элементов предложения (высказывания, суждения) александрийцами был утерян, и их противопоставление свелось к морфолого-семантическим различиям [Cherubim 1976: 118].

В соответствии с принятой греческой традицией Аристотель трактовал грамматику как "учение о звуках речи". В области, лежащей между "учением о звуках речи" и логикой, он описывает язык как форму изображения мысли¹². Три части речи – *λόγος*, *ὄνομα* и *ῥῆμα* – он описывает, исходя из структуры логического суждения, высказывания на его родном древнегреческом языке¹³, причем не любого высказывания, ср.: "Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо" [Аристотель 1978б 2: 95 (17а 2–4)].

Многие философы и лингвисты считают, что взгляды Аристотеля и Платона на понятия *λόγος* и его отношения с *ὄνομα* и *ῥῆμα* не совпадали. Однако сейчас едва ли возможно сказать, что именно имели в виду оба величайших философа, используя данные термины. Различные интерпретации и переводы произведений Платона и Аристотеля способны на первый взгляд подчеркнуть противоречия их теорий, однако их совокупность помогает понять всю широту и глубину их философской мысли, которую некоторые исследователи намеренно сужают для собственных потребностей. Не случайно А.Ф. Лосев сравнивал сочинения Платона с большим оркестровым произведением, по отношению к которым перевод претендует на роль переложения той или иной темы для какого-либо несложного инструмента [Лосев 1968: 62]. Распространенное мнение, что для Платона *λόγος*¹⁴ состоит из мельчайших частиц – *ὀνόματα*¹⁵, а по Аристотелю *λόγος* состоит обязательно из двух частей – *ὄνομα* и *ῥῆμα* [Paul 1978: 198; Steinthal 1890, I: 239], если не неверно по своей сути, то представляет собой, по крайней мере, весьма узкое толкование мыслей величайших философов древности. Их теории настолько широки и многогранны, что практически каждый исследователь способен найти в них то, что он ищет. Нерасчленность, своеобразный синкретизм античной философии многих вводит во искушение трактовать тот или иной термин так, как это соответствует их установкам и целям исследования.

Аристотель был одним из первых в истории философии, кто глубоко и методически обоснованно задумался о структуре бытия и знания как такового. Его учение о

¹¹ Ср показательное в этой связи высказывание В А Звегинцева о языке В фон Гумбольдта "Не нужно забывать и того, что Гумбольдт был человеком своего времени и говорил он также на языке своего времени" [Звегинцев 1984 358]

¹² "Im Bereich zwischen der Lautlehre einerseits und der Logik andererseits beschreibt ARISTOTELES die Sprache als Darstellungsform des Denkens, er faßt die Sprache gegenständlich, soweit sie Bedeutung trägt, also als bedeutsames Lautgebilde, und gliedert sie in die drei Klassen Logos, Onoma und Rhema." [Paul 1978 198, cp. Steinthal 1890, I: 238]

¹³ "Onoma ist ein nach Übereinkunft bedeutsames Lautgebilde ohne Zeitangabe, dessen Teile keine eigene Bedeutung tragen, Rhema ist nur als Zeitangabe und als Zeichen der Aussage, nicht aber für sich ein bedeutsames Lautgebilde, Logos ist ein bedeutsames Lautgebilde, dessen Glieder teilweise als Gesagtes, nicht aber als Aussage etwas bedeuten" [Paul 1978 198, Aristoteles 1968 95–98]

¹⁴ *Λόγος* имеет у Платона, по меньшей мере, три значения 1) "обнаруживать свою мысль через звуки посредством глаголов и имен, впечатлевая свое воззрение в потоке, исходящем из уст, как в зеркале или воде" (206d), 2) "...когда о чем-то спрашивают, что это такое, в ответ перечисляются составляющие это буквы..." (207a), 3) "Третий смысл логоса – это приобретение знака, по которому искомое можно было бы отличить от всего прочего" (208c) [Васильева 1979 283]

¹⁵ «Die Frage, ob *ὄνομα* an unserer Stelle im *Kratylos* (385b–c) die Bedeutung von "Substantiv" hat, ist verneinend zu beantworten. Die *ὀνόματα* werden die kleinsten Teile des *λόγος* genannt. Nun ist ein *Verbum* ein genauso kleiner Teil der Rede wie ein *Substantiv*, so daß die Bedeutung "Substantiv" hier schlechthin nicht in Frage kommt. *ὄνομα* bedeutet hier "Wort", das Wort ist der kleinste Teil der Rede» [Rijlaarsdam 1978: 67].

категориях, изложенное в трактате "Категории", обобщило "...попытки предшествующей философской мысли выделить наиболее общие понятия о мире и способах его познания" [Спиркин, Ярошевский 1983: 251]; причем эта его заслуга намного значительней заслуги деления речи на части. Таблица, включающая десять аристотелевских категорий "...оказала определяющее влияние на развитие учения о категориях вплоть до нового времени, когда были предприняты попытки изменить ее состав в связи с достижениями философии и конкретных наук" [Спиркин, Ярошевский 1983: 251]. Категория сущности (субстанции)¹⁶, с одной стороны, и категории качества, количества, отношения, места, времени, положения, обладания, действия, страдания (претерпевания), с другой, составляют своеобразную бинарную оппозицию [Köllet 1988: 212–213].

Данные категории релевантны как для логики, так и для языкознания, причем их трактовка логиками зачастую отличается от собственно лингвистической: из десяти категорий «...только 1-я категория указывает сферу субстанционально сущего, все остальные – сферу акционально сущего. Например, предикат "белый" сказывается о "человеке" как о своем "подлежащем" (*ὑποκείμενον*), но не наоборот. "Подлежащее" на логическом уровне выступает как "субъект" предикатов, на онтологическом – как "субстрат", которому имманентны денотаты этих предикатов» [Лебедев 1983: 36].

Значительный интерес представляет сравнение логической и лингвистической трактовок терминов "субъект" и "предикат", ср.: «Термины, входящие в состав высказывания, традиционно подразделяют на субъект (в логических формах его позиция указывается буквами *a* и *S*) и предикат (позиция указывается буквой *P*). Однако в употреблении этих двух последних обозначений существует некоторая двусмысленность. Действительно, обычным является определение субъекта как того, о чем утверждается в высказывании, а предикта – как того, что утверждается о субъекте. В таком случае эти два термина являются знаками не лингвистических объектов как составных частей предложения, а чего-то находящегося вне данных предложений, т.е. существующего в той области объективной реальности, которая этими предложениями описывается. Например, в высказывании "Сократ – греческий философ" субъектом в соответствии с указанным определением этого термина будет не термин "Сократ", а тот конкретный человек, который жил в Древней Греции и с которым были связаны известные нам исторические события. Точно так же предикатом является не сам термин "древнегреческий философ", а свойство "быть древнегреческим философом", которое объективно существовало и, в частности, было присуще Сократу. Ясно, что подобное употребление терминов "субъект" и "предикат", когда, с одной стороны, они применяются для обозначения лингвистических объектов, а с другой, внелингвистических, реальных объектов, является двусмысленным и нежелательным» [Бочаров 1984: 16–17].

Весьма показательна трактовка категорий *ὄνομα* и *ῥῆμα* представителями неиндоевропейской культурной среды. Исследователь из Тайваня Венлин Пенг в своей философской диссертации, защищенной в Тюбингене, интерпретирует членение "логоса" на *ὄνομα* и *ῥῆμα* как членение на "подвижное" и "неподвижное"¹⁷, являющееся, по его мнению, интересной характеристикой индоевропейских языков и формой познания европейской философии [Peng 1993: 140], но невозможное в китайском языке¹⁸. Взаимосвязь философии и логики с определенным языком, на котором они формируются и

¹⁶ «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду "человек"; а род для этого вида – "живое существо". Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например, "человек" и "живое существо"» [Аристотель 1978а 2: 55–56 (2а 11–18)].

¹⁷ «Das *Onoma* bezieht sich auf ein Unbewegliches, das sich selbst ein von uns unabhängiges Wesen hat (Kratylos 368d–e), sofern es isoliert und ohne Verbindung mit dem *Rhema* betrachtet wird. Umgekehrt muß das *Rhema* dem Beweglichen zugeordnet werden, weil es sich auf eine Handlung (*Praxis*) bezieht!» [Peng 1993: 96].

¹⁸ «Im Chinesischen gibt es keine formale Teilung von Beweglichem und Unbeweglichem» [Peng 1993: 150].

развиваются, В. Пенг видит, в частности, в наличии соответствия означаемого и означающего: в греческом языке оно есть, в китайском же означающее – лишь средство, заставляющее слушателя думать об означаемом [Peng 1993: 146]. Тем парадоксальнее звучит очевидный факт влияния европейской грамматической традиции на грамматику современного китайского языка, ср.: «Этот понятийный аппарат [современного (нового) китайского языка "байхуа" – О.Л.], включающий понятия слова, морфемы, частей речи, грамматических категорий и т.п., сложился, по всей видимости, не без влияния европейской традиции...» [Солнцев 1995: 5].

По мнению Дж. Лайонза части речи получили свое определение при помощи аристотелевских категорий, независимо от флексии¹⁹. Однако, как нам представляется, данная формулировка нуждается в одной весьма существенной оговорке: влияние друг на друга частей речи и категорий логики нельзя не признать взаимным, а преобладающий флективный строй древнегреческого языка не мог не сыграть в становлении как первых, так и вторых в научном творчестве величайшего философа самой существенной роли. В. Пенг считает, например, что деление предложения на *бюца* и *р̄ημα* в китайском языке в принципе невозможно, что связано с различиями менталитетов европейцев и китайцев [Peng 1993: 7].

Любопытно отметить, что начиная с середины прошлого столетия Аристотеля упрекают в том, что он вывел свои категории из грамматической структуры греческого языка. Ученый подвергается критике как со стороны философов, так и со стороны языковедов. Первым, кто указал на то, что аристотелевские категории – следствие грамматической структуры греческого языка, его частей речи и членов предложения, был А. Тренделенбург [Trendelenburg 1846]. Х. Штейнталь упрекает Аристотеля и в том, что он нечетко сформулировал отношения между языком и логикой, и что у него нередко совпадали понятия бытия, говорения и мышления [Steinthal 1971, I: 204]. А.Г. Сейс писал о том, что аристотелевское учение о категориях и его логика слишком непосредственно отражают деление предложения на субъект и предикат, которое, бесспорно, имеет место в индоевропейских, но не обязательно во всех языках [Sauce 1880, 2: 329]. И, пожалуй, резче и парадоксальнее всего выразил эти мысли Ф. Маутнер: "Вся логика Аристотеля – не что иное как рассмотрение греческой грамматики с одной интересной точки зрения. Если бы Аристотель говорил по-китайски или на языке индейцев дакота, он бы неизбежно пришел к другой логике или хотя бы к другому учению о категориях" [Mauthner 1969 3: 4] (перевод наш – О.Л.).

Впоследствии еще многие исследователи критиковали Аристотеля за смешение онтологического, логического, психологического и грамматического, что в сущности является просто недоразумением, ср.: "Что касается онтологического статуса *логоса*, этот термин допускает и лингвистическое (речь), и психологическое (мысль), и объективное (обоснование вещей) толкование, причем сам Аристотель прибегал к каждому из них в зависимости от того, какой аспект исследуемого явления интересовал его в данном случае. Распространенное мнение, будто Стагирит путал логическое с грамматическим, следует считать полным недоразумением" [Микеладзе 1978: 8]²⁰.

Говоря об античном языкознании, никогда не следует забывать о той общей научной парадигме, в которой развивалось и функционировало языкознание (точнее то, что входит в состав современного понимания термина "языкознание"). Грекам принадлежит заслуга создания в основных чертах четырех лингвистических дисциплин: первая не имела собственного названия и занималась вопросами *теории языка*, три

¹⁹ «Die 'Redeteile' selbst wurden ebenfalls unter Bezug auf die aristotelischen 'Kategorien' (unabhängig von der jeweiligen Flexion aufgrund der 'akzidentellen' Kategorien wie Kasus, Tempus, u.s.w.) definiert. Nomina wurden gemäß ihrem 'Bedeutungsmodus' als Wörter definiert, die sich auf 'Substanzen' beziehen (daher der Terminus 'Substantiv'), Adjektive als Wörter, die die 'Eigenschaften' angaben, u.s.w.» [Lyons 1973: 277].

²⁰ То же самое относится и к Платону, ср.: «В значениях слов *λόγος*, *бюца* и *р̄ημα* в "Софисте" логические и грамматические моменты слиты воедино, в словах *бюца* и *р̄ημα*, кроме того, синтаксический момент не ограничен от морфологического» [Перельмутер 1980а: 153].

другие были: *грамматика, риторика, диалектика*. Наряду с первым разделом грамматика описывала язык независимо от обстоятельств его использования. Риторика изучала использование языка для определенных целей, диалектика изучала употребление языка в научной и философской дискуссии [Coseriu 1988: 20–21]. Объем термина "грамматика" в разные времена был различным, по-разному трактовали объем этого понятия и историки науки. В парадигме античной науки грамматика была тем, что называлось 'technē' – искусство, занимая свое место между "строгой наукой" – 'epistēmē', к которой относилась философия и астрономия, и 'emprīa' – практическими знаниями и навыками вроде медицины и поварского искусства. Грамматика включала в себя, по сути дела, все языкознание и даже больше: в ее задачу входило не только учить правильно говорить и писать, но и учиться быть поэтом и оратором [Steinhal 1890, II: 187].

В связи с частеречной проблематикой не случайно говорят о стоиках как философской школе, в центре внимания которой находился язык, ср.: "Стоики, таким образом, создали теоретические предпосылки для возникновения науки о языке как самостоятельной дисциплины, но сами они этого не сознавали и продолжали, подобно своим предшественникам, рассматривать анализ языковых фактов как средство постижения законов мышления и законов бытия" [Перельмутер 1980б: 190]. Язык стоики рассматривали в разделе, называемом "логикой", которая «... подразделялась на диалектику и риторику, которые понимались соответственно как "наука о правильном рассуждении" и "наука об умении говорить красиво"». «В основе разработки диалектики лежало представление о знаковом характере слова-логоса, о необходимости различать "обозначающее" и "обозначаемое". ... учение о частях речи, т.е. формы и средства, они относили к области "обозначающего", а учение о грамматических категориях рассматривали как учение об "обозначаемом" т.е. о том, что мыслится относительно реальных форм речи» [Бокадорова 1990в: 495]. Для стоиков язык не был прямым отражением окружающей "природы": они были "аномалистами", отрицавшими прямую связь вещей и слов. Традиционно ранние стоики выделяли пять частей речи²¹, последующие добавили шестую – наречие. Важнейшими основаниями для распределения слов по частям речи для стоиков были их наиболее общие семантические и синтаксические признаки, которые "... рассматривались как универсальные формы развертывания логоса в языке, осуществляемые параллельно со звуковым (или любым другим субстанциональным воплощением), без которых звук перестает быть собственно языковым явлением" [Бокадорова 1990в: 495–496].

Значение стоиков в формировании теории частей речи И.А. Перельмутер видит в следующем: «1) в противоположность Аристотелю стоики отличали части речи от языковых единиц иного порядка и рассматривали учение о частях речи как особую область своих размышлений; 2) распределение различных категорий слов по частям речи построено у стоиков на значительно более рациональной основе, чем у Аристотеля (это относится к таким частям речи, как "члены" и "союзы"); 3) в отличие от Аристотеля стоики рассматривали вспомогательные, служебные части речи как наделенные значением...; 4) к известным ранее частям речи стоики присоединили еще одну – наречие» [Перельмутер 1980б: 192]. Однако даже не собственно в этом – почти лингвистических акцентах, номенклатуре частей речи и критериях их классификации – мы видим решающее значение стоиков в развитии теории частей речи: стоики предвосхитили появление александрийской грамматики, ставшей канонической "тради-

²¹ «Частей речи имеется пять (так говорят Хрисипп и Диоген в книге "О звуке"): имя, нарицание, глагол, союз, член: Антипатр (в книге "О слове и высказываемом") добавляет еще "посредство". (Посредством Антипатр называл наречие (примечание автора – О.Л.)). Наричание, по Диогену, – это часть речи, обозначающая общее качество, например, "человек", "конь". Имя – это часть речи, выявляющая единичное качество, например, "Диоген", "Сократ". Глагол – это часть речи, обозначающая несоставное сказуемое (так говорит Диоген), или же несклоняемая часть речи (по мнению иных), обозначающая что-то сочетаемое с чем-то единым или многим, например, "пишу", "говорю". Союз есть несклоняемая часть речи, связывающая части речи. Член есть склоняемая часть речи, различающая роды и числа имен, например, ho, hē, to, hoi, hai, ta» [Диоген Лаэртский 1979: 286 (VII 57–58)].

ционной" грамматикой на многие последующие века, ср.: «Учение стоиков о языке оказало значительное влияние на формирование александрийской школы и на древнеримские штудии в области языка. Выдвинув понятие аномалии в качестве принципа строения языка, стоики способствовали разработке проблем системных и несистемных факторов в строении языка, выступавших в истории языкознания в виде "спора аналогии и аномалии"...» [Бокадорова 1990в: 496]. Столкновение философии стоиков и филологии александрийцев оценивается многими исследователями как толчок к появлению, развитию и расцвету научной грамматики²².

Значение александрийских филологов заключается в том, что «... александрийская школа разработала учение о языке на всех ярусах его строения, начиная с "элементов, или букв"» [Бокадорова 1990а: 27], в том числе и грамматику, которая до сих пор называется "традиционной". Необходимо отметить, что грамматика для александрийцев была своего рода вспомогательной дисциплиной в области литературной критики, которая включала в себя шесть основных разделов (μέρη): 1. громкое чтение (ἀνάγνωσις), 2. объяснение тропов, 3. объяснение устаревших и редких слов и содержания (γλῶσσαι), 4. этимология, 5. установление аналогий (ἀναλογίας ἐχλογισμός) и 6. литературная критика (κρίσις ποιημάτων) [Cherubim 1976: 124]. Это – получившая свою более или менее законченную форму грамматика греческого языка. Грамматика Дионисия Фракийского (170–90 г.г. до н.э.) – ученика Аристарха Самофракийского – это первое наиболее объемное и систематическое описание греческого языка. В противоположность стоикам александрийцы были "аналогистами", их поиск закономерностей языка привел к установлению флективных "канонов". Сначала у Аристарха, затем у его ученика Дионисия мы находим "священные"²³ восемь частей речи: ὄνομα, ῥῆμα, μετοχή, ἄρθρον, ἀντωνυμία, προθέσις, ἐπίρρημα, σύνδεσμος, которые они классифицировали преимущественно по морфологическим и семантическим критериям. (При анализе последующих теорий создается впечатление, что большинство исследователей вместо собственно анализа языкового материала ищут лишний повод доказать неизбежность концепции Дионисия, предлагая для нее все новые и новые обоснования, ср.: "Bei einer Mischung von verschiedenen Kriterien zur Klassifikation der Wortarten unterscheiden sich die Ergebnisse kaum oder nur gering voneinander und damit auch nicht von dem System, wie wir es schon bei Dionysios Thrax finden..." [Bergenholtz, Schaeder 1977: 25].)

С созданием александрийской грамматики история развития теории частей речи, казалось, достигла тех вершин, на которые впоследствии никто не смог подняться: вся последующая история теории частей речи так или иначе была связана с восьмью частями речи древнегреческого языка, предложенными Дионисием Фракийским. Еще один – типологический – парадокс частеречной теории состоит в том, что *один* язык с ярко выраженными признаками флективного типа оказался матрицей для описания многочисленных языков – языков иных типов и иных семей²⁴, ср.: «... античная грамматическая традиция описания языка по частям речи и грамматическим категориям ("акциденциям") легла в основу не только европейского языкознания, но и ряда традиций средневекового Востока» [Бокадорова 1990б: 35].

Римские грамматисты ревностно продолжали эллинистическую грамматическую традицию. И не случайно: у римских аристократов все греческое было *в моде*, их дети воспитывались так, что могли прекрасно владеть устным и письменным греческим

²² "Der Zusammenstoß von sprachtheoretischen Entwürfen aus der stoischen Philosophie einerseits und der alexanrinischen Philologie andererseits führt in weniger als einem Jahrhundert zur Entstehung, Entfaltung und Blüte der wissenschaftlichen Grammatik" [Borsche 1988: 17].

²³ "Multi plures, multi vero pauciores partes esse dixerunt. Modo autem octo universalis tenet ecclesia. Quod divinitus inspiratum esse non dubito" [Michael 1970: 51].

²⁴ «Wenn wir die europäische Grammatiktradition betrachten, so sehen wir, daß sich die Wortarten der griechisch-lateinischen Grammatik noch immer behaupten. Wir finden z. B. in heute verwandten Grammatiken, besonders in solchen für die Grundschule, jene Wortarten, wie sie bereits Aristarch von Samothrake (217–145) "definiert" hatte...» [Rieser 1980: 42].

языком; вырастая, они оказывались под влиянием *престижных* греческих языковых образцов. Один из них – М.Т. Варрон (116–27 г. г. до н.э.) – отчетливо продемонстрировал в своем творчестве влияние как стоиков, так и александрийцев. Его грамматика, как и последующие римские грамматики, состояла из тех же трех частей, что и грамматика Дионисия Фракийского²⁵. При трактовке частей речи латинского языка римские грамматисты проводили различия по отношению к греческому только там, где этих различий не заметить было просто нельзя. Факт типологического сходства греческого и латыни приводил к мнению, что разработанные греческими учеными грамматические категории – а среди них и части речи – универсальные и необходимые языковые категории.

Эра Элия Доната (ок. 400 г. н.э.) и Присциана (ок. 500 г. н.э.) стала классической эрой латинской грамматики. "Ars minor" и "Ars maior" Э. Доната были написаны непосредственно для использования в обучении латинскому языку и не содержали теоретического введения, равно как и современные ему грамматики Диомеда и Присциана. "Ars grammatica" последнего также служила практическим учебным целям. Все эти сочинения, описывающие язык Цицерона и Вергилия, были наиболее значимыми учебниками латыни и в Европе – вплоть до нового времени. О значении этих произведений, так или иначе переписанных с "Грамматики" Дионисия Фракийского, в культурной жизни Европы, свидетельствует хотя бы тот факт, что грамматика латинского языка Э. Доната была первой книгой, напечатанной И. Гутенбергом, она же была первой французской печатной книгой.

Вопрос о пригодности античной схемы частей речи для современного языкознания, в той или иной форме задававшийся во всех фундаментальных исследованиях по теории грамматики вообще и теории частей речи в частности, по нашему мнению, обречен на утвердительный ответ. То, что греческие философы привели человечество к тому, что называется "частями речи" – очевидная истина. Наблюдательные греки предложили последующим поколениям метод подхода к описанию своего родного языка, однако их последователи переняли именно не метод, а схему – восемь частей речи Дионисия Фракийского²⁶. Обоснование ими существования как в европейских, так и в т.н. "экзотических" языках тех же или почти тех же частей речи, что и в древнегреческом, еще более усилило позиции античной теории, ср.: "... образцом грамматики любого иностранного языка служили греческие и латинские грамматики или грамматики родного для автора языка" [Солнцев 1995: 4].

То, что восходящая к античности и существующая поныне номенклатура частей в целом отвечает практическим потребностям описания и изучения языков, отмечали многие исследователи²⁷. На этом фоне несколько непривычными кажутся попытки обоснования номенклатуры частей речи, состоящей из нескольких десятков конституентов (51 в работе [Bergenholtz, Schaefer 1977]). Однако исследования такого плана чрезвычайно важны для теории частей речи, но хотелось бы терминологически отграничить их именно от частей речи. Они, в общем, не противоречат "традиционной" грамматике.

Теория частей речи должна тщательно анализировать все грамматические признаки частей речи, чтобы выявить их релевантность, иерархию и взаимодействие для каждого "класса слов" отдельно взятого языка, чтобы путем их последующего синтезирования прийти к выявлению общих закономерностей. Общая теория частей

²⁵ Как известно, грамматика включала три обязательных раздела: первый определял цель грамматики как искусства – как правильно говорить и понимать поэтов; второй рассматривал части речи и их изменения по временам, залогам, падежам, числам и т.п., третий занимался преимущественно вопросами стиля.

²⁶ "Es ist bewundernswert, mit welcher Schärfe und Klarheit diese frühen Denker die grundgelegten Formenprägungen ihrer Muttersprache erkannt und herausgearbeitet haben" [Glinz 1957: 29].

²⁷ "... есть полное основание считать, что классы слов, установленные традиционной (так называемой "школьной") классификацией частей речи, в основном соответствуют реальной действительности (по крайней мере для языков типа европейских) и могут служить достаточно твердой отправной точкой для дальнейшего изучения этой проблемы» [Жирмунский 1976: 62].

речи не должна слепо и автоматически списываться с античной схемы, но самый факт нередких совпадений, обоснованных различными исследователями частей речи во многих, прежде всего, флективных языках, говорит лишь о величайшей теоретической ценности исследований античной логики, риторики и грамматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель* 1978а – Категории // Аристотель: Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1978.
- Аристотель* 1978б – Об истолковании // Аристотель: Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1978
- Бокадорова Н Ю* 1990а – Александрийская школа // Ярцева В.Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
- Бокадорова Н Ю* 1990б – Античная языковедческая традиция // Ярцева В.Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Бокадорова Н Ю* 1990в – Стоики // Ярцева В.Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Бочаров В А* 1984 – Аристотель и традиционная логика (Анализ силлогистических теорий). М., 1984.
- Диоген Лаэртский* 1979 – Зенон // Диоген Лаэртский: О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
- Жирмунский В М* 1976 – О природе частей речи и их классификации // Жирмунский В.М.: Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Звегинцев В А* 1984 – О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон: Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Лебедев А.В* 1983 – Аристотель // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Лосев А Ф* 1968 – Жизненный и творческий путь Платона // Платон: Сочинения в 3 томах. Т. 1. М., 1968.
- Микеладе З Н* 1978 – Основоположения логики Аристотеля // Аристотель: Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1978.
- Перельмутер И А* 1980а – Платон // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Перельмутер И А* 1980б – Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Солнцев В М* 1995 – Введение в теорию изолирующих языков в связи с общими особенностями человеческого языка. М., 1995.
- Спиркин А Г, Ярошевский М Г* 1983 – Категории // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Тронский И М* 1941 – Учение о частях речи у Аристотеля // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – Вып. 7. № 63.
- Arens H* 1969 – Sprachwissenschaft der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Freiburg in Breisgau, 1969.
- Aristoteles* 1968 – Kategorien. Lehre vom Satz (Peri hermenias) Hamburg, 1968.
- Auroix S* 1988 – Beauzée und die Universalität der Wortarten // Schlieben–Lange B. Ivo H. (Hrsg.) Wortarten. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Hf. 76, 1988).
- Bergenholtz H, Schaefer B* 1977 – Die Wortarten des Deutschen. Versuch einer syntaktisch orientierten Klassifikation. Stuttgart, 1977.
- Boische T.* 1988 – Quid est? Quot accidit? Notizen zur Bedeutung und Entstehung des Begriffs der grammatischen Akzidenzien bei Donatus // Schlieben–Lange B., Ivo H. (Hrsg.) Wortarten. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Hf. 76. 19, 1988)
- Cherubim D* 1976 – Grammatische Kategorien: das Verhältnis von "traditioneller" und "moderner" Sprachwissenschaft. Tübingen, 1976
- Coseriu E* 1988 – Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen, 1988.
- Gasser H* 1984 – Wortart oder Lexemklassen oder...? Zu Fragen grammatischer Begriffsbildung // Deutsche Sprache. Bd. 1, 1984.
- Glunz H* 1957 – Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet. Dusseldorf, 1957.
- Ivič M* 1971 – Wege der Sprachwissenschaft. München, 1971.
- Koller W* 1988 – Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. Stuttgart, 1988.
- Lychon I* 1973 – Einführung in die moderne Linguistik. München, 1973.
- Mauthner F* 1969 – Beiträge zur Kritik der Sprache. Bd. 1–3. Hildesheim, 1969.
- Michael I* 1970 – English grammatical categories and the tradition to 1800. Cambridge, 1970.
- Paul L* 1978 – Geschichte der Grammatik im Grundriß: Sprachdidaktik als angewandte Erkenntnistheorie und Wissenschaftskritik. Weinheim, Basel, 1978.
- Peng W* 1993 – Onoma und Logos. Interpretation des platonischen Dialogs 'Kratylos' mit einem Exkurs ins 'Organon'

- des Aristoteles und einem Anhang über die chinesische Philosophie Tübingen, Diss., 1993
- Riese H* 1980 – Prinzipien und Anspruch einer grammatischen Beschreibung natürlicher Sprachen mit Hilfe formaler Sprachen // Ballweg, Joachim / Glinz, Hans (Hrsg.) Grammatik und Logik Düsseldorf 1980
- Rijlaai sdam J C* 1978 – Platon über die Sprache Mit einem Kommentar zum Kratylos Mit einem Anhang über die Quelle der Zeichentheorie Ferdinand de Saussures Utrecht, 1978
- Robins R H* 1966 – The development of the word class system of the European grammatical tradition // Foundations of language 2, 1966
- Sayce A H* 1880 – Introduction to the science of language V 1–2 London, 1880
- Steinthal H* 1890 – Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern (mit besonderer Rücksicht auf die Logik) Bd 1–2 Berlin, 1890
- Tiendelenburg A* – 1846 – Geschichte der Kategorienlehre zwei Abhandlungen Berlin, 1846
- Weizsacker C F von* 1979 – Die Einheit der Natur München, 1979

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1999 г. Е.Ю. ПРОТАСОВА

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА:
ВАРИАНТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ИЛИ
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ?**

Становление и развитие функциональной прагматики связано с именами Йохена Ребайна (Jochen Rehbein, род. в 1939) и Конрада Элиха (Konrad Ehlich, род. в 1941). В совместных статьях на немецком и английском языках их имена располагаются в обратном порядке, в соответствии с латинским алфавитом. Но поскольку роль каждого ученого в этой дружбе равновесна, в русском тексте следовало поменять фамилии местами.

История функциональной прагматики как научной дисциплины выглядит классической для последней трети XX века. В 60-е годы Ребайн и Элих учились в Свободном университете Западного Берлина под руководством Д. Вундерлиха (см. [Wunderlich (Hrsg.) 1972]), увлекались марксизмом, К. Бюлером, психологией и англоязычной философско-лингвистической прагматикой. В 70-е разработали свою теорию, в 80-е стали профессорами (ныне Ребайн в Гамбургском университете, а Элих в Мюнхенском), создали свою школу. Последователи Ребайна и Элиха проводят экспериментально-теоретические исследования по самым разным аспектам звучащей разговорной речи и ее связи с речью письменной (иногда, правда, склоняясь больше к разговорному анализу). Наиболее известны имена Г. Брюннер, К. Бюриг, Г. Грефен, В. Грисхабера, Р. фон Кюгельгена, Я. Матраса, А. Реддер, Я.Д. тен Тийе, Р. Филера, Л. Хоффмана. Германская филология имеет свое логическое продолжение. Несомненно также влияние немецкой классической психологии, за исключением, разве что, положения об активности субъекта в отношении с объективным миром, с которым субъект вступает в контакт. Создатели направления стремятся к расширению своего влияния, в том числе и путем привлечения данных иных языков. Нам показались интересными теоретическое основание, методы исследования и результаты этих работ.

Хотелось бы понять, как складываются в разных странах школы научного анализа, отвечающие представлениям определенной группы ученых, но в то же время не являющиеся широко распространенными и интернационально адаптированными. Вклад функциональной прагматики в немецкое языкознание очень значителен, хотя у ее создателей и возникают иногда трения с коллегами по поводу роли Н. Хомского в лингвистике. Функциональная прагматика стремится к охвату новых языковых ситуаций, новых тем, продолжая работы по традиционным направлениям. Для представителей этой школы существенно, чтобы их труд получал отклик в жизни общества и приносил социальную пользу (см. [Ehlich, Becker-Mrotzek, Fickermann 1989]). Собранный учеными корпус материалов производит внушительное впечатление: максимально объективная, подробная и тщательная запись позволяет возвращаться к ним многократно.

Сложно дать точные соответствия понятийному аппарату функциональной прагматики. Поскольку в свое время термин "речевая деятельность" был, на наш взгляд, неправильно переведен на немецкий (в слове *Tätigkeit* отсутствует целенаправленность, присущая русскому слову), то, соответственно, немецкие термины *sprachliches Handeln* и *sprachliche Handlung*, противостоящие терминам советской теории речевой деятельности, следует, вероятно, переводить отличным от них способом. Для этого были выбраны словосочетания "речевое поведение" и "речевой поступок". Интересно, что базируясь во многом на одних и тех же источниках, немецкий и советский подходы к изучению роли речи в обществе получились непохожими друг на друга.

Функциональная прагматика, или функционально-прагматический анализ дискурса, представляет собой теорию, основывающуюся на представлениях лингвистической прагматики, имеющую черты, роднящие ее с теорией речевых актов, конверсационным или текстовым анализом, но отличающуюся от них собственным терминологическим и методическим инструментарием, который опирается на исследование общественно выработанных образцов поступка [Ehlich 1986a; Hoffmann (Hrsg.) 1996; Redder 1992; Rehbein 1976; 1977; 1988]. При этом важно, что отдельный речевой поступок не изолирован: он включается в последовательность речевых поступков, при которой предполагается обмен действиями между говорящим и слушающим, а также входит составной частью в систематически организованную общую конфигурацию поведения, обладающую внутренней структурой.

Функциональная прагматика находится в оппозиции к сугубо структуралистской лингвистике, занимающейся описанием языковой системы. Эта оппозиция не исключает использования и дальнейшего развития результатов структуралистского анализа. Ведь коммуникация не сводима только к речевому ее проявлению, при котором не принимаются в расчет невербальные, паралингвистические и другие формы коммуникации. Если, следуя за Соссюром, извлекать язык и речь из эмпирических отношений речевого поведения, то последствием такого подхода будет суженная постановка вопроса и преждевременные обобщения. Коммуникативные формы и речевые средства развиваются и используются с определенными общественно значимыми назначениями, а это часто игнорируется в языкознании.

В теории речевого поведения показано, что сцепление и нанизывание поступков основывается на особых потенциалах развертывания, в которых актанты реализуют свои поступки в речевом плане в зависимости от обстоятельств коммуникации. Так, утверждение формулируется по-разному в зависимости от того, передается ли информация в ответ на вопрос слушающего или ее дефицит ликвидируется по инициативе самого говорящего. Такие потенциалы представляют собой "образцы поступка"; это коммуникативные и тем самым глубинные социальные структуры.

Центральным моментом определения образца является "назначение", в котором манифестируется его общественная функция. Так, назначение просьбы – передать говорящему нечто, что есть у слушающего и чем он не пользуется; назначение обоснования – изменить непонимание некоторого действия слушающим в сторону его понимания; цель сообщения – передать доступные пониманию формулировки некоторого происшедшего в прошлом процесса. В категории "назначения" воплощена обширная структура образца в присущей ему форме. Напротив, категория "цели" определяет процесс совершения действий актантами. В ходе эмпирического анализа следует выяснить, в чем заключается общественное назначение образца. Соответственно, процессы деятельности актантов протекают внутри образцов; они расчленяются на предысторию, историю и послеисторию, а также на стадии (в соответствии с планами действия).

Образцы состоят из типов действий: ментальные действия, речевые поступки (интеракции) и акции, как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего. Пропозициональное содержание – "область ρ ", ментальное отражение действитель-

ности – "область π". Эти типы действий имеют различные структуры (в отношении характера протекания, сложности, а также используемого средства); они могут быть целыми действиями или процедурами, либо просто актами. Они могут объединяться в стратегии, тактики, рутины и маневры. Все эти элементы образцов имеют, в свою очередь, совершенно различные функции, т.е. различное качество действия (оно не ограничивается иллюкцией высказывания). Существенно аналитически разделять речевое поведение по предметному содержанию, знанию и пропозициональным структурам, а также дифференцировать категории пространства действия на различные ментальные пространства и привлекать к анализу дискурса пространство восприятия, пространство представления, пространство речи и пространство текста. Понятие текста складывается в теории речевого поведения как материализация речевого поступка в общеречевой ситуации, так же, как и соответствующее рецептивное действие слушающего. Это действие приобретает качество передаваемого и сохраняемого для случаев дальнейшего употребления знания, и при этом речевая ситуация как бы растягивается. Признак письменности, существенный в бытовом употреблении и даже чуть ли не равнозначный понятию "текст", таким образом не является обязательным для текста [Ehlich 1994]. Традиция устной передачи знания и культурного содержания в форме текстов существовала и существует в устных (или в достаточной степени устных) культурах.

Под дискурсом понимаются единицы и формы речи, интеракции, которые могут являться частью повседневной речевой деятельности, но могут также проявляться в институциональной области. Устная речь не является свойством, отличающим все формы дискурсивного поведения (например, выделяется общение через компьютер), но вполне характерна для него; соприсутствие говорящего и слушающего присуще дискурсу ("интеракция лицом к лицу"), но оно не обязательно (как при разговоре по телефону). Дискурсом можно назвать также совокупность интеракций между представителями определенных социальных групп (например, врач – пациент, политик – гражданин) или внутри обособленной области общественных отношений (например, дискурс "учить/учиться" в школах и других образовательных учреждениях). Анализ дискурса направлен на конкретные формы и способы протекания дискурсов.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Образцом публикаций школы функциональной прагматики можно считать сборник "Тексты и дискурсы" ("Texte und Diskurse") [Brünner, Graefen (Hrsg.) 1994], посвященный одному из актуальных направлений современной германской лингвистики. Г. Брюннер и Г. Грефен предпослали ему введение, озаглавленное "К концепции функциональной прагматики" ("Zur Konzeption der Funktionalen Pragmatik"). Выбор авторов статей и охват тематики, по мнению составителей, отвечает основным теоретическим линиям работы в рамках вышеназванного подхода. Выражения "дискурс" и "текст" в названии сборника отвечают двум центральным понятиям функциональной прагматики и последовательно различаются во всех работах. Й. Ребайн, опираясь на диалектику Гегеля, показывает, как исторически развивалось понятие "теория", как сформировалось языкознание, выделилась грамматика, как в науке соотносится теория и практика, старое и новое знание и понимание, как соотносятся теория и метод, критика и процесс познания в лингвистике. К. Элих разрабатывает основы функциональной этимологии, показывая, что перемещение значения языковых единиц или средств происходит в результате изменения их функции, которое наступает, когда они используются для новых задач. Тексты рассматриваются в работе К. Заура: на примере прессы периода захвата Гитлером Нидерландов демонстрируется, как пропагандистские цели осуществляются посредством сцепления речевых поступков в определенных формах. Р. Вайнгартен пишет о том, как в научных работах прослеживаются стили – позиции – наблюдателя и автора, кодируются действия наблюдения, описания, интерпретации и т.д. Г. Грефен, дискутируя с М. Клайном по поводу национального стиля научных

текстов, предлагает более тщательно оценивать употребляющиеся в немецкоязычной и англоязычной традициях языковые средства планирования и содержательной организации публикаций, а также способы достижения взаимопонимания между автором и читателем. М. Бекер-Мротцек в своей статье доказывает, что инструктивные тексты должны превосходить возможные учебные цели читателей и описывать способы преодоления вероятных трудностей. Следующая группа исследований касается дискурсов. Р. Филер классифицирует высказывания, относящиеся к "разговору с самим собой", т.е. акоммуникативные высказывания, не адресованные партнеру. К. Менг и С. Шраббак показывают, какие типы междометных восклицаний адресует взрослый ребенку и как овладевают дети этим языковым средством. Р.Д. Ваттс обсуждает интерактивные стили мужчин и женщин и проявление власти в диалоге. А. Реддер описывает использование красочных речевых оборотов в повседневных рассказах, взяв за основу пересказы телевизионных программ, и перечисляет среди них модуляцию, ритм, лексику, являющиеся способами передачи эмоциональных ощущений и ситуативной атмосферы слушающему. Р. Водак выявляет, какими языковыми средствами (формулировки предубеждений и стратегии аргументирования) достигалось на протяжении последних лет в австрийских средствах массовой информации изменение позиции по отношению к восточноевропейским соседям. В заключительной части, открывающейся теоретическим исследованием К. Элиха и Й. Ребайна об институтах, рассматривается коммуникация в различных общественных учреждениях. Это и сфера экономики: разговоры в процессе покупки машины на фирме, отвечающие особым целям продавца и покупателя (Г. Брюннер). И судебное разбирательство: межкультурная коммуникация судьи и иностранных ответчиков или свидетелей, вызывающая различные проблемы и противоречия (А. Керфер). И педагогика: обучение слепых или слабовидящих на уроках физкультуры (Г. Фридрих). О. Ханна и М. Лидке рассматривают составную часть экзамена по иностранному языку – пересказ текста, в котором смешиваются признаки устной и письменной речи. Т. Кооле и Я. тен Тийе анализируют сотрудничество в мультинациональном педагогическом совете в Нидерландах на основе образца "интерактивное планирование". Какой бы дискурсивный материал ни был взят для исследования, к нему применяется выработанный понятийный аппарат. Обязательно выдерживается принцип: от теории идти к анализу фактов, обобщать их, делать теоретические и практические выводы.

Функциональная прагматика заставила также по-новому осмыслить элементы речевой ситуации; с этих позиций были описаны многие местоимения, частицы, междометия и т.д. Определение грамматических форм этих частей речи исходит из реконструкции абстрагированных в них речемыслительных процедур. Например, в своем исследовании о междометиях, относящемся к числу работ по дейксису, К. Элих [Ehlich 1986b] опирается на метод функциональной прагматики и широко использует понятие "поля", введенное К. Бюлером. Теоретико-аналитические предпосылки проверяются на эмпирическом материале записей разговорной речи, причем используются как функционально-прагматические методы, так и сонограммы. Там же содержится обзор основных мнений по вопросу междометий. Показывается, почему междометия занимают периферическую позицию в языкознании: это область, сложная для анализа, теоретические основания выделения этого класса слов не позволяют охватить все его специфические свойства – как связанные с обстановкой общения, так и с акустическими характеристиками. Именно на междометиях проверяются возможности разрабатываемого подхода, поскольку ставится задача понять, каковы функции и формы междометий. Наиболее подробно описаны немецкие междометия "HM" и "NA". Другие исследователи не менее тщательно обрабатывают с позиций функциональной прагматики такие факты языка, как глагольные и именные категории, диахронические изменения, типологические закономерности.

Анализируя речепотребление в обществе, функциональная прагматика довольно рано начала описывать общение в общественных местах, например, в ресторане [Ehlich, Rehbein 1986]. Обычно учреждения задают тип совершения речевых поступков

в соответствии со своим предназначением. Внешние факторы в значительной мере предопределяют совершающееся в институциях общение. В институциях действуют агенты, представляющие за них в профессиональной форме, и клиенты, пользующиеся институциями ради реализации определенных действий (как в ситуации "покупка – продажа") [Rehbein 1992], либо привлеченные в сферу их деятельности (в суде) [Hoffmann 1983]. Обе группы – агенты и клиенты – располагают различными коммуникативными возможностями и очень разными знаниями. Коммуникация в институциях протекает в соответствии с образцами. Знание агентов, будучи профессионализированным, структурировано по большей части систематически; знание клиентов часто связано с частным пережитым опытом. Так, в речевой стороне судебного разбирательства, приводящего к выбору способа наказания, выделяются формы обвинения, допроса, способов наложения штрафа, разные варианты рассказывания, соотнесенные с обстановкой суда, и их стратегические функции; опрос свидетелей; скрытые дискурсы. Внимание к вербальным формулировкам позволяет влиять на протекание и результат судебного разбирательства.

Более подробно с методом функциональной прагматики можно познакомиться на примере одного из серии исследований, посвященных коммуникации в медицинских учреждениях [Rehbein, Löning 1995]. Исследование общения врача с пациентом происходит с целью его возможной профессионализации благодаря языковедско-коммуникативному анализу. Коммуникация "врач – пациент" подвергалась критике в прессе: она теряет свое значение, которое должна иметь как основное средство врачебного воздействия на пациента, вследствие увеличивающейся технологизации врачебного обследования (использование более совершенной аппаратуры и разнообразных лекарственных средств). Уменьшение времени на диагностическую терапевтическую беседу противоречит осуществляемой реформе здравоохранения, призванной усилить заботу о положительном психологическом воздействии врача на пациента. Пациенты вкладывают прямо или косвенно значительные средства в свое лечение и хотят получать содержательную, аргументированную информацию о нем. Изменились сформированные средствами массовой информации ожидания и требования больных: узнавая все больше о своей болезни, они не довольствуются кратким диагнозом и получением лекарства, а хотят участвовать в процессе лечения, контролируя действия доктора. Доктора, в свою очередь, понимают, что успех лечения в значительной степени перекладывается на плечи самого пациента, и должны сформировать его отношение к болезни таким образом, чтобы он помогал проведению намеченных мероприятий и психологически способствовал благоприятному исходу терапии.

В обсуждаемой работе были сделаны записи диалогов "врач – пациент" у нескольких докторов, ведущих прием больных с разными заболеваниями; затем врача и пациентов интервьюировали с целью выяснить, насколько точно удалось специалисту передать необходимую информацию больному, а тому, соответственно, – понять его. Из проведенных экспериментов следует, что вследствие рационализации рабочего времени врач одновременно участвует в нескольких типах поведения, касающихся разных пациентов: ведет переговоры с лечащим врачом, получает результаты анализов, посылает на дополнительные обследования, записывает результаты своих наблюдений; в то же время он обсуждает различные вопросы с сестрой, сестра приглашает следующего пациента и предлагает ему подготовиться к осмотру в смотровой комнате, готовит материалы для приема больного; диалог с каждым больным делится на несколько частей (пока он раздевается, одевается, сдает анализы, ждет результата исследования), а в промежутках доктор может быть занят приемом другого больного. Собственно вербальная коммуникация обычно состоит из нескольких фрагментов – коммуникативных субструктур, их объединение обозначено термином "конstellация". Так, врач имеет с пациентом обычно первичную и последующую беседы, а каждая из них делится на специальную и общеврачебную. Как структура протекания коммуникации, так и специфика врачебных действий ради получения сведений от больного решающим образом зависят от конstellации. На определенных

этапах врач использует набор конкретных речевых формул, связанных с основными составляющими своей деятельности – сбором анамнеза, постановкой диагноза и предложением терапии.

Процессы понимания при речевом взаимодействии связаны с ключевой категорией знания; в случае коммуникации "врач – пациент" знание структурировано и распределено между ними по-разному и по-разному обрабатывается и перерабатывается коммуникантами в речевом плане. Методология состоит в прагматически ориентированном анализе конкретного языкового материала аутентичных дискурсов. В отличие от других подходов к разговорной речи уровни анализа определяются не иерархически, а функционально:

1. **Анализ образца.** Исходя из предположения, что во всех записанных на магнитофон практических разговорах коммуникация подразделялась на коммуникативные субструктуры, в качестве образцов речевого поступка вычленяются такие типы сложно организованных речемыслеительных действий, которые имеют переменные и функционально определяемые речевые реализации при индивидуальном протекании коммуникации (например, так происходит при задавании вопросов, предложении вариантов проведения лечения, ответах пациента и пояснениях врача).

2. **Анализ знания.** В качестве основы для вычленения типов знания берутся сегментированные в соответствии с типами коммуникативных субструктур транскрипты, а именно пропозициональное содержание соответствующих фрагментов речевого поведения, которое последовательно классифицируется в соответствии с тем, как оно участвует в протекании коммуникации (так происходит в случае категоризирующего знания, когда у пациента есть представления о болезни, при выражении знания в ответах больного, при различении знаний профессионального / полупрофессионального / псевдопрофессионального / бытового порядка).

3. **Анализ процедуры.** На этом уровне описывается речемыслеительные процедуры, связанные с отдельными языковыми выражениями, играющими главную роль в поддержании целостности речевого, институционального поведения врача и пациента; в них совершается некая основная комбинаторика, они включаются в более сложные речевые поступки (так происходит, когда врач слушает и задает вопросы, в некоторых способах расстановки слов в устной речи, при использовании врачом слова *но*).

Обработка собранного материала показала, какие возможности более эффективного лечения раскрывает правильно организованная первичная беседа, как при последующих посещениях коммуникация должна быть использована с внешне противоречащими друг другу целями: с одной стороны, пациенту должна быть оказана психическая поддержка, с другой стороны, он должен внимательно относиться к своему состоянию. Способы оречевления знаний разного порядка различны и встречаются в разных ситуациях. Например, типологически вопросы врача делятся на:

– вопросы общего плана (в них содержатся обобщенные выражения типа *На что вы жалуетесь? Есть ли у вас боли? Как рука?*);

– специальные вопросы по поводу симптомов болезни и лечения (*Болей в желудке не ощущаете? Курите? Как с аппетитом?*);

– вопросы о чувствах, представлениях, предположениях, надеждах пациента, заставляющие его думать и говорить по поводу своей болезни;

– вопросы, вызывающие появление в ответах шкалы оценок (типа *больше всего, недостаточно, так плохо, немного болит, чуть-чуть чувствуется* и т.п.), которые в пропозициональной области являются предикатами;

– вопросы, позволяющие пациенту актуализировать свое состояние, описать, чем оно характеризуется в данный момент;

– элементы вопроса, вопросительные слова + *х*, т.е. попытки дополнить пропозициональное содержание (*какие х, почему х, какой-либо/вообще х, но не х, а х нету* и т.д.);

– вопросы по поводу установок пациента по отношению к пропозициональному знанию, содержащие выражения типа *может быть, собственно* и др., ведущие к выяснению того, что пациент еще не знает;

– способы обозначить выясняемое содержание как новое путем расстановки слов во фразе и просодии.

В ходе классификации ответов пациента выделяется:

1. Группа более или менее целенаправленных (само)наблюдений (описания признаков состояния болезни), подтверждений или опровержений предварительных формулировок, выдвигаемых врачом, метафор и дескриптивных подражаний. Все это вместе может быть названо дискурсивным искусством описания.

2. Группа психических вербализаций (описание страданий, иллюстрации, попытки передать свои переживания и представления).

Как правило, врач интересуется только первой группой ответов и старается проигнорировать выражаемое в высказываниях пациента бытовое представление о своем заболевании, в то время как ему следует проявлять и в этой области участие, утешать, давать немедицинские советы, т.е. реагировать на те высказывания больного, в которых выражаются его страхи, опасения и т.д.

В качестве рекомендации врачам при проведении беседы с пациентом рекомендуется задавать вопросы так, чтобы постоянно учитывать психическую сторону общения с пациентом. Путем предложений по поводу лечения и пояснений врач очерчивает перед больным план преодоления болезни или обхождения с ней на основании того, как он представляет себе, что будет происходить в дальнейшем в жизни пациента. Врач обращается к своему профессиональному знанию и излагает его пациенту в полупрофессиональной форме. От пациента требуется соучастие: в отсутствие непосредственного медицинского контроля, в период, когда врач его не видит, он должен сам нести ответственность за свои действия в виду своей болезни, придерживаясь намеченного доктором плана. Существует опасность, что действия пациента не будут согласованы с предписаниями врача, поэтому врач должен быть особенно внимательным к возражениям, высказываемым пациентом. Врачу недостаточно быть профессионально компетентным – он должен быть компетентным коммуникативно, чтобы понять, насколько усвоил больной сказанное доктором. Пояснения, которые делает врач, направлены на то, чтобы состоялась подлинная кооперация между врачом и больным, чтобы пациент стал соучастником процесса лечения. Если предписания не сопровождаются пояснениями, то они становятся похожими на приказы; если в пояснениях недостаточно профессионального знания, то они становятся подбадриваниями и т.д. В этом направлении, имеющем явно прикладной характер, работают многие представители функциональной прагматики; их выводы внедряются в медицинскую практику (см. [Ehlich, Koerfer, Redder, Weingarten (Hrsg.) 1990]).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Широко представлено в функциональной прагматике также направление, связанное с межкультурной коммуникацией, изучением немецкого как второго, развитием и функционированием двуязычия. Например, Й. Ребайн [Rehbein J. (Hrsg.) 1985; Rehbein 1987c] ставит вопрос: является ли на самом деле ФРГ монолингвальным государством или это многоязычная страна? Игнорирование того факта, что в Германии говорят более чем на полутора десятках языках (не учитывая языков исконных национальных меньшинств), является, с идеологической и политической точки зрения, пережитком буржуазного мышления периода национального государства. Хотя языковая ситуация за последние годы сильно изменилась, немецкое общество неохотно и лишь частично соглашается признать такое положение дел, подчеркивая, что одноязычие господствовало всегда. С этим должны считаться мигранты, находящиеся в ситуации на стыке стран и обществ. Безусловно, помимо исторических предпосылок есть и систематические причины монолингвизма: как индустриально развитое капиталистическое государ-

ство Германия стремится к беспрепятственному развитию разделения труда, без затруднений коммуникативно-языкового характера, прежде всего в области промышленного производства и товарооборота. Эти процессы не только отвечают интересам буржуазии, но и способствуют росту образовательного уровня народа. Так происходило, в частности, когда в Германии вырабатывался единый общегосударственный язык на основе множества диалектов.

Однако для многих групп германского общества все же не немецкий, а какой-либо другой язык может являться носителем социального знания и снабжать их коммуникативными способами переработки социального опыта; без этого они бы разрушились бы духовно. Но следует отметить, что лишь меньшинство пользуется родным языком как при индивидуальном воспроизводстве и потреблении, так и в процессе общественного капиталооборота и производства. И тем не менее, многоязычие проводится достаточно последовательно. Факт наличия других языков оказывается существенным в различных общественных институтах, например, при воспитании детей. Понятие "языковой лояльности" – сохранения меньшинством родного языка в некоторых областях жизни и терпимость к нему со стороны большинства – принимается в качестве новой не-расистской ориентации языковой политики. До сих пор даже многие учителя думают, что ученики добьются более значительных успехов в немецком, если им запретить говорить на родном языке, что опровергается экспериментами. Другим смежным понятием является "нормализация" – расширение использования языка меньшинства путем участия его представителей в различных общественных институтах.

Обсуждая проблему двуязычного образования, Й. Ребайн [Rehbein 1985] начинает с ситуации бытования языка в среде мигрантов; он рассказывает о последовательном развитии двуязычия, о потере существенных элементов родного языка и замещении их элементами немецкого языка. В принципе возможны две ситуации: ребенок овладевает вторым языком, сохраняя первый язык (этот случай редок у детей мигрантов, хотя в принципе ведет к двуязычию, близкому по типу к двуязычию в семьях, где смешанные браки); у ребенка первый язык разрушается, а полноценного овладения вторым языком не происходит, причем в итоге доминирующим может быть как первый, так и второй язык. Определяя процесс и результат овладения языком у детей-иностранцев в ФРГ, автор пишет, что при определении типа индивидуального двуязычия нужно обращаться не ко второму языку, а к родному. Введение обучения на родном языке имеет и свои отрицательные стороны, т.к. сегрегирует детей по языку. Рассматривая примеры овладения письмом у детей-турок в Германии на двух языках, Й. Ребайн показывает, как влияет степень развития родной речи на речь на втором языке; как оба языка перекрестно влияют друг на друга; каковы типы и причины допускаемых ошибок; как обучение на родном языке может помочь частично преодолеть трудности, возникающие в речевом поведении. Здесь выделяются следующие проблемы: преподавание первого и второго языка; особенности понимания; овладение грамотой и смешение языков; анализ и осознание языкового опыта; перевод; межкультурная коммуникация в классе; практический речевой поступок на родном и на втором языке; отношения с группой и опыт самопознания в речевой коммуникации; развитие, поддержка и потеря родной речи в семье.

Ребайн рекомендует определенные методические приемы поддержки родного языка, которые сами по себе они значат не так много, как внимание к состоянию двуязычия у каждого ребенка [Rehbein 1987a]. В эксперименте он наблюдал, что турецкие дети в возрасте 10–12 лет после прочтения рассказа на немецком языке едва могли сделать далеко не полный пересказ, а после прослушивания на родном языке сносно пересказывали на немецком. В разных культурах переработка текста осуществляется детьми преимущественно в одной из трех основных форм: реферирование, пересказ, меморирование, а эти формы связаны, в частности, с ролью текста и речи, письменной и устной речи в жизни семьи, так что у турецких и немецких детей одного возраста – разные типы дискурса. Велика роль родного языка и вспомогательных опор для понимания сложных языковых форм, поэтому преждевременная схематизация рассказа

после первого чтения (например, неверная или неполная) может действовать блокирующим образом при последующих прочтениях. Останавливаясь на способах описания действий, структуре пересказа, possessивности и передаче сложных немецких предложений на турецком языке, автор обнаруживает феномены, особо сложные для переработки, а также исследует смещение понятий, сформированных в различных культурных условиях (испытуемыми были дети-турки в Турции, дети-турки в Германии с доминантным немецким или турецким языком, дети-немцы в Германии).

Известно, что речь иностранца воспринимается носителями языка как содержащая определенные особенности, отличающие ее от их собственной речи. К числу этих особенностей относятся: повторение одних и тех же слов, словосочетаний, выражений и т.д.; постоянное модифицирование одного и того же набора речевых образцов, а не спонтанное высказывание; использование готовых формул, как бы вырванных из контекста, которые можно правильно интерпретировать только тогда, когда удастся восстановить исходный контекст. Все эти ошибки возникают, когда вторым языком взрослый человек овладевает спонтанно, без преподавателя. В связи с этим Й. Ребайном [Rehbein 1987b] рассматривается вопрос о том, что представляет собой "формульное употребление языка", т.е. использование определенных коммуникативных, социальных и когнитивных стратегий, опирающихся на неидиоматичное употребление элементов речи, происходящее при незнании того, в каких контекстах уместны те или иные формулировки; сведения об этом в словарях, как правило, отсутствуют. Поэтому цель статьи Й. Ребайна – проанализировать дискурс на изучаемом языке с точки зрения особенностей употребления в нем речевых формул. Многие предшествующие исследования показали, что нередко случаи, когда, достигнув некоторого уровня в овладении вторым языком, позволяющего совершать коммуникацию в соответствии с потребностями говорящего, овладение вторым языком останавливается. Парадокс изучения второго языка естественным путем рабочими-иммигрантами состоит в использовании минимального количества средств для осуществления максимума коммуникации. Й. Ребайн высказывает предположение, что изобилие формул связано с недостаточным пониманием при интеркультурной коммуникации: повторяя одни и те же стратегии понимания, человек приучается оперировать одними и теми же когнитивными типами при выражении собственного содержания. Выводы делаются на основании дискурса турецких иммигрантов в Германии, проживших в немецкоязычном окружении более 8 лет; немецкий язык им не преподавался. При анализе рассматриваются действительные элементы, цитаты, контаминация морфем и частей речи, привлечение элементов ситуации в формулирование высказывания, а также конкретные формулы. Как показывает исследование, повторения особенно часты в случае формулировки оценок, чувств, отношений, своей позиции и т.п.; они встречаются также при направлении протекания диалога; при подчеркивании собственных намерений, передаче состоявшихся действий, диалогов; в морфосинтаксических процессах. Смещение систематических параметров в формулах вызывает расхождение между тем, что говорящий хочет сказать и что говорит на самом деле. Вступая в коммуникацию на втором языке преимущественно институционализованного типа (на работе, в административных учреждениях, в транспорте, в магазине, у телевизора и т.д.), мигранты опираются на потребности, сформированные ситуациями аналогичной коммуникации на родном языке, на частотные и фрагментарные обрывки слышимого, а также сокращают собственные потребности в передаче содержания на втором языке. Кроме того, в процессе говорения комбинации фрагментов рутинизируются; процедуры и способность к говорению переносятся из родного языка во второй язык. Тем не менее, такая формульная речь весьма распространена и для многих – реальность повседневного общения.

К проблеме преподавания языка – прикладной лингвистике – относится работа М. Рост [Rost 1989]. Автор эмпирически исследует аутентичные разговорные ситуации из области обучения немецкому как второму и иностранному языку. Интерактивное поведение преподавателя (носителя языка) и участников курса (представителей раз-

личных национальностей) анализируется во время бесед, когда обучаемым предоставляется возможность свободно высказывать свои мысли. Внутри институализированной ситуации общения говорящие могут прибегать к собственным вариантам речевых стратегий. Автор доказывает, что беседы на свободную тему носят различный характер и происходят в различных обстоятельствах на разных этапах обучения. В поведении учащихся проявляются не только знания, полученные ими на занятиях (управляемое преподавание иностранного языка), но и опыт общения во внеучебной обстановке (неуправляемое овладение вторым языком). Теоретический вклад данной работы состоит в расширении инструментария описания коммуникации; М. Рост оперирует понятиями организации смены говорящих и создания интерактивных сетей в малых группах; мер воздействия на протекание беседы по определенной теме и смены темы; поведения в момент помех – исправления ситуации путем корректуры, преодоления трудностей при выражении и понимании содержания; приспособления языкового выражения к уровню владения языком у учащихся.

В последнее время обсуждались также вопросы формирования и значения национальных предрассудков и культурных стереотипов, оказывающих большое влияние на общественное мнение (А. Реддер, К. Элих, устные выступления).

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Подробно разработано в функциональной прагматике направление, связанное с изучением коммуникации в школе или другом учебном заведении [Ehlich, Rehbein 1983; 1986; Redder 1984]. В частности, подверглось всестороннему рассмотрению рассказывание – повседневная практика человеческого поведения. Хороший рассказчик ценится в компании, но тот, кто рассказывает слишком много, рискует вызвать конфликт; плохой рассказчик выпадает из общей массы, и невелики шансы того, кто вообще не умеет рассказывать. Школа ставит перед собой дидактическую цель – научить рассказывать; средства обучения – сообщение, описание, пересказ, варьирование образца. В сборнике статей [Ehlich (Hrsg.) 1984] рассматривается соотношение этих типов речевого поведения (О. Людвиг, Л. Хоффманн, Й. Ребайн), сравниваются между собой рассказ и сочинение (О. Людвиг), структура действия и структура рассказа и их развитие (К. Элих), школьное и спонтанное рассказывание (А. Фукс), свободные рассказы и рассказы на определенную тему (Д. Фладер и Б. Хуррельманн), а также намечаются пути формирования компетенции рассказывания (Л. Хоффманн). Рассказывание как особая форма речевого поведения исторически возникло из рассказывания о пережитом, о событии и существует в устной и письменной форме, причем развивающиеся возможности устного рассказа в наше время в школе недооцениваются. Рассказывание выполняет функции средства обучения и предмета обучения, а речевые жанры различаются в зависимости от того, какова предыстория, содержание, составные части, модус личного опыта / вовлеченности в рассказывание, временные рамки происшедшего и временные рамки рассказа, перспектива изложения, организация знания в дискурсе, отношение слушающего к повествованию и т.д. Чтобы рассказывать, нужно уметь и быть способным воспринимать действительность, переосмысливать ее с определенными целями для определенной аудитории и пользоваться особыми формами рассказывания; при этом хороший рассказ – такой, который отвечает своей цели. До школы у детей уже сформированы некоторые способности и умения, важные для овладения рассказыванием; в школе и вне школы формируются особое умение рассказывать, характерное как для институции "школа", так и для типов общения, в которые вступает индивид. Школьники должны понять, что повседневное и литературное рассказывание отличаются друг от друга по функции, стилю, эстетическим ценностям и т.д.

В книгах серии "Коммуникация и институция" ("Kommunikation und Institution"), издаваемой Й. Ребайном и К. Элихом, предстают структуры и функции рассказов в повседневной жизни (У.М. Квастхофф), формы письменных юридических актов (Т.-М.

Зайберт), транскрипты школьных уроков (А. Реддер), лингвистические аспекты поведения при начале разговора (в частности, приветствия) на основе сравнения немецкой и шведской практики (А. Кохц); посещение врача в аспекте инициативы пациента и отказа со стороны персонала (Т. Близенер); коммуникация и овладение языком на уроках иностранного языка в школе (Й. Вагнер), коммуникация в малой социальной группе детей (Й. Штреек), аутентичное и цитатное речевое поведение (В. Грисхабер), коммуникация в процессе повышения квалификации без отрыва от производства (Г. Брюннер). Другая серия издается К. Элихом и озаглавлена "Работы по анализу языка" ("Arbeiten zur Sprachanalyse"). В ней затрагиваются проблемы формулирования побуждения, языкового поведения у группы рабочих, конструирования языковых тестов, интонации и др.

В рамках функциональной прагматики рассматриваются и записи детской речи [Ehlich (Hrsg.) 1996, Meng 1994]. Особый упор делается на функционирование детских высказываний, на развитие у детей социально выработанных способов общения [Wagner (Hrsg.) 1987]. Так, словарь – это не клад, который нужно выкопать, а биржа, на которой постоянно заново определяется стоимость слов. Дети овладевают словарем по предметным областям; объем словаря у разных людей различен. Модальные глаголы в детском дискурсе маркируют овладение определенными языковыми категориями; модальные глаголы соответствуют собственным желаниям ребенка, умению дифференцировать и выражать их, а также иерархии модальных содержаний. Исторический анализ словаря ребенка свидетельствует, что с 1914 до 1950 и по 1980 г. запас слов у ребенка вырос. На примере корпуса речи одного ребенка можно продемонстрировать, какими иллокутивными типами он пользуется и как часто; их соотношение оказывается приблизительно таким же, как и у всех говорящих, и располагаются они в следующей последовательности: указание >команда >вызов >ответ >оценка >обоснование >вопрос (запрос информации) >утверждение >предложение >согласие. При статистической обработке словаря, например словаря школьников, возникают различные проблемы обработки данных; для некоторых типов текстов можно установить нормы соотношения числа различных лексем к общему числу слов в тексте. В сборнике [Ehlich, Wagner (Hrsg.) 1989] собраны работы, оценивающие рассказывание и слушание в детском саду, участие слуха и зрения в рассказывании; индивидуальные особенности овладения рассказыванием; определение содержания способности рассказывать и рассказывание на двух языках; сравнение спонтанных и спровоцированных рассказов и интервью на одну и ту же тему (событие, при котором дети присутствовали) в детском саду; влияние ситуации рассказывания на результат рассказа; взаимосвязь знакомства с детской литературой и овладения способностью рассказывать; овладение культурой рассказывания, структура рассказа по картинке.

Занимаясь проблемой языка и общества, нельзя было не коснуться роли фашизма в становлении немецкого языка [Ehlich (Hrsg.) 1989]. К. Элих утверждает, что двенадцать лет, что фашизм был у власти, сказались на истории Германии так, как никакие другие двенадцать лет, и люди старшего поколения хранят это время глубоко в себе. Более молодые поколения знают фашизм по его последствиям, по преподаванию истории в школе, по деактуализированному представлению в средствах массовой информации, по рассказам очевидцев. К. Элих говорит о фашизме с точки зрения идеологии и выделяет как бы два типа фашизма: для стран по преимуществу аграрных и для стран высокоиндустриальных, причем всегда обязательно наличествует участие масс. На фазах захвата власти и ее удержания использовалась разная терминология, а новые идеологемы вырабатывались в каждой стране по-своему, к тому же для идеологической информации существовали центр и периферия, где содержание слов могло восприниматься по-разному. Все время требовались новые лозунги, и по документам можно проследить, как в речи сменялись идеологические системы, точнее, высказываниям фашистов придавался характер кажущейся идеологии. С точки зрения речевого поведения людям прививалось ощущение жизни как праздника, происходила

фатическая коммуникация при коллективном участии. Хотя пропозициональное содержание видимо редуцировалось, расцветали следующие формы речевых действий; обещание, приказ, принудительная бессловесность, разоблачение, речевое страдание, молчание, сопротивление, типичные для фашистских режимов.

В этом же сборнике помещены и другие статьи, освещающие следующие темы: немецкая нация и ее родной язык; культура речи в "Третьем рейхе", диалект и стандартизованный язык при национал-социализме; "Дуден" в "Третьем рейхе"; тексты как объяснения позиции и теория текста при национал-социализме; политическая риторика национал-социализма; анализ речи одного студента-функционера; язык прессы и захват власти; национальная политика на примере немецкоязычной газеты в Нидерландах (1940–1945 гг.); крайне правая пропаганда сегодня. Стремление оценивать исторические тексты, причем уже научного характера, проявилось и в готовящемся к выходу сборнике "Актуальность оттесненного", где обсуждается общее и различное в позициях германских и советских ученых, лингвистов и психологов, в 20-е гг.

МЕТОДИКА СБОРА И ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

Теория и методика функциональной прагматики не могли бы существовать без обширной материально-технической базы, без тщательного транскрибирования разговорной речи (см. [Redder, Ehlich (Hrsg.) 1994]). Имеется в виду получение качественных записей дискурса, сбор представительного корпуса материала, техническая подготовка транскриптов, выделение и сохранение важной информации, перепроверка расшифровки записи и ее предварительных интерпретаций разными людьми, причем предпочтение отдается аудиовизуальным записям. Подход к транскрибированию, постулируемый К. Элихом и Й. Ребайном [Ehlich, Rehbein 1976; Rehbein 1995], позволяет записывать речь и невербальные действия нескольких участников коммуникации одновременно и особенно уместен в ситуациях общения с несколькими говорящими, попеременно обменивающимися репликами. Поскольку исследование должно отвечать прагматическим целям, то транскрибент может включать в свою запись столько информации, сколько захочет, однако не должен перегружать ее лишними сведениями, так чтобы сам дискурс прочитывался без помех. Для обозначения реплики коммуниканта авторами используется термин "тёрн" (англ. *turn*). Фонологические особенности фиксируются обычно как диалектные, обозначаются также индивидуальные, социальные и другие характеристики регистра; отмечается смысловое членение текста, паузы (по длительности), темп, обрывы, стяжения, модуляция, долгота слога. Некоторые обозначения выходят за пределы тёрна: в реальной коммуникации с несколькими партнерами почти невозможно соблюдение правила "не более одного говорящего одновременно", т.к. не только несколько партнеров могут говорить одновременно, но и в помещении может быть несколько коммуникативных центров, хотя большинство учреждений допускает в принципе один дискурс. Чтобы показать, как это происходит в действительности, требуется писать партитуру диалога, при составлении которой сложность состоит в следующем: различные высказывания могут быть акустически дискриминированы, а коммуникацию нужно передать адекватно и понятно графически. Поэтому высказывания всех участников записываются друг под другом, каждое следующее начинается в тот момент, когда оно соответствует произнесению партнера. Одновременно происходящие дискурсы соединяются слева скобкой. Каждой строке соответствует условное обозначение говорящего, помещаемое слева от скобки. Обычно выбирают имена-маски, но нельзя не указывать на роль говорящего (например, кто учитель, а кто ученик). При обозначении участников общения следует избегать омографии; для каждого участника порядковый номер строки будет постоянным на протяжении всего транскрипта, хотя в некоторых частях его строка может вообще отсутствовать, т.к. он ничего не говорит. Удобно помещать в верхней строке центрального участника общения (тогда он будет присутствовать на

протяжении всего дискурса), а ниже – всех в зависимости от роли в коммуникации. В процессе транскрибирования возникают проблемы при передаче звуковой стороны записи и ее интерпретации транскрибентом: недостаточность акустического материала, не-фонологические акустические коммуникативные признаки, не-фонологические не-акустические коммуникативные признаки, сверхкоммуникативные признаки. Транскрибент обязан фиксировать их при помощи специальных форм записи.

Методика сбора, транскрибирования, описания разговорной речи оговаривается во многих публикациях (например, [Richter (Hrsg.) 1993]). При этом часто сетуют на то, что качество звука при записи даже при хороших аппаратах бывает недостаточным, тогда как архивирование, документирование и компьютерная обработка материала проводятся в настоящее время все более совершенными способами. Составление банка данных по современному немецкому языку проходит одновременно в нескольких научных центрах – выборочно, с определенными установками, например, документируются идеолекты отдельных испытуемых, составляются представительные корпуса с заданными параметрами (способы выражения приветствия, модальные слова, факты словообразования, бытование диалектов, речь школьников и др.) [FP 1997]. Для облегчения работы с транскриптами разработаны особые компьютерные программы [Ehlich 1989–1994; Walter, Knorr 1990–1994].

Отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие статьи, можно в заключение отметить, что функциональная прагматика, как никакая другая теория, позволяет использовать методы естественнонаучного анализа при работе с эмпирическим материалом языка. В этом смысле психолингвистика не может быть отделена от общей теории языкознания, но зато теория поддается экспериментальной проверке, которая, в свою очередь, позволяет сформулировать новые идеи и требовать постоянного улучшения технического аппарата для сбора и анализа данных. Лингвистика приносит пользу обществу, объясняя ему, почему и как оно говорит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Brünner G., Graefen G. (Hrsg.) 1994 – Texte und Diskurse. Methoden und Forschungsergebnisse der funktionalen Pragmatik. Opladen, 1994.
- Ehlich K. (Hrsg.) 1984 – Erzählen in der Schule. Tübingen, 1984.
- Ehlich K. 1986a – Funktional-pragmatische Kommunikationsanalyse: Ziele und Verfahren // Linguistische Studien. 149. 1986.
- Ehlich K. 1986b – Interjektionen. Tübingen, 1986.
- Ehlich K. (Hrsg.) 1989 – Sprache im Faschismus. Frankfurt-am-Main, 1989.
- Ehlich K. 1989–1994 – HIAT-DOS 2.2 Programm und Handbuch. München, 1989–1994.
- Ehlich K. 1994 – Function and structure of written communication // Günther H., Ludwig O. (Eds.) Writing and its use. An interdisciplinary handbook of international research. V. 1. Berlin, 1994.
- Ehlich K. (Hrsg.) 1996 – Kindliche Sprachentwicklung. Konzepte und Empirie. Opladen, 1996.
- Ehlich K., Becker-Mrotzek M., Fickermann I. 1989 – Gesprächsfibel. Ein Leitfaden für Angehörige kommunikationsintensiver Berufe in Verwaltungsinstitutionen. Dortmund, 1989.
- Ehlich K., Koerfer A., Redder A., Weingarten R. (Hrsg.) 1990 – Medizinische und therapeutische Kommunikation. Opladen, 1990.
- Ehlich K., Rehbein J. 1976 – Halbinterpretative Arbeitstranskriptionen (HIAT) // Linguistische Arbeitsberichte. 41. 1976.
- Ehlich K., Rehbein J. (Hrsg.) 1983 – Kommunikation in Schule und Hochschule. Linguistische und ethnomethodologische Analysen. Tübingen, 1983.
- Ehlich K., Rehbein J. 1986 – Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation. Tübingen, 1986.
- Ehlich K., Wagner K.R. (Hrsg.) 1989 – Erzähl-Erwerb. Bern, 1989.
- FP 1997 – Funktionale Pragmatik. 4. Internationale Konferenz. Münster, 1997.
- Hoffmann L. 1983 – Kommunikation vor Gericht. Tübingen, 1983.
- Hoffmann L. (Hrsg.) 1996 – Sprachwissenschaft. Ein Reader. Berlin, 1996.
- Meng K. 1994 – Die Entwicklung der Dialogfähigkeit bei Kindern. // Fritz G., Hundsnurscher F. (Hrsg.) Handbuch der Dialoganalyse. Tübingen, 1994.

- Redder A.* 1984 – Modalverben im Unterrichtsdiskurs. Pragmatik der Modalverben am Beispiel eines institutionellen Diskurses. Tübingen, 1984.
- Redder A.* 1992 – Skript zum Grundkurs Linguistik II. München, 1992.
- Redder A., Ehlich K.* (Hrsg.) 1994 – Gesprochene Sprache: Transkripte und Tondokumente. Tübingen, 1994.
- Rehbein J.* 1976 – Planen I: Elemente des Handlungsplans. Planen II: Planbildung in Sprechhandlungssequenzen. Trier, 1976.
- Rehbein J.* 1977 – Komplexes Handeln. Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. Stuttgart, 1977.
- Rehbein J.* 1985 – Typen bilingualen Unterrichts // Muttersprachlicher Unterricht in der Bundesrepublik Deutschland. Sprach- und bildungspolitische Argumente für eine zweisprachige Erziehung von Kindern sprachlicher Minderheiten. Hamburg, 1985.
- Rehbein J.* (Hrsg.) 1985 – Interkulturelle Kommunikation. Tübingen, 1985.
- Rehbein J.* 1987a – Diskurs und Verstehen. Zur Rolle der Muttersprache bei der Textverarbeitung in der Zweitsprache // Apeltauer E. (Hrsg.) Gesteuerter Zweitspracherwerb. Voraussetzungen und Konsequenzen für den Unterricht. München, 1987.
- Rehbein J.* 1978b – Multiple formulae. Aspects of Turkish migrant workers' German in intercultural communication // Knapp K., Enninger W., Knapp-Potthoff A. (Eds.) Analyzing intercultural communication. Berlin, 1987.
- Rehbein J.* 1987c – Sprachloyalität in der Bundesrepublik? Ausländische Kinder zwischen Sprachverlust und zweisprachiger Erziehung // Arbeiten zur Mehrsprachigkeit. 26. 1987.
- Rehbein J.* 1988 – Ausgewählte Aspekte der Pragmatik. // Ammon U., Dittmar N., Mattheier K.J. (Eds.) Sociolinguistics. Bd 3.2. Berlin, 1988.
- Rehbein J.* 1992 – International sales talk. On some linguistic needs of today's business communication in European settings // Arbeiten zur Mehrsprachigkeit. 48. 1992.
- Rehbein J.* 1995 – Segmentieren // Arbeiten zur Mehrsprachigkeit. 64. 1995.
- Rehbein J., Löning P.* 1995 – Sprachliche Verständigungsprozesse in der Arzt-Patienten-Kommunikation. Linguistische Untersuchung von Gesprächen in der Facharzt-Praxis // Arbeiten zur Mehrsprachigkeit. 53. 1995.
- Richter G.* (Hrsg.) 1993 – Methodische Grundfragen der Erforschung gesprochener Sprache. Frankfurt-am-Main, 1993.
- Rost M.* 1989 – Sprechstrategien in "freien Konversationen". Tübingen, 1989.
- Wagner K.R.* (Hrsg.) 1987 – Wortschatz-Erwerb. Bern, 1987.
- Walter E., Knorr D.* 1990–1994 – SynSWRITER. Programm und Handbuch. med-i-bit GmbH 1990–1994.
- Wunderlich D.* (Hrsg.) 1972 – Linguistische Pragmatik. Frankfurt-am-Main, 1972.

РЕЦЕНЗИИ

D. Dobrovolskij, E. Piirainen. Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive. Bochum: Universitäts verlag Dr. N. Brockmeyer, 1997 (Studien zur Phraseologie und Parömiologie; 8). 485 S.

Последнее десятилетие нашего века ознаменовалось в Европе всеобщим возобновлением интереса к фольклорной, и вообще – традиционной языковой основе современного менталитета. Это можно объяснить вполне системно: сбор исходного материала в основном закончен, наступает пора системных обобщений. В широкой исторической перспективе сюда относятся "Словарь индоевропейских социальных терминов" [Benveniste 1970; Бенвенист 1995], обширное продолжающееся предприятие – словарь под редакцией Е. Барминьского в Польше (Люблин) и многочисленные более частные монографии и их серии. В отечественной литературе нужно упомянуть словарь [Маковский 1996], а также последнюю по времени обобщающую книгу [Гура 1997] – в ее "Введении" содержится, между прочим, история вопроса с обширным обзором литературы (что избавляет нас здесь от этой задачи).

Рецензируемая русско-германская книга, принадлежащая двум известным исследователям-соавторам – Д.О. Добровольскому (Россия) и Э. Пириайнен (Германия), вписывается в эту актуальную линию изысканий. Будучи основанной на обширнейшем разноэтническом языковом материале, эта работа в германистической части, естественно, опирается на германскую исследовательскую традицию – достаточно упомянуть здесь известное многотомное издание [Handbuch 1987] – и, в теоретической части, – на российскую семиотическую традицию (к сожалению, известную авторам лишь одностронне – о чем будет сказано ниже).

Языковым материалом послужили для авторов наблюдения – в значительной части из первых рук – над русским, немецким, английским, нидерландским, финским, японским языками, а также нижненемецким (Westmünsterländisch) – официально, но не в этнокультурном аспекте – диалектом немецкого языка.

Последнее обстоятельство придает наблюдениям авторов совершенно исключительный интерес и подводит их к важному теоретическому обобщению: разница между литературным языком и диалектом – в плане поставленной проблемы – оказывается существенно более важной, чем разница между литературными языками, например, между современным немецким и японским (с. 427 и сл.).

Теоретическими предпосылками работы для авторов естественно оказываются довольно разнородные, но синтезируемые ими потоки идей: 1) исследование символов в разных культурных традициях (Ф. де Соссюр, К.Г. Юнг, Ц. Тодоров, В.Н. Топоров, А.Ф. Лосев и др.); 2) культурная семиотика (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Б.А. Пятигорский, В. Кох и К. Аймермахер в Германии); 3) теория фразеологии (Х. Бургер в Германии, В.Н. Телия в России); 4) семантическая типология (Т.В. Гамкрелидзе/В.В. Иванов, В. Мидер и др.). В меньшей степени авторы обратили внимание на опыты синтеза, такие, как [Серебренников 1988; Культура 1987] и т.п.

Синтезируя указанный поток идей, авторы, можно сказать, выбирают из него некую "доминанту метода", тогда как ее применение к материалу с последующими очень интересными выводами является их собственной заслугой. Эту доминанту можно, пожалуй, резюмировать так: нигде в языке символы не концентрируются и не сохраняются так устойчиво, как во фразеологии, фразеология – "сгусток символов". Поэтому, как это видно и из заголовка всей книги, "символика" и "фразеология" тесно соединены.

Используя свой многоязычный и "многотипный" материал, авторы далее стараются вычленить в нем зависимые и независимые параметры, такие, как:

а) "общее/необщее культурное наследие", что выясняется, например, из сравнения европейских языков с японским;

б) "общее/необщее генетическое родство", что выясняется из сравнения, скажем, английского, немецкого, нидерландского, с одной стороны, и финского другой;

в) "комбинированное взаимодействие двух параметров" – генетическое и культурно-историческое, общее – неиндоевропейский финский, с одной стороны, и индоевропейские европейские, с другой;

г) "наличие/отсутствие письменной традиции" – немецкий и нидерландский, с одной стороны, и *Westmünsterländisch* – с другой и т.д.

В значительной степени это и удается. Подчеркнем, что говоря о "членении" мы, как и сами авторы, имеем в виду именно "ч л е н е н и е п р о б л е м ы", а не композицию книги по главам. О членении проблемы говорят следующие элементы композиции:

2.3. Комбинация типологических параметров; 2.3.0. Общие положения; 2.3.1. Символы *par excellence*; 2.3.2. Языковые символы в отсутствии культурно-символических корреляций; 2.3.3. Символы культуры в отсутствие языковых корреляций; 2.3.4. Псевдосимволы; 3. Символы во фразеологии; 3.1. Классы фразеологизмов, релевантные с точки зрения символов; 3.2. Об относительной семантической автономности компонентов фразеологизма; 3.2.0. Общие замечания; 3.2.1. Членимость vs. нечленимость формально-семантической структуры фразеологизма; 3.2.2. Парадигматическая членимость vs. парадигматико-синтагматическая членимость; 3.2.3. Семантическая автономность отдельных компонентов vs. групп компонентов; 3.2.4. Семантическая значимость компонентов фразеологизма; 3.2.5. Релевантность семантической автономности компонентов фразеологизма с точки зрения их символической интерпретации.

Что касается к о м п о з и ц и и к н и г и по главам, то она такова: 0. Предварительные замечания и цели работы; 1. Теоретические предпосылки; 2. Типология символов; 3. Символы во фразеологии; 4. Анализ эмпирического материала; 4.0. Общие положения; 4.1. Звери как символы; 4.2. Цвета как символы; 4.3. Числа как символы; 5. Выводы и заключение.

Обращают на себя внимание следующие блестящие семантические очерки об отдельных символах.

"Сова": на все культуры европейской традиции повлияли античные представления о сове как символе мудрости. Сова

как культурный символ для англичан, немцев, нидерландцев ассоциируется прежде всего с мудростью. Однако во фразеологию, в чисто языковое достояние, этот компонент как раз не "пробился". Это достаточно редкий случай, когда "культура" и "язык" расходятся: все языки сохранили, помимо этого "внешнего", привнесенного компонента еще и более древний, народный взгляд; во всех названных языках до сего дня имеются фразеологизмы, в которых сова представляется, как раз наоборот, как символ глупости, уродства и всего плохого ("Schlechtigkeit"), в то время как в японском сова – исключительно символ темноты. Таким образом, этот очерк выявляет и еще одну культурно значимую компоненту – "культура" против "природы": все докультурные семы концепта "сова" связаны как раз с прямыми, простейшими народными наблюдениями над природой.

Много нового в очерке "Зеленый". Этот цвет выступает во многих языках как символ "хорошего", "незрелого" – в германских и русском, но также и как символ "зависти" – так в германских и финском, и, наконец, в функции "интенсификатора", как синоним слов *сильно*, *сильный*, *большой*, *много*, ср. *sich grün und gelb ärgern* (букв. "злиться зелено и желто"), аналогично в нидерландском и в *Westmünsterländisch*, ср. также рус. *тоска зеленая*.

Концепт, связанный с числом "Восемь", почти не представленный в европейских языках, напротив, широко представлен в японском, что естественным образом связано с традициями буддизма и синтоизма, где "восемь" является сакральным числом; это свидетельствует о том, что язык часто коррелирует с культурой, но не обязательно. В этом смысле очерки о "сове" и о числе "восемь" выступают как типологически оппозитивные.

Несколько замечаний критического плана. Как уже было сказано, отечественная традиция недостаточно известна авторам. Между тем, например, "животная линия" представлена широчайшим образом, начиная с классических работ А. Афанасьева (глава "Баснословные сказания о зверях" в [Афанасьев 1994]) до упомянутой новой книги А.В. Гуры (см. его же обзор литературы [Гура 1997]). "Цветовая линия" представлена не менее широко – как специальными работами, например, [Бахилина 1975], так и в сопоставительном плане – [Степанов 1965, ср. § 55, § 135] и др. Более существенным пробелом является то, что не замечена исследовательская линия м е т о д а, представленная такими сериями послед-

них лет, как "Этнографическая библиотека" (с работами [Сумцов 1996; Зеленин 1994]) и "Традиционная духовная культура славян. Современные исследования" (с работами [Толстой 1995; Гура 1997] и др.).

Однако интереснейшие выводы авторов, на наш взгляд, перекрывают эти недостатки. Из выводов же отметим следующие.

1. Исследование символов в языке и культуре противостоит универсализму, поскольку всегда требует тщательных эмпирических исследований национальных культурных традиций, вскрывающих их своеобразие.

2. Из определяющих параметров – перечисленных выше "доминант", по наблюдениям авторов, на первый план выходит противопоставление: влияние письменной традиции и влияние внеписьменной культурной традиции.

3. Эти традиции противостоят друг другу, образуя разные культурные слои и по-разному проявляясь в лексической системе языка, в частности во фразеологии.

4. Символы, как они функционируют в языке, не всегда параллельны символам в культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев А. 1994 – Поэтические воззрения славян на природу. I–III. М., 1994.

Бахилина Н.Б. 1975 – История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

Бенвенист Э. 1995 – Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Гура А.В. 1997 – Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Зеленин Д.К. 1994 – Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.

Культура 1987 – Культура, человек, картина мира. М., 1987.

Маковский М.М. 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

Серебрянников Б.А. 1988 – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебрянникова. М., 1988.

Степанов Ю.С. 1965 – Французская стилистика. М., 1965.

Сумцов Н.Ф. 1996 – Символика славянских обрядов. М., 1996.

Толстой Н.И. 1995 – Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Benveniste E. 1970 – *Le vocabulaire des institutions indo-européennes.* Paris, 1970.

Handbuch 1987 – *Handbuch des deutschen Aberglaubens* / Hrsg. Von H. Bächtold-Stäubli, unter Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer. I–X. Berlin; New York, 1987.

Ю.С. Степанов

L.J. Loveday. *Language contact in Japan. A socio-linguistic history.* Oxford University Press. 1996. 217 p.

Автор книги, Л.Дж. Лавди – американский социолингвист, в настоящее время работающий в Японии (профессор университета Досея). В течение последнего десятилетия он активно печатается по вопросам японской социолингвистики и сейчас считается ведущим американским специалистом в этой области. К настоящему времени в США социолингвистика уже окончательно выделилась в особую научную дисциплину, и ученые в этой области (Л.Дж. Лавди – здесь один из образцов) сочетают в себе хорошее владение терминологией и методикой социолингвистических исследований с малым интересом к собственно лингвистике и с явными недостатками в соответствующей подготовке (в книге можно найти поразительные примеры вроде того, что в списке допустимых сочетаний согласных в японском языке на стр. 116 имеется *ts*, тогда как звонкий коррелят этой аффрикаты, обозначаемый в транскрипции *z*, в список уже не входит). Однако не это главное. Данная кни-

га, специально посвященная языковым контактам в прошлом и настоящем Японии, содержит интересный материал и вполне разумные выводы.

Книга состоит из семи глав, каждая из которых, как указывает автор, может читаться отдельно. Первая глава содержит теорию языковых контактов (в ней мало нового по сравнению с уже сложившейся в американской лингвистике традицией), вторая посвящена контактам японского языка с языками Азии, прежде всего китайским. Остальные пять глав, занимающие большую часть книги (стр. 47–211), исследуют контакты японского языка с западными языками, среди которых особую роль играл и играет английский.

Описание процесса заимствования иероглифики и лексики из китайского языка в японский в VII–X вв. и дальнейшего функционирования китаизмов в японском языке не содержит ранее не известных фактов, однако выводы Л.Дж. Лавди заслуживают

внимания. Он указывает на то, что заимствование огромного числа китаизмов, составляющих даже в наше время более половины словаря, никогда не сопровождалось ни активными человеческими контактами, ни значительным двуязычием. Количество китайцев, посещавших Японию, и еще в большей степени японцев, посещавших Китай, всегда было очень невелико, а после 894 г., когда процесс заимствования еще был в разгаре, они стали совсем ограниченными: в Японию перестали пускать китайские суда, а среди японцев ездить в Китай могли лишь буддийские священники, да и то в исключительных случаях; такая ситуация продолжалась до начала XV в. Правда, контакты шли не только напрямую, но и через посредников—корейцев.

Если первоначально, до IX в. включительно, помимо диглоссии, существовало некоторое двуязычие, а контакты шли не только на письме, но и в устном общении, то ситуацию, сложившуюся после 894 г., Л.Дж. Лавди оценивает как "диглоссию без двуязычия" (стр. 32). Заимствование шло лишь через книги, китайский язык в Японии знали лишь в буддийских монастырях. В то же время китайскому языку, исключительно в письменном виде, учили в школах, а так называемый "китайский стиль" (камбун) считался самым престижным языковым образованием. Однако использование камбуна параллельно с японским языком в том или ином виде трудно считать диглоссией в чистом виде. Во-первых, как указывает и сам Л.Дж. Лавди, тексты на камбуне вслух читались по-японски (для чего в текстах имелись помогающие этому значки); во-вторых, сами тексты на камбуне отражали значительную японо-китайскую интерференцию. Подавляющее большинство китаизмов японского языка либо заимствовано письменным путем, либо создано в самой Японии из компонентов, также заимствованных письменным путем; число устных заимствований незначительно.

Указанные выводы важны Л.Дж. Лавди прежде всего для того, чтобы показать в дальнейшем большое сходство между процессами заимствований из китайского языка в японский в далеком прошлом и из английского языка в японский в XIX—XX вв.

Говоря о контактах с европейскими языками, Л.Дж. Лавди кратко описывает наиболее ранние контакты с португальским (вторая половина XVI — начало XVII вв.) и голландским (XVII—XIX вв.) языками (по его подсчетам, в современном языке сохранилось около 200 лексических единиц, заимствованных из португальского, и около

160 — из голландского) и подробно останавливается на эпохе европеизации Японии, начавшейся с 60-х гг. XIX в. Он особо выделяет первые полтора десятилетия после революции Мэйдзи, происшедшей в 1867—1868 гг. В это время в японском обществе распространились идеи об отсталости Японии по отношению к Западу и о необходимости знать западные языки, среди которых очень скоро первое место занял английский, вытеснивший голландский. Появлялись даже идеи отказа от японского языка, якобы неспособного выразить современные понятия, и перехода на английский. В это время, по мнению Л.Дж. Лавди, среди образованного слоя общества распространились двуязычие и диглоссия. В открывшихся университетах европейского типа преподавали в основном по-английски, высшая элита постоянно говорила и писала по-английски, и даже в японской речи таких людей отражалось двуязычие. Вот любопытный пример (с. 71) из речи одного из виднейших просветителей тех лет Фукудзавы Юкити: "Mister Курияма *is* хонтō ни kind man, кэрэдомо he *is* тайсо busy, коно сэцу, yes?" (Мистер Курияма — действительно добрый человек, но он очень занят в это время, не правда ли?). В эти годы ряд слов был заимствован устным путем, что отразилось в фонетике: *pudding* 'пудинг' дало японское *пурин* с тем же значением.

Однако с начала 1880-х гг. в Японии усилились враждебность к Западу и стремление сохранить национальную культуру. В 1882 г. в университетах запретили читать лекции на западных языках по всем предметам, кроме литератур соответствующих стран. После этого в Японии сложилась ситуация, в чем-то сходная с ситуацией японо-китайских языковых контактов в X—XIV вв. Хотя, конечно, полного запрета на человеческие контакты с иностранцами не было, но двуязычие, и ранее ограниченное элитой, потеряло всякое значение. Но в то же время процесс заимствования лексики из английского (в меньшей степени из немецкого и французского) в японский не только не прекратился, но, наоборот, усилился и даже демократизировался, хотя теперь заимствования приходили в японский язык в основном письменным путем. В отличие от китаизмов, преимущественно книжных, значительная часть американизмов (уже с начала XX в. большинство заимствований приходило из США, а не из Англии, как это было в 60—70-е гг. XIX в.), прежде всего обозначения бытовых реалий, быстро стала общеобиходной.

И, как убедительно показывает Л.Дж. Лавди, с тех пор при всех изменениях языковой политики суть процесса оставалась той же. Хотя масштабы проникновения в японский язык западных заимствований (гайрайго) менялись: оно активно поощрялось в первой четверти XX в., затем ограничивалось в период милитаризма, особенно в конце 30-х – первой половине 40-х гг., а в период американской оккупации число гайрайго возросло во много раз, – однако по-прежнему американизмы заимствуются в основном книжным путем, но среди них очень много бытовых, общеобиходных и даже жаргонных и просторечных слов. А главное, весьма интенсивный процесс заимствования не сопровождается активным ростом двуязычия.

Конечно, японо-английское двуязычие встречается чаще, чем 60–100 лет назад, но, вопреки расхожим, в том числе и у нас, мнениям, уровень владения английским языком в Японии невысок; об этом пишут и другие авторы [Hopna Nobuyuki 1995: 56–57; Suzuki Takao 1987: 121]. И это при том, что язык учат почти во всех японских школах и он входит в программу вступительных экзаменов большинства университетов. Л.Дж. Лавди подчеркивает консервативность и излишнюю академичность японской системы образования. В японских школах и вузах учат в основном чтению и переводу, грамматике, но не разговорному языку. Но, как неоднократно указывает автор книги (с. 96, 98, 175 и др.), это скорее следствие, чем причина: главное – отсутствие у японцев мотивации для изучения английского и других иностранных языков. Английский язык – обычно один из самых непопулярных предметов. Самая сильная мотивация для его знания – необходимость подготовиться к экзаменам в престижные университеты, исход которых во многом определяет последующий статус японца на всю жизнь. Затем идет потребность читать по-английски специальную литературу и крайне незначительно желание общаться с иностранцами. Влияют традиционная замкнутость японского общества, разница культур, нелюбовь японцев показывать недостаточное умение что-то делать, в том числе и плохое знание языка, привычка японцев к письменному способу получения знаний и т.д. (с. 98). Даже японцы, выезжающие за рубеж, в большинстве не знают никаких языков, кроме своего, и общаются лишь между собой. Те же японцы, которые по необходимости хорошо владеют иностранными языками (например, долго работавшие за границей), нередко перестают считаться

"чистыми" японцами и испытывают недоверчивое к себе отношение.

Эти наблюдения Л.Дж. Лавди подтверждает и проведенным им массовым обследованием информантов. Из опрошенных 54% заявили, что не знают английского языка, хотя почти все когда-то его учили; лишь 9% нуждаются в этом языке на работе, в основном для чтения; только 5% употребляют его в неофициальном устном общении (с. 175–176).

Отметим, что и другие авторы приходят к тем же выводам. Например, видный японский социолингвист Судзуки Такао (оцениваемый Л.Дж. Лавди как крайний пурист) приводит данные, согласно которым японцы почти не испытывают психологического барьера по отношению к иностранным идеям и культурам, но испытывают очень большие трудности при общении с людьми иной культуры и расы [Suzuki Takao 1987: 142–143]. А если это так, то у них нет стимула для изучения иностранных языков, но освоение иностранных идей и культур неизбежно связано с лексическими заимствованиями.

Благоприятствует этим заимствованиям и другая черта, отмечаемая Л.Дж. Лавди. Нелюбовь к общению с носителями английского языка совмещается у многих японцев с "комплексом неполноценности" по отношению к американской культуре, прежде всего к массовой культуре потребления. Нередко даже реклама японских товаров, рассчитанная на японцев, преподносится как бы на английском языке. Однако это не столько реальный английский язык, сколько некоторый аналог камбуна средних веков. Японские гайрайго обычно пишутся японской слоговой азбукой – катаканой, однако сейчас иногда используется и латинское письмо. В связи с этим Л.Дж. Лавди отмечает следующее явление: рекламные тексты, сплошь состоящие из заимствований, нередко пишутся сначала катаканой, а потом специально переводятся в латиницу. Люди, очень плохо знающие английский язык, обращаются якобы по-английски к людям, вообще не знающим этот язык. Естественно, такие фразы и целые тексты нельзя назвать текстами на английском языке. Не раз исследовалось множество сложных слов и словосочетаний, образованных в самом японском языке из английских по происхождению компонентов. Эта также аналогично тому, как в этом языке обходятся с китаизмами.

Л.Дж. Лавди анализирует предметные области, связанные с гайрайго. Он показывает, что американизмов очень мало среди

политической и юридической лексики, среди терминологии "чистых" наук и т.д. Однако они господствуют в сфере потребления, особенно в рекламе товаров, надписях на товарах (майках и пр.), текстах, связанных с шоу-бизнесом, в журналах для молодежи и женщин и т.д. Очень часто здесь используются заимствования, заведомо не понятные большинству читателей и слушателей. Здесь важен не смысл, а общий ореол "престижности" и "элитности", связанной с американской культурой (стр. 106, 132 и др.). Отметим, что подобные наблюдения раньше Л.Дж. Лавди делались автором данной рецензии [Алпатов 1985; 1988: 88–94].

Однако, помимо сферы потребления, есть и еще одна сфера, где американизмы господствуют. Это, как подчеркивает Л.Дж. Лавди, сфера высоких технологий, менеджмента и экспортных областей экономики. Американизмы составляют 75% терминологии маркетинга, 80% торговых терминов, 99% – компьютерных (стр. 101–103). Япония – главный кредитор и банкир мира, многие области экономики стали чисто экспортными. Поэтому здесь усиливается интернационализация, а ресурсов японского языка слишком явно не хватает. Такая интернационализация требует не только заимствования лексики, но и японо-английского двуязычия. По мнению Л.Дж. Лавди, дети, растущие в такой обстановке, уже не будут склонны к типичной для современного взрослого японца недооценке английского языка, и ситуация в будущем изменится (стр. 102–103).

Л.Дж. Лавди выделяет четыре основные функции ресурсов чужого языка при заимствовании. Это вестернизация, освоение иной культуры (включая сюда и функцию, связанную с престижностью и элитностью); компенсация, заполнение пустых мест (создание новых терминов, обозначений новых реалий и пр.); затемнение (табу, эвфемизмы, тайные языки); юмор (в том числе основанный на макароническом смешении). Все

эти функции в полной мере имеются при заимствовании из английского языка в японский (с. 199). Отмечается и ряд других функций. При этом Л.Дж. Лавди вряд ли прав, исключая из их числа на с. 192 функцию снятия омонимии: известно, что многие китаизмы, понятные на письме благодаря иероглифике, непонятны на слух из-за значительной омонимии. Поэтому в устной речи они нередко заменяются на американизмы: мне пришлось наблюдать, как написанный в тексте доклада термин *сэйсэй-гэнгогаку* "порождающая лингвистика" был при прочтении заменен на *дзэн-нэратибу рингуистикку* (generative linguistics).

В целом Л.Дж. Лавди отмечает, что японо-английские контакты плохо укладываются в обычные схемы языковых контактов (с. 156). Однако в Японии второй раз повторяется то, что уже было в период активных контактов с китайским языком. Снова происходит то, что автор рецензируемой книги характеризует следующим образом: общество мало выражает сопротивление контактам и в то же время между обществами сохраняется высокая степень непонимания (стр. 213).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Honna Nobuyuki* 1995 – English in Japanese society: Language within language // Multilingual Japan / Ed. by J.C. Maher, Kyoko Yashiro. Clevedon; Philadelphia; Adelaide, 1995.
- Suzuki Takao* 1987 – Reflections on Japanese language and culture. Tokyo, 1987.
- Алпатов В.М.* 1985 – Англоязычные заимствования в японском языке и американизация японской массовой культуры // Японская культура и НТР. М., 1985.
- Алпатов В.М.* 1988 – Япония: Язык и общество. М., 1988.

В.М. Алпатов

Опубликованная французско-бельгийским издательством монография М.К. Сабанеевой, профессора Санкт-Петербургского университета (кафедра романской филологии), представляет значительный научный интерес, она вносит существенный вклад как в историческую грамматику латинского и романских языков, так и в общую теорию грамматики.

Надлежит отметить, прежде всего, что монография содержит новые и хорошо аргументированные решения проблемы грамматического значения категории наклонения. Новая концепция наклонений была изложена М.К. Сабанеевой в статье «О сущности наклонений», опубликованной в № 5 «Вопросов языкознания» за 1994 г. Подвергнув критическому анализу не только традиционное понимание наклонений, но и трактовку этой категории Гюставом Гийомом, автор доказывает, что модальное значение наклонений складывается из двух оппозиций. Первая из них заключается в интерпретации глагольного действия как констатируемого / не констатируемого в реальности, а вторая – в отсутствии/наличии указания на субъективный фактор (волеизъявление, гипотетическое условие и др.), посредством которого не констатируемое действие связывается с реальностью. Вслед за Фр. Тома автор вполне убедительно проводит обособление функционального спектра наклонений в придаточных предложениях, где эта грамматическая категория претерпевает существенные содержательные изменения.

Вторая особенность рецензируемой монографии состоит в новом диахроническом ракурсе, примененном к латинскому материалу. В отличие от традиционной диахронической ретроспекции в исследовании, посвященных латинской грамматической системе, здесь избран проспективный диахронический ракурс, включающий последовательно три синхронных среза: архаической, классической и поздней латыни. Опираясь на мысль Э. Косериу о важности обнаружения при диахроническом исследовании «критических точек» системы, автор выявляет на основании скрупулезного анализа материала внутри каждого из срезов своеобразие складывающихся отношений между планами выражения и содержания, которое служит импульсом дальнейшего развития. В результате вскрываются причины не только эволюции функционального диапазона латинского конъюнктива, но и появления

нового романского наклонения – кондиционала.

Третья, особенно ценная примечательность работы состоит в том, что к анализу древнего мертвого языка применяются методы и теоретические положения современного языкознания. Мы находим в рецензируемом исследовании четкое и последовательное использование строгой контекстуальной методики, анализ разноуровневого взаимодействия языковых единиц, применение теории референции, учет разнообразных прагматических факторов, а также актуального членения предложения, интерпретацию материала с позиций кодирования/декодирования, развертывание семантико-синтаксической компрессии. Анализ материала в свете современной лингвистической мысли и строгая последовательность рассуждений позволили автору прийти к нетривиальным и вполне аргументированным теоретическим выводам.

Весьма продуктивным оказался функциональный подход к исследуемым фактам. В этом плане теоретической базой явились положения, выработанные Э. Кошмидером, Е. Куриловичем, И.П. Ивановой, С.Д. Кацнельсоном, А.В. Бондарко. Автор подчеркивает (с. 15), что, поскольку именно в актах коммуникации заложен импульс изменений, диахроническое исследование, направленное на раскрытие причинно-следственных связей, нерасторжимо связано с функциональным анализом.

Следует приветствовать позицию автора по отношению к столь дискуссионному до сих пор вопросу, как возможность/невозможность полисемии грамматических форм. Автор полагает, что большинству грамматических средств языка присуща многозначность. В качестве критерия, позволяющего дифференцировать первичные и вторичные функции, в монографии предлагается различение нейтрального (= неотмеченного)/отмеченного контекста. Автор утверждает, что вторичные функции являются единицами языка, если они 1) связаны с типическим, моделируемым взаимодействием языковых единиц, 2) количественно ограничены, исчисляемы, 3) являются достойным всех членов языкового коллектива (с. 16–18).

Работа состоит из очень краткого введения, пяти глав и заключения. Во введении автор раскрывает обстоятельства, вследствие которых романист – историк французского языка должен был обратиться к изу-

чению эволюции латинского конъюнктива. Оказалось, что функционирование наклонений в старофранцузском языке представляет собой настолько своеобразную картину, что только обращение к латинским истокам могло позволить вскрыть причины сложившейся в старофранцузскому периоду системы наклонений.

В первой главе «Отправные методологические положения» (с. 3–18) автор излагает собственную концепцию значения наклонений, а также свое понимание исторических и синхронных связей косвенных наклонений с категорией футурума и с семантикой модальных глаголов. Обнаруженные автором зависимости между указанными языковыми единицами составляют значительное научное открытие.

В этой же главе содержится краткий критический обзор работ, посвященных латинскому конъюнктиву.

Вторая, третья и четвертая главы посвящены, соответственно, синхронным срезам архаической, классической и поздней латыни. Языковой материал архаической латыни представлен корпусом комедий Плавта; классической латыни – текстами Варрона, Цицерона, Саллюстия, Тита Ливия, Сенеки, Тацита, Плиния Младшего; позднелатинский период представлен текстами Библии, произведениями Тертуллиана, Лактанция, Цезаря Арльского, Дезидерия, Григория Турского, Фредегария и описаниями паломничества. В работе показано, как в процессе исторического развития функциональная сфера конъюнктива в независимом предложении сужалась, теснимая такими конкурентами, как императив и конструкции с модальными глаголами.

Предложенная классификация модальных функций конъюнктива связана с особыми типами контекстов; она хорошо продумана, последовательна и может быть использована в практике преподавания. В качестве первичной функции, не отмеченной контекстом, выделяется волеизъявление (с. 19–26). К числу вторичных функций отнесены оптативная, полемическая, делиберативная, тесно примыкающие к первичной, а также функции эвентуальности, неопределенной возможности и некатегорического утверждения. Оптативная функция (с. 26–31) реализуется либо при лексическом значении неконтролируемости глагольного действия, либо при подлежащем – имени предмета или отвлеченного понятия, либо при наличии специализированных частиц. Указанные элементы контекста придают конъюнктиву значение оптативности, т.е. интерпретируют действие как не зависящее не только

от воли субъекта речи, но и от инициативы субъекта желаемого действия.

Полемический конъюнктив (с. 32–34) характеризуется употреблением в вопросительных предложениях, повторяющих или перефразирующих предшествующую реплику. Субъектом волеизъявления становится не говорящий, а адресат вопроса. Содержание вопросительного высказывания представлено как отражение желаемой, с точки зрения адресата, ситуации. Вопросительные местоимения и наречия направлены на опровержение пресуппозиции адресата речи. Делиберативная функция конъюнктива (с. 34–35), реализуемая также в вопросительном предложении, характеризуется отсутствием адресата, а также отсутствием лексического повтора или перефразирования по отношению к предшествующему высказыванию.

Большое внимание уделено эвентуальной функции конъюнктива (с. 35–54), которая, как считает автор, является для архаической латыни контекстуально отмеченной, поскольку реализуется в составе условного периода и лишь в классический период встречается в независимых предложениях (с. 97–102). Таким образом, в классической латыни возникает положение, при котором одна и та же форма (форма конъюнктива) выступает с двумя совершенно различными модальными значениями (значениями волеизъявления и эвентуальности), не обусловленными разными типами контекста. Впоследствии, в поздней латыни, данное противоречие разрешается благодаря тому, что эти два разных модальных значения распределяются между разными формами конъюнктива. В исследовании показано, как этимон романского кондиционала внедрил в систему конъюнктива (с. 136–148).

Впервые выделена функция неопределенной возможности, связанная с нереферентностью субъекта действия, который либо соотносен со 2 л. ед.ч. в обобщенной функции типа *videas*, либо выражен неопределенным местоимением-подлежащим. Как указывает автор, нереферентность субъекта создает ситуацию возможности (или неопределенности), в которой действие, обозначенное конъюнктивом, потенциально реализуемо при разнообразных условиях (с. 54–56).

Особый интерес представляет разработка вопроса о соотношении латинского конъюнктива с модальными глаголами. Оказывается, что по-разному проявляют себя глаголы возможности и долженствования; наблюдаются интересные семантические различия у личных и безличных

модальных конструкций; выделяются конкурирующие/не конкурирующие с конъюнктивом функции модальных глаголов; обнаружена употребительность/неупотребительность модальных глаголов в формах конъюнктива в зависимости от модальной функции, реализуемой этим наклонением (с. 59–75; 121–131).

Диапазон содержательного варьирования конъюнктива рассматривается в связи с категориями времени, вида, лица, с семантикой предельности/непредельности.

В центре внимания автора находится конъюнктив в независимых предложениях; амодальному конъюнктиву в придаточных предложениях уделено немного места. Вместе с тем интересно и убедительно раскрыты некоторые из путей перехода конъюнктива от модального значения к амодальному. Особо надлежит упомянуть анализ промежуточных функций конъюнктива в придаточных предложениях, где он сохраняет частично изначальное модальное содержание (с. 78–86).

В работе уделено место полемике с рядом научных концепций. Критические замечания в адрес предшественников уместны, лаконичны и аргументированы. Таковы, например, возражения Г. Гийому (с. 1–2, 83–84, 149, 170–171), критический анализ понимания латинского условного периода М. Баратэном и К. Леманом (с. 37–39), полемика с А. Бюрже (с. 150–151) относительно причин появления в поздней латыни конструкции, выражающей будущее по отношению к прошедшему.

К числу наиболее важных теоретических положений фундаментального исследования М.К. Сабанеевой следует отнести новую концепцию категории наклонений, раскрытие причинно-следственных зависимостей в конкуренции конъюнктива с модальными глаголами; объяснение возникновения романского кондиционала; положение о том, что степень детализации времени формами

наклонения производна от модального значения наклонений; объяснение предрасположенности глаголов бытия (лат. *esse*) к выполнению связочной функции в предложении. Автор считает, что бытие какой-либо сущности предполагает с неизбежностью наличие признаков, которые выделяли бы данную сущность, противопоставляя ее другим. Поскольку констатация существования предмета (лица, понятия) имплицитно присутствует у них отличительных признаков, глаголы бытия выполняют синтаксическую функцию связки.

Критическая часть рецензии сводится к двум замечаниям. Первое из них представляет собой скорее сомнение относительно того, что в архаической латыни конъюнктив в значении, именуемом традиционно «потенциальным» (в монографии – «эвентуальным»), встречается лишь внутри условного периода. Вполне доверяя автору, я принимаю тот факт, что в корпусе комедий Плавта конъюнктив в функции эвентуальности не встречается за пределами условного периода. Но вполне допустимо, что в архаической латыни могли быть явления, не получившие фиксации в языке комедий Плавта.

Второе замечание касается опечатки в библиографическом списке, где при правильном названии статьи Ф. Тильмана и точности выходных данных совершенно искажена фамилия автора, приведенная, однако, без ошибок в тексте на с. 163.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что в рецензируемой монографии представлена оригинальная целостная теоретическая концепция, изложенная логически последовательно и просто, основанная на анализе очень большого фактического материала. Результаты исследования было бы полезно использовать в процессе преподавания латинского языка.

И.А. Перельмутер

Издание знакомит широкий круг лингвистов с работами норвежского слависта Альфа Граннеса. Исследования, составившие объемный том, были написаны и опубликованы в период с 1974 по 1996 гг., однако, как отмечает сам автор в предисловии, они «в силу ряда причин нередко оставались недоступными российским специалистам».

В большинстве исследований внимание автора сосредоточено на описании русского языкового узуса XVIII в.

А. Граннес замечает, что по сравнению с 70-ми гг. нашего столетия, после появления работ В.М. Живова, Б.А. Успенского, Г. Хютль-Фольтер, после выхода первых выпусков «Словаря русского языка XVIII века» (см. также ряд других изданий Академии наук РАН, например: [Язык русских писателей XVIII в. 1981; Литературный язык XVIII в. 1982; Функциональные и социальные разновидности.... 1984]) наука значительно продвинулась в изучении языка XVIII в.

История русского литературного языка, несмотря на очевидную преемственность этапов его развития, нельзя представить себе как некую сплошную непрерывную линию. Точка перелома этой линии, т.е. перехода от традиционного книжного языка (литературного языка средневековья) к собственно истории литературного языка нового типа приходится на XVIII в. Вместе с тем, понятие «точка перелома» не имеет объяснительной силы, если необходимо проследить, как именно происходило становление нормы литературного языка нового типа, т.е. при описании пласта диахронии как ряда синхронных процессов, вызванных некоторыми лингвистическими и внелингвистическими причинами.

Несмотря на то, что наука в настоящее время располагает описаниями эволюции культурно-языковой ситуации XVIII в., а также отдельных фрагментов языковой нормы, полная история русского литературного языка XVIII в. (в частности история центрального уровня языка – морфологии) еще не написана. Несомненно, создание такого труда является одной из самых актуальных задач современной русистики. В этом смысле выход в свет книги А. Граннеса, посвященной, главным образом, русскому языку XVIII в., является значительным событием – не только чисто научным, но и символическим, поскольку

издание привлекает внимание исследователей к проблематике, которая в значительной степени по-прежнему остается тем, что называется *terra incognita*.

Издание открывается монографическим исследованием «Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII в.», впервые опубликованным на русском языке в Норвегии в 1974 г.¹ Уже сама постановка проблемы, принципы отбора круга источников и обоснование метода исследования позволяют обратиться к ряду теоретических проблем изучения языка второй половины XVIII в., таким, как соотношение кодификации и узуса, в том числе в языковом сознании отдельных носителей языка; вариативность и норма; становление противопоставления литературный язык/язык литературы и др.

В исследовании анализируется язык 40 комедий и комических опер, появившихся в период с 1750 по 1798 гг. Выбор в качестве материала исследования определенного литературного жанра – особенность, традиционно свойственная многим работам, посвященным языку XVIII в. При таком подходе исследователь стоит перед решением нескольких проблем: осмысления линии преемственности жанра и степени новаторства; определения границ жанра и классификации составляющих его текстов и только затем выявления типичных языковых черт. Последняя задача представляется достаточно сложной, поскольку необходимо сравнить корпус языковых черт не только с макро-, но и с микро-культурно-языковым контекстом, т.е. не только с корпусом языковых черт, свойственных другому жанру, но и с особенностями языковой практики отдельных авторов. Наконец, возникает вопрос о соотношении языка определенного литературного жанра с реальным живым узусом.

Язык комедий и комических опер второй половины XVIII в. уже попадал в сферу внимания лингвистов. Обзор истории становления жанра, а также этапов его изучения представлен в пространном «Введении» к монографии (главы «Краткий обзор

¹ В свое время выход монографии стал значительным событием в русистике. Рецензии на монографию были напечатаны во многих специализированных изданиях, в том числе в «Вопросах языкознания», «Russian linguistics», «Slavia orientalis» и др.

истории русской комедии и комической оперы второй половины XVIII в.» и «О языке русской комедии и комической оперы второй половины XVIII в.»).

Жанр комедии рассматривается А. Граннесом как совершенно новое для русской культуры явление, вызванное к жизни необходимостью обеспечить репертуаром созданный в 1756 г. в Петербурге профессиональный театр. Знаком новаторства традиции является, по мысли автора, обращение к западноевропейской, в первую очередь французской, драматургии при отказе от традиций «народных игр» и «школьной драмы». Таким образом, А. Граннес видит историю жанра как историю пересаживания заимствованного феномена на русскую почву (т.е. так называемого «склонения на русские нравы»). При этом автор отвлекается от предьстории жанра, включающей, например, репертуар труппы Кунста-Фюрста, в котором уже присутствовало комическое начало, знакомство русского общества с комедией масок, а также опыта ранних переводов западных комедий (например, «Смешных жеманниц» и других пьес Ж.-Б. Мольера), где была предпринята попытка создания особого «галантерейного» стиля (ср. еще первые «драммы» Третьяковского, относящиеся к 1730-м годам).

Исходя из идеи «склонения» комедии «на русские нравы», автор совершенно справедливо считает необходимым обращать внимание на степень оригинальности принципов языкового построения текста. Так, например, в языке комедий внимание лингвистов обычно привлекает лексический уровень как средство характеристики персонажей, в той или иной степени отражающее особенности речи некоторых социальных слоев. Отмечая тенденцию к лексическому обособлению речи слуг, представленную в языке русских комедий, А. Граннес указывает на существующую во французской драматургии, начиная с эпохи Мольера, традицию маркирования речи крестьян при помощи какого-либо местного говора и предполагает, что «русские переводчики и комедиографы не могли не обратить внимания на этот своеобразный прием речевой характеристики». Вместе с тем, А. Граннес далек от того, чтобы видеть в речи крестьян портрет узуса той или иной диалектной зоны. Несмотря на то, что отдельные элементы находят соответствия в диалектах (например, мужики-работники из комедии В.И. Лукина «Щепетильник» «говорят на галичском говоре»), по мнению исследователя, следует говорить о процессе создания некоторого «условного крестьян-

ского языка» ("stage rustic" в терминологии Д. Уэлша). В западноевропейской драматургии находятся соответствия и для галлицизированного шегольского жаргона (например, француско-датская речь главного персонажа пьесы Гольберга "Jean de France"), и для речевого изображения педанта (так, пишет автор, «славенский» язык русских педантов соответствует латинизированному французскому языку французских педантов вроде Панкраса в комедии Мольера "Le mariage forcé").

Вместе с тем, перенесение некоторых принципов западной драматургии на русскую почву только подчеркивает оригинальность языковой ситуации, поскольку выработка отдельных стилистических приемов шла практически одновременно со становлением собственно литературной нормы, чем объясняются, в частности, расхождения между авторами в трактовке отдельных языковых элементов.

Ставя перед собой задачу описать «масовые» языковые черты, т.е. черты, предположительно отражающие непосредственный речевой узус, автор отбирает для исследования «второклассные» комедии малоизвестных и неизвестных комедиографов, делая исключение лишь для узкого круга произведений А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина и В.В. Капниста. Сформированный корпус текстов в дальнейшем предстает как нечто целостное, т.е. иначе говоря, как единый континуум.

Особенностью монографии является обращение не к лексическому, а к фонетическому и морфологическому уровням языка, среди элементов которых выделяются диалектные и просторечные. Понятие просторечия понимается исследователем довольно широко. Следуя определению Ю.С. Сорокина, А. Граннес относит к просторечию элементы разговорной речи, «которые противостоят нейтральным формам книжного языка и его общим нормам», а также «русские формы в их отличии от церковнославянских форм высокого стиля» или, в иной формулировке, пласт элементов, формировавших ломоносовский «низкий штиль». Таким образом, понятие просторечия оказывается довольно расплывчатым, учитывающим одновременно позицию внешнего исследователя и языковое сознание современника. Вместе с тем, следует признать, что обе позиции в силу своей абстрактности, имеют малую практическую объяснительную силу. Действительно, трудно сказать с полной определенностью, что являлось «общей нормой» или же «нейтральной формой книжного языка» в

исследуемый период. Кроме того, точно также сложно ориентироваться и на концепцию Ломоносова, поскольку вопрос о ее адекватности языковой практике отдельных авторов (в том числе и самого Ломоносова) является отдельной проблемой, требующей специального комментирования. Собственно, само исследование А. Граннеса служит именно для прояснения этого комплекса вопросов.

Автор отдает себе отчет в том, насколько сложным оказывается выбор отправной точки. Особенно очевидно это становится, когда возникает необходимость определить, какая группа явлений должна быть отнесена к диалектизмам. Поэтому А. Граннес, указав на такие характеристики диалектизмов, как "локальная ограниченность" и "противостояние нормам литературного языка", обращает внимание читателя на некорректность перенесения современной диалектной картины на два века назад, а также на приблизительность использования терминов литературный / нелитературный применительно к рассматриваемой эпохе и декларирует: "В XVIII веке нет определенной, четкой границы между диалектными, просторечными и стилистически нейтральными элементами языка".

Вместе с тем, условность толкования терминов, вынесенных в заглавие монографии, не мешает А. Граннесу точно сформулировать принципы отбора языкового материала. Это три принципа, вытекающие из трех разных подходов к исследованию языка XVIII в. Во-первых, исходя из метода реконструкции языкового сознания эпохи при помощи анализа основных грамматических трактатов, автор отбирает те языковые элементы, которые активно обсуждались кодификаторами. Во-вторых, обращаясь к исторической грамматике, исследователь останавливает свое внимание на тех особенностях структуры языка, которые в научных исследованиях характеризуются как маркированные. Наконец, исходя из необходимости учитывать индивидуальное языковое сознание, А. Граннес принимает во внимание возможное влияние диалектной основы языка отдельных авторов (например, установленные уже особенности московского наречия указанного периода для драматургов-москвичей).

Кроме того, А. Граннес обращается к формальным особенностям комедий. Так, оказываются рассмотренными те элементы фонетики и морфологии, которые "могли применяться в характерологических функциях".

Таким образом, исследование посвящено

языковым элементам, которые, в силу какой-либо причины или комплекса причин, могут претендовать на статус стилистического маркера ("style markers"). В соответствии с общей установкой, каждое явление иллюстрируется богатым материалом и снабжается комментариями двух планов: синхронного (языковое сознание эпохи) и диахронного (позиция исследователя), так что в целом читателю предлагается своего рода компендиум, в котором рельефно представлен весь спектр иллюстраций и суждений о них.

В разряд фонетических маркеров попадают пятнадцать фонетических явлений, среди которых аканье; иканье; яканье; оканье; ёканье; цоканье; дзеканье; утрата интервокального *j* и последующее стяжение двух гласных в один; утрата интервокального *v*; "сокращенные" формы родительного и дательного падежей притяжательных местоимений *маво*, *маму*; формы личного местоимения 2 лица *те*, *тя*; замена фонемы *ф* фонемой *х*.

Обсуждая вопрос об аканье, автор предполагает, что использование этой фонетической черты для передачи речи отдельных персонажей может быть интерпретировано как попытка изобразить южнорусское диалектное происхождение (недиссимильтивное аканье) либо как стремление передать живую, разговорную речь.

Приведенные А. Граннесом сведения можно сопоставить с результатами исследований М.В. Панова, который анализирует в книге "История русского литературного произношения XVIII–XX вв." комедию А.Д. Копьева 1794 г. "Что наше тово нам и не нада", где аканье господствует (в корпусе текстов А. Граннеса данный автор представлен другой пьесой). Вместе с тем, акают персонажи комедии по-разному: "просторешники более усердно", чем другие (см. [Панов 1990: 307]). М.В. Панов выдвигает гипотезу: быть может, "просторечные" герои акают по-московски (провинциально), а другие персонажи – по-петербургски, менее выражено?

Любопытно, что, согласно наблюдениям М.В. Панова, наиболее акающими персонажами в пьесе Копьева являются две женщины. Известно, что именно женщинам приписывается введение акающего произношения в литературную норму, см. об этом, например [Алексеев 1984: 84 и сл.]. А. Граннес специально не останавливается на этом вопросе, однако приводит мнение А. Сумарокова о том, что именно женщины отличаются невниманием к письменным формам языка и пишут "как попало",

например, "Матушка моя галубушка пажалуй атпиши камне...".

Таким образом, оказывается важным по возможности точно интерпретировать статус аканья, а также отражения этого фонетического явления на письме. Следует, видимо, различать, отдельные виды аканья, статус которых мог быть неодинаков. Что же касается "московского аканья", то интересно сопоставить мнение Ломоносова, поместившего данное фонетическое явление в зону "предпочтительного выговора", с данными языковой практики, отражающей отношение к аканью как к социально маркированному элементу (речь слуг; речь женщины)² или как к явлению своего рода общерусского разговорного койне³. Отметим также, что в книге М.В. Панова обращается внимание на еще одну грань проблемы, а именно, на эволюцию собственно сценической нормы произношения от окающей к акающей [Панов 1990: 302].

В области морфологии рассматриваются маркированные именные и глагольные формы (родительный и предложный падеж имен существительных мужского рода на -у; формы именительного-винительного падежа единственного числа *имё, семё*; родительный падеж множественного числа на -ев, -ов существительных среднего рода; формы синтетической сравнительной степени прилагательных; многократные бесприставочные глаголы; деепричастные формы на -ючи, -ючи; полная форма инфинитива на -ти безударное и др.).

Практически в каждой главе содержится информация, которая уточняет и обогащает известные представления о истории развития того или иного языкового фрагмента и хронологических рамках этого процесса.

Так, например, из исторической морфологии известно, что флексия родительного падежа на -у первоначально характеризовала определенный формальный тип основ (одно- двусложные основы с подвижным ударением); однако с XV в. значительно расширила сферу своего функционирования.

² Есть основания предполагать, что во второй четверти XVIII в. аканье могло осмысляться как особенность речи аристократии, возможно, особого "щегольского" жаргона.

³ На аканье как на одну из основных черт "московского языка" указывает и А.А. Ржевский, автор статьи "О московском наречии", опубликованной в журнале "Свободные часы" за 1763 г. При этом московский язык понимается им именно как язык "разговоров" не только Москвы, но и всей России.

Выявлению групп существительных, активно принимавших эту флексию, посвящено немало исследований. Как частный и даже периферийный факт отмечалось, что данное окончание свойственно заимствованиям. В этой связи кажется очень плодотворным для истории именного склонения вывод о том, что в проанализированных А. Граннесом текстах данная тенденция, т.е. преобладание флексии -у в заимствованных неодушевленных именах существительных мужского рода, представлена большим корпусом примеров (17,14% от общего числа употреблений). Среди таких заимствований достаточное количество новых, в том числе и семантических, возможно, освоенных первоначально в особом щегольском употреблении (например, *амур, ананас, вкус, дискур, интерес, политес*). Тщательное рассмотрение всех аспектов контекстов (таких, например, как лексическое значение существительных, их стилистическая принадлежность, формальная структура, акцентологический тип, синтаксическая конструкция) позволяет автору значительно обогатить аргументы в пользу мнения о том, что переломный момент в истории данного фрагмента именного склонения приходится на вторую половину XIX в., когда флексия окончательно закрепляется за выражением значения партитивности.

О некорректности прямого соотнесения предписаний грамматических трактатов с языковой практикой, а также о сложности выявления некоей стандартной нормы можно судить, например, по материалам, представленным в главе о формах сравнительной степени прилагательных на -ае, -яе от основ не на шипящий.

Статус этих форм широко обсуждался в грамматических трактатах второй половины XVIII в., причем высказывались самые разные мнения. Так, Ломоносов рекомендовал употреблять формы на -ее⁴. Сумароков решительно возражал против выведения формантов -ае, -яе из области нейтральной нормы⁵. В.К. Третьяковский выступал за позиционное распределение формантов: под ударением -ае, яе, в безударной позиции -ее,

⁴ Заметим, что Ломоносов все же допускал использование форманта -ае, -яе в интересах благозвучия, "ради двух или трех е, первые склады составляющих" [Ломоносов 1755: 92].

⁵ "По чему надлежало писать более, прелестнее и пр. а не боляе и прелестняе, я не знаю..." — писал Сумароков. По его мнению, обсуждаемые формы могли бы служить украшением языка (см. [Сумароков 1787: 46]).

чем и вызвана его критика формы *бесчиние*, использованной Сумароковым. Другие авторы, например, Н. Курганов, А.Д. Байбаков и В.С. Подшивалов, полагают, что формы на *-ae* и *-ee* находятся вне границ литературной нормы. Наконцев, В.П. Светов помещал их в зону "поэтических вольностей".

Вместе с тем, языковая практика может не соответствовать декларируемым нормам⁶. Обращаясь к текстам комедий, А. Граннес отмечает широкое использование суффикса *-ee* и его вариантов при прослеживаемой тенденции плавного исчезновения форм на *-ая*, *-яе* по мере продвижения к концу века. Таким образом, вопреки тому, что историческая диалектология и история кодификации данных форм косвенно указывают на их особую стилистическую отмеченность, проанализированный корпус текстов не подтверждает этой гипотезы для периода второй половины XVIII в. Реальные колебания в степени употребительности форм в языке разных писателей, по мнению А. Граннеса, может объясняться "индивидуальными взглядами на спорный вопрос" (например, доля форм на *-яе* в языке комедий Сумарокова составляет 81,82% от общего количества употреблений форм синтетической сравнительной степени, а в языке комедий Фонвизина – всего 1,35%).

В целом автору удается провести границы между "узкими элементами жанра" (практически не обсуждавшимися кодификаторами второй половины XVIII в.), использовавшимися исключительно в характерологической функции, и элементами, имеющими иную, неоднозначную функциональную нагрузку. Элементы второй группы попадали в зону внимания кодификаторов и воспринимались ими как "простые" и даже неправильные; тем не менее их следует рассматривать в границах (хотя и на периферии) нормы, соответствующей разговорному употреблению.

Кроме монографии "Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII в." в издание вошел также ряд статей, посвященных проблемам синтаксической и морфосинтаксической вариативности.

Второй раздел книги открывается двумя статьями, посвященными истории категории одушевленности в русском языке: "Неличная одушевленность в русском языке XVIII в."; "Роди мне три сына: одуше-

вленность русских числительных с точки зрения нормы и узуса".

Существующие работы по истории категории одушевленности сосредоточены, как правило, на процессе становления данной категории, в частности, обсуждается хронология помещения названий животных в зону одушевленности [Крысько 1994: 36 и сл.]. Исследование А. Гриннеса позволяет продвинуться вперед по временной шкале по сравнению с древнерусским периодом и составить представление о следующем шаге в развитии категории. В центре внимания автора вариативность $V = И/В = Р$ падежи во множественном числе существительных и прилагательных, относящихся к животным. Устранение вариативности в таких контекстах традиционно считается последним этапом в развитии неличной одушевленности, завершившимся уже в XVII в. А. Граннес убедительно показывает, что примеры вариативности, относящиеся к началу XVIII в. и в некоторой степени учтенные исследователями, не следует считать результатом описки или других случайных причин. Рассмотрение материала, относящегося к петровскому времени, позволяет прийти к выводу, что в первые два десятилетия XVIII в. категория одушевленности продолжала развиваться, о чем свидетельствует наличие определенных закономерностей в распределении форм.

В статьях "Роди мне три сына..." и "Genetivus temporis в русском языке XVIII в." рассматриваются конструкции, позволяющие проследить развитие в русском языке тенденции к аналитизму. Так, в частности, А. Граннес описывает замену падежной конструкции *genetivus temporis* (прошлого года) предложными конструкциями (в прошлом году) и распространение последних, относя отмирание родительного времени к XVIII – началу XIX вв. (ср. характеристику явлений того же плана на материале современного языка в [Гловинская 1996: 240 и сл.]).

Основной корпус статей имеет предметом рассмотрения вариативность форм прилагательных и причастий в объектном предикативе: "Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в русском языке (XVIII–XX вв.)"; "Краткие формы прилагательных и причастий в позиции факультативного объектного предикатива в русском языке XVIII в."; "Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в русском языке конца XVIII в. (на материале прозы Радищева и Фонвизина)";

⁶ Ломоносов, например, использовал формы на *-ae*, *-яе*.

"Морфосинтаксическое варьирование в объектном предикативе в русском литературном языке XIX в."; "Обзор морфосинтаксического варьирования в адъективном и причастном объектном предикативе в истории русского и польского языков"; "Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в новых славянских языках".

Автор исследует конструкции с факультативным и обязательным предикативом, выделяя эссивную и транслативную конструкции. Данные термины А. Граннес выводит по аналогии с двумя финскими падежами: эссивным и транслативным; передающими, соответственно, значения "состояние или свойство объекта во время совершения действия, обозначаемого глагольным предикатом, причем это состояние и свойство не есть результат глагольного действия" и "состояние или свойство, которое является результатом выраженного глаголом действия". Исследователь анализирует распределение вариативных форм (мертвого/мертвым) в славянских языках в зависимости от типа конструкции. Так, в славянских языках в транслативных конструкциях в случае обязательного предикатива преобладают формы в творительном падеже, тогда как эссивные конструкции допускают варьирование, при этом в южнославянских и западнославянских языках предпочтительным оказывается винительный падеж, а в восточнославянских – творительный. Собрания из ряда очерков истории данного фрагмента славянской исторической грамматики включает также главу, в которой рассматривается вопрос о конкуренции полных и кратких форм прилагательных и причастий (мертва/мертваго) на протяжении XVIII–XIX вв.

Кроме того, в книге представлены работы, посвященные варьированию именных форм в составном сказуемом с формами повелительного наклонения связки в русском, белорусском и украинском языках: "Будь умница/умницей"; "Варьирование прилагательных в составном сказуемом с формами повелительного наклонения *будь*, *будьте*" (в соавторстве с К.Б. Ключковой); "Морфосинтаксическое варьирование предикативных прилагательных в конструкциях с формами повелительного наклонения вспомогательного глагола *быць* в белорусском языке"; "Морфосинтаксическое варьирование предикативных прилагательных в конструкциях с формами повелительного наклонения вспомогательного глагола *бути* в украинском языке". В статьях уточняются

особенности использования той или иной формы в современных славянских языках. Так, например, указывается, что вопреки распространенному мнению о преобладании в современном русском языке конструкции с краткой формой прилагательного в значении сослагательного и условно желательного наклонения (*будь он весел...*), следует говорить скорее о широкой вариативности, ограничивающейся синтаксическими условиями. Роль синтаксического фактора, а именно, наличия/отсутствия распространителей; возможности/невозможности появления распространителя выявляется также и для уточнения условий функционирования той или иной конструкции в современных белорусском и украинском языках. Наблюдения над синхронным материалом дополняются экскурсами в диахронию.

Каждая работа норвежского слависта не может не поражать многосторонностью подхода к каждому языковому явлению, органичным сочетанием методов синхронии и диахронии, а также компаративистики. Подводя итог, можно сказать, что исследования А. Граннеса заполняют отдельные лакуны русистики и, шире, славистики. Книга, несомненно, станет одним из важнейших источников для построения исторической грамматики русского языка XVIII–XIX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.А. 1984 – Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII в. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984.
- Гловинская М.Я. 1996 – Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Литературный язык XVIII в. 1982 – Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л., 1982.
- Ломоносов М.В. 1755 – Российская грамматика. СПб., 1755.
- Панов М.В. 1990 – История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- Сумароков А.П. 1787 – Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Т. 10. М., 1787.
- Функциональные и социальные разновидности... 1984 – Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984.
- Язык русских писателей XVIII в. 1981 – Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981.

Е.Э. Бабаева

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

27–29 января 1998 года на филологическом факультете МГУ состоялась конференция "Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Филиппа Федоровича Фортунатова", посвященная 150-летию со дня рождения этого выдающегося ученого, основателя Московской лингвистической школы. В работе конференции приняли участие около 60 человек из различных городов России, из стран ближнего и дальнего зарубежья. Было проведено два пленарных и шесть секционных заседаний.

Первое пленарное заседание открыла зам. декана по научной работе Г. Е. Кедрова. От имени деканата филологического факультета она приветствовала участников и гостей конференции. Затем с докладом "Ф.Ф. Фортунатов – профессор Московского университета" выступил В. П. Гудков (Москва). Кратко остановившись на основных направлениях деятельности ученого, докладчик говорил о Фортунатове как о выдающемся педагоге, талантливом учителе, создателе собственной школы в языкознании. Ю. В. Рощенский (Москва) в докладе "Вклад Ф.Ф. Фортунатова в систематизацию сравнительно-исторического индоевропейского языкознания", охарактеризовав этапы развития сравнительно-исторического языкознания (от немецких компаративистов XIX в. и младограмматиков до наших дней), отметил особую роль личности и учения Фортунатова в развитии компаративистики. В. А. Кочергина (Москва) свое выступление посвятила научной и педагогической деятельности недавно ушедшего из жизни проф. О.С. Широкого – истинного последователя и пропагандиста учения Фортунатова. С. Н. Кузнецов (Москва) рассказал о недавно воссозданном на фил-

факе МГУ кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Московском Лингвистическом обществе им. Ф.Ф. Фортунатова. Доклад В. А. Дыбо (Москва) "Проблема закона де Соссюра-Фортунатова" был посвящен восстановлению закона де Соссюра-Фортунатова в уточненной формулировке с учетом новых результатов исследования в области балто-славянской акцентологии. В докладе О. А. Князевской (Москва) "Об определении времени написания недатированных древнеславянских рукописных книг" было предложено считать временем создания рукописи Саввиной книги XI век. Анализ системы письма памятника (состав букв и особенности их начертания) позволяют усомниться в истинности общепринятой датировки рукописи.

Секция 1 объединила доклады по теме "Исследование проблем праславянского, старославянского, церковнославянского языков и древнеславянской письменности; этимология". На этой секции выступили с докладами В. Маньчак (Краков), А. Молдован (Москва), А. Гиппиус (Москва), О. Неделкович (Чикаго), В. Дыбо и другие, всего более 30 докладов.

Секция 2 проводила заседания по теме "Сравнительно-исторические исследования индоевропейских и других языков. Методология сравнительно-исторического языкознания". Руководитель секции В. А. Кочергина (Москва) выступила с докладом "Вопросы лексикографии санскритского глагола в свете учения Ф.Ф. Фортунатова о форме слова", в котором были рассмотрены научные принципы лексикографического описания санскритского глагола, основанные на фортунатовском разграничении словоизменения, формо- или основообразования и словообразования и реализованные в первом Санскритско-русском словаре (автор В.А. Кочергина). В докладе В. К. Казаряна (Москва) "Противопоставление

глагольных основ презенса и аориста в армянском, древнеиндийском и греческом" говорилось о различных способах формальной дифференциации названных глагольных основ в некоторых индоевропейских языках. Е. А. Г л е б о в а (Москва) в докладе "Фортунатовское учение о классах индоевропейских глаголов и его применение к италокельтским языкам" показала возможности использования фортунатовской теории формальных глагольных классов, характеризующих типы глагольных основ, для исследования типов спряжения и системного описания глагольных классов в отдельных индоевропейских языках. В докладе О.А. В о л о ш и н о й (Москва) "Проблема термина в индийском языкознании (на материале терминов фонетики)" говорилось о различных принципах построения лингвистических терминов в древнеиндийской грамматической традиции. А. В. С и д е л ь ц е в (Москва) в своем выступлении «"Отглагольные" степени сравнения в ведийском: внутренняя реконструкция» продемонстрировал, как семантическая реконструкция степеней сравнения прилагательных в ведийском языке позволяет изменить точку зрения на происхождение данных форм прилагательных: традиционно признаваемые образованными от глаголов, они являются производными от однокорневых имен. В докладе Т. А. К а р а с е в о й (Москва) «"Упрощение" парадигмы тематического склонения в итальянских языках» подверглась сомнению попытка найти единое происхождение для флексий родительного падежа тематического склонения в итальянских языках. На основании многочисленных примеров докладчик предположил сосуществование двух различных флексий родительного падежа единственного числа тематического склонения в эпоху, предшествующую первым памятникам.

Доклад Б е с т е р с - Д и л ь г е р Ю л и а н е (Вена) "Сравнительно-историческое изучение модальности (на материале русского и польского языков)" был посвящен сравнению средств выражения модальности необходимости и возможности в современных русском и польском языках. Выявленные различия объясняются в большинстве случаев адстратом польского (немецкий язык) и субстратом русского (финно-угорские языки). В докладе В. А. Б о р и с е н к о (Белград-Москва) "Ф.Ф. Фортунатов и сербохорватистика" говорилось о развитии фортунатовских принципов исследования языка русской школой компаративистики, идеи которой нашли свое продолжение в сербской лингвистике. Й. Р а й н х а р т

(Вена) в докладе "Индоевропейские истоки праславянского языка" предлагает отказаться от первостепенной роли праславянского языка при реконструкции индоевропейского праязыка. Анализ многочисленных примеров позволяет утверждать, что данные праславянского языка весьма редко оказываются необходимыми для реконструкции определенной индоевропейской категории, большинство же фактов праславянского языка вообще не может претендовать на индоевропейскую древность. К. Г. К р а с у х и н (Москва) посвятил свой доклад "Синтаксис индоевропейского местоимения **io-*" особому классу частиц – так называемых "плавающих", т.е. способных занимать в предложении первую ударную и вторую безударную позицию. Основываясь на примерах, автор показал, что позиция, занимаемая подобной частицей в предложении, влияет на ее семантику.

В выступлении И.А. В а с и л е в с к о й (Москва) "Попытка реконструкции общей оценочной семантики слова в связи с изначальным значением префикса в слове *убогий* было обращено внимание на частный случай изменения семантики слова, имеющего префикс со значением приближения или удаления, при переходе слова из сакрального в общеупотребительный контекст. В докладе М. Х. Ш а х б и е в о й (Москва) "Проблемы исторической лексикологии нахских языков" говорилось о том, что традиционные методы, разработанные сравнительно-историческим языкознанием на материале индоевропейских языков, недостаточны для исследования нахских языков. Автор предложил пути поиска новых приемов исследования иносемейных языков. Вопросам методологии сравнительно-исторических исследований были посвящены доклады И. Г. Д о б р о д о м о в а (Москва) "Проблема внешних связей индоевропейских языков" и С. А. Б у р л а к (Москва) "Об одном способе проверки гипотез в компаративистике".

На втором пленарном заседании конференции был заслушан доклад А. И. С у ш к о в о й и Е. И. С т а р и к о в о й (Москва) "Архив академика Ф.Ф. Фортунатова (по материалам Санкт-Петербургского отделения архива РАН)", в котором говорилось о неопубликованных работах Ф.Ф. Фортунатова и о возможных перспективах их издания.

О.А. Волошина (Москва)

22–24 февраля 1998 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН прошла Международная конференция "Русский язык в его функционировании"¹, посвященная памяти Дмитрия Николаевича Шмелева (III-и Шмелевские чтения).

В конференции принимали участие ученые из России, США, Австрии, Литвы. Тематика конференции охватывала широкий круг вопросов, актуальных для современной лингвистики; их выбор во многом определялся сферой научных интересов Д.Н. Шмелева. Были затронуты проблемы социальной дифференциации современного русского языка, устной речи города, социокультурных аспектов исследования русской разговорной речи, современного политического дискурса, языка русского зарубежья, языка художественной литературы, русской языковой картины мира, новейших направлений современной лексикографии, проблемы функционирования языка в посттоталитарном обществе и др.

Кратким вступительным словом конференцию открыл директор Института русского языка РАН А.М. Молдован, затем Л.П. Крысин произнес Слово о Д.Н. Шмелеве, в котором охарактеризовал его как выдающегося ученого и замечательного человека.

Было проведено четыре пленарных заседания.

В совместном докладе Е. А. Земско́й, Л. П. Кры́сина (Москва) "Московская школа функциональной социолингвистики (Итоги и перспективы изучения)" были освещены основные направления исследований, проводившихся в рамках данной школы, у истоков которой стоял Д.Н. Шмелев.

Проблемы лексикографического описания многозначных слов были затронуты в двух докладах. Ю. Д. Апре́сян (Москва) рассмотрел два рода трудностей, возникающих при их описании: первые порождаются самой природой многозначности; вторые связаны с общими принципами описания языковых значений. В качестве иллюстрации была представлена схема словарной статьи глагола *выбирать* – *выбрать*. Е. В. Па́дучева (Москва) в докладе "О семантической деривации: слово как парадигма лексем" изложила трактовку регулярной многозначности в системе "Лек-

сикограф" (семантический словарь, представленный в форме лексической базы данных) на примере семантической парадигмы глаголов звучания (*зреть*, *звенеть* и др.).

Живой интерес собравшихся вызвало выступление Н. Д. Арутюно́вой (Москва) "Магия слов (*о новом, первом и последнем*)", в котором был сделан ряд тонких наблюдений над функционированием слов со значением новизны, начала и конца, а также представлен анализ их сочетаемости с оценочными словами.

В докладе Р. И. Розино́й (Москва) "Общий жаргон: принципы лексикографического описания, семантика поведения" рассказывалось о результатах работы над "Словарем общего жаргона большого российского города".

Л. Л. Касатки́н и Р. Ф. Касаткина (Москва) в своем докладе "Текстовые коннекторы в некоторых региональных и социальных разновидностях русского языка" охарактеризовали функционирование союзов и частиц *а*, *но* и *ну* в диалектной речи, в речи крестьян-старообрядцев (в том числе – в американской диаспоре), а также в городском просторечии. А. С. Герд (С.-Петербург) в своем сообщении ввел понятие региолекта как особого переходного типа между диалектом, с одной стороны, и просторечием, с другой. Внимание собравшихся привлекло выступление В. Е. Гольди́на (Саратов) "К внутренней типологии русской речи", в котором говорилось о важности рассмотрения речевых явлений на материале русского языка в целом, во всех его функциональных, социальных и территориальных разновидностях.

Вопросы русской орфографии были затронуты С. М. Кузьми́ной (Москва), в докладе которой говорилось о современном состоянии русского языка и о возможностях усовершенствования орфографической системы.

Различным аспектам изучения разговорной речи были посвящены доклады Л.А. Капа́надзе (Москва) "Разговорная речь как генератор неопределенности (к вопросу о неустраиваемости различий между РР и КЛЯ)"; О. А. Ла́птево́й (Москва) "Системность речевого расширения омонимии"; Т. В. Матве́евой (Екатеринбург) "Фактор иерархии в категориальной структуре разговорного текста"; Т. И. Ерофе́евой (Пермь) "Речь провинциального города: итоги и перспективы изучения".

Речевые жанры разговорной речи рас-

¹ Конференция проводилась при финансовой поддержке "Института Открытое Общество" (грант № Н2Н773) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

сматривались в докладе М. В. К и т а й - г о р о д с к о й, Н. Н. Р о з а н о в о й (Москва) "К вопросу о жанровой стратификации разговорной речи", где предлагалось для создания типологии жанров использовать иерархически организованный набор коммуникативных параметров, подразделяющихся на четыре основные группы (место, время, партнеры коммуникации, тема); подчеркивалась также важность исследования парадигматических и синтагматических взаимоотношений жанров.

О. П. Е р м а к о в а (Калуга) в своем выступлении "Виды вербализованной иронии в разных сферах языка" выдвинула тезис о том, что в речи диалектоносителей встречаются не все виды иронии, функционирующие в литературном языке.

Оживленное обсуждение вызвал доклад Т. М. Н и к о л а е в о й (Москва), посвященный двум новым тенденциям в русской речевой коммуникации: 1) расширение поля действия формы *Полное имя + Фамилия* (ранее обычно употреблявшейся, когда речь шла о людях искусства) и неупотребление отчества в языке средств массовой информации; 2) использование *извините* вместо *спасибо*.

Описанию русской языковой картины мира с различных точек зрения и на различном материале было посвящено четыре выступления. В совместном докладе Т. В. Бу л ы г и н о й, А. Д. Ш м е л е в а (Москва) "Folk Linguistics" рассматривались многочисленные примеры высказываний о языке (преимущественно нелингвистов). Отмечалось, что часто "метаязыковые" высказывания носителей языка маскируются под суждения о мире и наоборот. С. Е. Н и - к и т и н а (Москва) в докладе "Картина мира и словник (на материале русских народных текстов)" говорила о неразрывной связи языковой картины мира с культурной моделью и подчеркивала, что, поскольку существует множество культурных моделей, то вряд ли оправдано говорить о единой общерусской языковой картине мира. В выступлении С. М. Т о л с т о й (Москва) «"Человек из теста" (фольклорные мотивы и семантические модели)» говорилось о том, что наиболее распространенным славянским фольклорным мотивом создания человека был мотив человека вылепленного (из теста или из глины), что отражается в языке: *из того же теста, из одного теста, третий калач, друг ситный, z jednej gliny ulepeni* и др. В докладе М. В. Л я п о н (Москва) "Картина мира: языковое видение интроверта" был проведен анализ прозы М. Цветаевой и

выявлены характерные черты языкового поведения интроверта.

В докладе В. П. Г р и г о р ь е в а (Москва) «Словарь "Самовитое слово": А – Аю-Даг» был представлен отчет о проведенной под его руководством коллективной работе по составлению Словаря русской поэзии XX века. В 1997 г. был подготовлен к печати первый пробный выпуск Словаря, составившийся на базе данных и конкордансов по десяти поэтам (Анненский, Ахматова, Блок, Есенин, Кузмин, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Хлебников, Цветаева).

Бурное обсуждение вызвал доклад А. Б. П е н ь к о в с к о г о (Владимир) "О зевоте, скуке и лени, или как читать Пушкина", в котором говорилось о том, что современное прочтение Пушкина неадекватно. Автор проиллюстрировал свою мысль на примере слов *зевота, скука, лень*, имевших во времени Пушкина второе значение "тоска" или "грусть". По мнению докладчика, этот факт должен привести, в частности, к изменению взгляда на образ Евгения Онегина.

Отметим также выступления Г. А. З о - л о т о в о й (Москва) "Функционирование языка как лингвистический критерий и стимул"; О. Й о к о я м ы (США) "Nominal Theme and Speakers Empathy"; Г. П. Н е - щ и м е н к о (Москва) "К проблеме функциональной дифференциации этнического языка"; О. Б. С и р о т и н о й (Саратов) "Русский язык в разных типах речевых культур"; Н. А. К у п и н о й (Екатеринбург) "Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем", вызвавшие бурную дискуссию.

Л. П. К р ы с и н (Москва) в докладе "Динамический аспект социальной дифференциации языка", заключавшем пленарные заседания, говорил о возможности динамического подхода к социальной дифференциации, то есть рассмотрению расслоения языка в зависимости от 1) социальных характеристик носителей языка как участников отдельных речевых актов и 2) от социальных характеристик ситуаций общения. Он также очертил новое направление коллективных исследований, посвященное языку малых социальных групп.

На конференции работало четыре секции.

В рамках первой секции "Социокультурные аспекты функционирования языка" было заслушано 11 докладов. Отметим некоторые из них.

С. В. К о д з а с о в (Москва) посвятил

доклад проблемам использования в телевизионной рекламе встроенных и контролируемых свойств голоса. О. А. Мейер (Москва) в своем выступлении рассмотрела особенности семантики и просодии вопросов учителя на уроке. Судьбе русского языка за рубежом были посвящены выступления Е. М. Бразаускаене (Литва) "Грамматические особенности русского языка в Литве" и Т. М. Григорьевой (Красноярск) "Русская орфография в эмиграции".

Проблемы "гендер-лингвистики" рассматривались в докладах Т. И. Дценко (С.-Петербург) «Влияние фактора "пол" на внутренний лексикон подростка» и Е. В. Ерофеевой (Пермь) "К вопросу о фонетических характеристиках речи мужчин и женщин".

Вторая секция "Речевое общение" была представлена 8-ю докладами. Большой интерес вызвало сообщение М. Я. Гловинской (Москва) «"Испорченный телефон" как основной способ передачи чужой речи», в котором рассматривались основные типы искажений смысла чужих высказываний при пересказе. В выступлении Е. Н. Ширяева (Москва) обсуждался вопрос: можно ли считать разговорный диалог текстом. Рассматривалась структура, смысловые и лексико-семантические связи разговорного диалога. М. Ю. Федосюк (Москва) свой доклад "Художественная проза как источник сведений о системе жанров русской речи" посвятил проблеме создания номенклатуры жанров разговорной речи, обсудил возможность использования для этих целей авторских ремарок.

Коммуникативным аспектам функционирования русского языка были посвящены доклады Е. П. Захаровой (Саратов) "Категория чуждости как одна из коммуникативных категорий русского речевого общения", М. Миллз (США) «Коммуникативный анализ модели общения "врач – пациент"», В. Зайцевой (США) "Speech Acts: Lexicon, Grammar, and Cultural Stereotypes".

Третья секция объединила 7 докладов по теме "Лингвистическая поэтика".

Н. А. Фатеева (Москва) в своем сообщении "Языковые особенности современной русской женской прозы. Подступы к теме" обосновала новое направление исследований и сделала ряд интересных наблюдений над современной "женской" прозой, представленной произведениями Т. Толстой, Л. Петрушевской, В. Токаревой, В. Нарбиковой и др. В выступлении Н. А. Ни-

колюной (Москва) "Типы межжанрового взаимодействия" были рассмотрены вторичные (по М.М. Бахтину) жанры – жанры художественной литературы. Отмечалось, что в процессе их развития и взаимодействия может измениться модель построения и констатирующие признаки. В докладе Е. В. Крайильниковой (Москва) "О некоторых условиях выбора форм числа существительных в поэзии Тютчева" говорилось о том, что в стихотворной речи выбор форм числа существительного в некоторой степени подчинен ритмическому фактору, что было рассмотрено на материале стихотворения "Первый лист".

Совместный доклад А. Д. Шмелева и Е. Я. Шмелевой (Москва) "Виды языковой экспрессии в русском анекдоте" содержал ряд интересных наблюдений над строением анекдота (например, близость его к таким фольклорным жанрам, как народный театр), а также характеристики "речевых масок" персонажей национальных меньшинств (грузины, евреи, чукчи). Л. В. Зубова (С.-Петербург) в своем выступлении "Динамика грамматических реликтов и поэтические вольности" рассмотрела особенности употребления и восприятия церковно-славянских форм в современной поэзии.

На четвертой секции "Функциональная семантика" было заслушано 6 докладов.

В выступлении О. Ю. Богуславской (Москва) "Пространство и перемещение" подчеркивалось, что заложенная в пространственных наречиях и прилагательных идея перемещения играет важную роль при их семантическом анализе. В докладе Е. В. Урысон (Москва) был представлен один, ранее не обсуждавшийся, тип модификации значения лексемы на примере слова *предчувствие*, содержащего два компонента значения: 'знание' и 'чувство', которые могут попадать в фокус внимания говорящего отдельно друг от друга. Один из этих компонентов, в зависимости от семантического акцента, становится вершиной значения. Э. А. Столяркова (Саратов) в своем выступлении рассказала об исследовании типов лексико-семантических полей русской разговорной речи с точки зрения их частотности, интенсивности взаимодействия друг с другом и внутренней структуры.

Подводя итоги конференции, Л.П. Крысин отметил хороший научный уровень представленных докладов и высокую активность участников конференции.

А.В. Занадворова, Д.М. Савинов (Москва)

CONTENTS

N. Ju. Švedova (Moscow). Some theoretical results of the work over the "Russian semantic dictionary"; T. M. Nikolajeva (Moscow), I. Fougéron (Paris-Lille). Some observations on the semantics and status of complex sentences with concessive conjunctions; V. V. Dementjev (Saratov). Phatic speech genres; M. I. Černyšova, Ju. N. Filipovič (Moscow). Historical and lexicological (thematic) investigation: an experimental study based on informational technology; S. V. Kniazev (Moscow). On the criteria of syllabization in contemporary Russian: the sonority-wave and the theory of optimal value; V. S. Xrakovskij (St.-Petersburg). Universal concessive constructions; A. I. Domashev (St.-Petersburg). New German orthography. **From the history of linguistics:** O. V. Lukin (Jaroslavl'). Parts of speech in ancient science (logics, rhetorics, grammar). **Reviews:** E. Yu. Protasova (Moscow). Functional Pragmatics: variant of psycholinguistics or general theory of linguistics?; Yu. S. Stepanov (Moscow). *D. Dobrovolskij, E. Piirainen*. Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive; V. M. Alpatov (Moscow). *L.J. Loveday*. Language in contact in Japan. A socio-linguistic history; I. A. Perelmuter (St.-Petersburg). *M. Sabaneeva*. Essai sur l'évolution du subjonctif latin; E. Babaeva (Moscow). *A. Grannes*. Selected works on Russian and Slavonic linguistics; **Scientific life:** Chronicle notes.

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 28.10.98 Подписано к печати 16.12.98 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 21,1 тыс. Уч.-изд. л. 17,1 Бум. л. 5,5
Тираж 1453 экз. Зак. 2164

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
редакция журнала "Вопросы языкознания"
Телефон 201-74-42

Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6